

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69) № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала
«Ученые записки Таврического университета»,
который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2017

ISSN 2413-1679

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 - 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»**

**Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ
ВО «КФУ им. В.И. Вернадского, протокол № 11 от 21 декабря 2017 г.**

**Редакционная коллегия журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна – д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)
Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Петров Александр Владимирович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Селендили Лемара Сергеевна – д-р филол. наук, проф.
Скороходько Светлана Александровна – канд. филол. наук, доц.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.
Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 21.12.2017. Формат 70x100/16.
Заказ № НП/166. Усл. п. л. 12. Тираж 50. Бесплатно.
Дата выхода в свет 08.06.2018.

Отпечатано в Управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-philol.cfuv.ru>

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 г. (№ 2167) по группам специальностей: 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание

1. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.512.37 (Калм)

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»

Бембеев Е. В.

Федеральное государственное бюджетное учреждения науки «Калмыцкого научного центра
Российской академии наук», г. Элиста, Россия
e-mail: galdma@yandex.ru

В статье предпринята попытка квантитативного анализа языка текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар», который занимает особое место в духовной жизни калмыцкого и ойратского этносов. С помощью компьютерных технологий создан частотный список, в котором эксплицированы 28 текстов эпоса «Джангар». Общий список словоформ корпуса текстов эпоса «Джангар» представлен 14366 единицами, включая имена собственные. Приведены «верхушки» (50 единиц) наиболее частотных словоформ, где указаны их следующие статистические показатели: ранг (RANK), абсолютная частота (Частота), общая частота употребления на миллион слов условного корпуса (ipm), показатель для определения количества текстов, в которых встретилось слово (R (%)). Квантитативный подход позволяет классифицировать тексты эпоса «Джангар» в соответствии с авторами и школами, их стилями исполнения и временными данными, в рамках которых эти тексты были записаны. Так как различия между ними могут иметь в основном статистический характер, то можно описать и классифицировать все тексты эпоса «Джангар» на строго объективной базе. Частотные списки позволяют определить границы лексической системы языка эпоса, которая имеет свое ядро и периферийные поля (т. е. частотные и нечастотные элементы).

Ключевые слова: эпос «Джангар», квантитативный анализ, частотный словарь, словоформы, калмыцкий язык

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время с развитием информационных технологий большой интерес приобретают исследования и экспликация языковых явлений с помощью методов количественной математики, так называемой квантитативной лингвистики. Одним из реальных оснований применения статистических методов в изучении языка и речи (текста) следует признать объективную присущность языку количественных признаков. Новые компьютерные программы позволяют создавать частотные списки, в которых эксплицирована структурно-вероятностная модель того или иного языка,

определенного текста и т.д., что позволяет количественно описать поведение различных языковых единиц в письменном тексте, частоту употребления данных единиц, их распределение в текстах разного жанра, сочетаемость с др. единицами и т. п. «Одновременно накапливается обобщенная количественная информация о классах единиц, о языковых конструкциях... Такая информация углубляет описание единиц языка» [1, с. 231]. Одной из важнейших задач квантитативной лингвистики является составление частотных словарей, необходимость использования которых для решения прикладных и исследовательских задач несомненна. Такие словари представляют собой особым образом преобразованный текст. Как отмечает в своей работе В. А. Долинский, словарь подобного рода «...включает в себя упорядоченный список слов или других языковых единиц (словоформы, словосочетания), которые зарегистрированы составителем в обследованном им тексте, фрагменте текста или корпусе текстов и снабжены данными о частоте их употребления в тексте (речи). С его помощью можно попытаться ответить на вопросы: как много слов в языке (тексте), с какой интенсивностью они используются в речи, какие из них предпочтительнее в той или иной сфере коммуникации у того или иного автора и т. д.» [2, с. 285].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Создание частотных словарей на материале монгольских языков связаны с разработкой и созданием Генерального корпуса современного монгольского языка и Национального корпуса калмыцкого языка [3; 4; 5; 6]. Как отмечает С. А. Крылов «...на материале ГКМЯ впервые в монголистике монгольский язык был подвергнут изучению в его количественном аспекте. Это было сделано путём создания частотных словарей (ЧС) монгольского языка» [3, с. 48]. Актуальность создания частотных словарей заключается в том, что они передают (в том или ином виде) информацию о частотности употребления инвентаризуемых в них единицах, где наиболее частотная единица является наиболее значимой в лексической системе данного языка (текста), а нечастотные элементы свидетельствует о ее малоупотребительности. Между тем эти лексические единицы могут содержать

следы исторического развития, что является важным фактором при проведении сравнительно-исторических и типологических исследований.

В настоящей статье нами предпринята попытка количественного анализа языка текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар», который занимает особое место в духовной жизни калмыцкого и ойратского этносов, являясь сокровищницей традиций, отражающих самосознание и мироощущение кочевого народа. «Джангар» слагался и воссоздавался веками в устах рапсодов-сказителей (джангарчи) и прошел сложный путь развития от архаических форм к классическому героическому эпосу, подвергаясь различным трансформациям, напластованиям и переработкам. Исследователи калмыцкого героического эпоса «Джангар» насчитывают двадцать восемь глав (без учета вариантов), записанных в XIX-XX вв. у джангарчи той или иной исполнительской школы и объединенных в репертуарные циклы: Малодербетовский цикл (3 песни), Багацохуровский цикл (3 песни), репертуар Ээлян Овла (10 песен, магтал), Мукебюн Басангов (6 песен), Дава Шавалиев (4 песни, магтал), Насанка Балдыров (1 песня), Бадма Обушинов (1 песня). Все песни уникальны, т. к. записаны в разное время, у сказителей, принадлежащих разным школам исполнительского искусства и проживающих на различных территориях. Все перечисленные 28 текстов песен эпоса «Джангар» включены в базу данных Национального корпуса калмыцкого языка и обработаны в специальной лингвистической программе «TextAnalyzer». Данная программа представляет собой электронный ресурс научного назначения, предназначенный для обработки текстового материала на калмыцком языке. Он выполнен в виде приложения для операционной системы MS Windows (.exe) и связанной с ней Базы данных (БД), где хранится информация об автоматическом разборе текстов на калмыцком языке¹. Тексты включены в базу данных Национального корпуса калмыцкого языка и обработаны в специальной лингвистической программе «TextAnalyzer» [7; 8].

¹ Программа «Textanalyzer for the Kalmyk Language». Свидетельство о государственной регистрации программы ЭВМ №2016617062. Авторы: сотрудники КалмНЦ РАН А.Ю.Каджиев, В.В. Куканова, Е.В. Бембеев.

Прежде чем приступить к обработке данных, необходимо отметить, что анализу подвергаются не лексемы, а словоформы, обладающие реальной частотностью в языке текста. Интересно также отметить, что составители частотных словарей отмечают привычность основной словарной единицы – лексемы, а также тот факт, что при сведении словоформ в лексемы лингвисты могут использовать разные принципы, что приводит к более высокой доле субъективности в количественных показателях по лексемам по сравнению с количественными данными по словоформам. Между тем по оценке Л. Лёнгрена: «...количественные языковые факты, опирающиеся только на уровень словоформ, являются более объективными и надёжными» [9, с. 28–29]. Таким образом, в качестве единицы описания выступает слово «от пробела до пробела» в той грамматической форме, в которой она употреблена. Программа «TextAnalyzer» позволяет составить частотный список, выбрав в качестве единицы счета как словоформу, так и лемму (каноническую форму слова).

За основу создания нашего словаря принят Частотный словарь, основанный на материале Национального корпуса русского языка [Ляшевская, Шаров 2009]. Общий список словоформ корпуса текстов эпоса «Джангар» представлен 14366 единицами, включая имена собственные. Каждой словоформе приписан ранг, а также указана абсолютная частота по всем текстам эпоса в целом.

В таблице №1 приведены «верхушки» (30 единиц) наиболее частотных словоформ, где указаны их следующие статистические показатели:

1. Словоформы (приведены по принципу убывания общей частоты встречаемости словоформ).

2. Ранг (R), который присваивается в зависимости от частоты словоупотребления в текстах. Т.е. какое место занимает данная единица в ряду ей подобных, упорядоченному по принципу убывания числа вхождений данной единицы в состав корпуса.

3. Абсолютная частота словоупотребления. Т.е. общее количество вхождений единицы в состав корпуса.

4. Ipm (instances per million words), общая частота употребления на миллион слов условного корпуса.

5. Показатель R (%) для определения количества текстов, в которых встретилось слово.

6. Переводы словоформ на русский язык (в его основном значении).

Таблица 1. «Верхушка» частотного списка словоформ, отсортированного по абсолютной частоте и рангу

	1	2	3	4	5	6
	Текст	RANK	Частота	IPM	R(%)	Перевод
	уга	1	1200	7650	100	постпозитивная частица отрицания “не, нет”
	хойр	2	1036	6605	100	два
	улан	3	948	6044	100	красный
	гиж	4	881	5616	100	соед. деепр. от гих “говорить” что [изъясн. союз]
	цаһан	5	872	5559	96	белый
	хар	6	720	4590	100	черный
	арвн	7	684	4360	96	десять
	гиһэд	8	659	4201	100	разд. деепр. от гих “говорить” что [изъясн. союз]
	мөңгн	9	555	3538	100	серебро; серебряный
	долан	10	547	3487	100	семь
	авад	11	543	3461	100	разд. деепр. от авх “брат”
	шар	12	530	3379	93	желтый
	алтн	13	495	3155	100	золото
	дөрвн	14	488	3111	100	четыре

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»

	эн	15	487	3104	100	этот
	көк	16	435	2773	96	зеленый
	һарад	17	431	2747	100	разд. деепр. от һарх “идти”
	Хоңһр	18	430	2741	96	имя собст. Хонгор
	көвүн	19	425	2709	96	мальчик
	миңһн	20	420	2677	79	тысяча
	нег	21	419	2671	96	вин. падеж от негн “один”
	болад	22	416	2652	100	разд. деепр. от болх “становиться, быть”
	ирв	23	404	2575	96	пришел
	сээһн	24	397	2531	96	красивый; хороший
	алдр	25	381	2429	89	слава; славный; великий
	һурвн	26	372	2371	89	три
	одв	27	369	2352	100	ушел
	тавн	28	367	2339	96	пять
	Жаңһр	29	364	2320	96	имя собст. Джангар
	богд	30	350	2231	96	святейший

По статистическим характеристикам можно определить с заданной относительной погрешностью ту часть словника, в которую входят слова с высокой частотой появления, что позволяет обозначить границы лексической системы языка эпоса, которая имеет свое ядро и периферийные поля (т. е. частотные и нечастотные элементы). Данные показывают, что количество словоформ, имеющих употребление $>$ или $= 10$, насчитывается 1758 единиц, количество словоформ, имеющих употребление $>$ или $= 100$ — 150 лексических единиц. А количество словоформ, употребление которых в тексте эпоса < 5 раз насчитывает 8986 единиц.

Рассмотрим лексические единицы, входящие в первый десяток наиболее частотных «верхушек». Самой частотной единицей на материале эпоса «Джангар» является постпозиционное слово-отрицание уга (не, без, нет), что не безосновательно. В калмыцком языке отрицание уга, выражая значение отсутствия чего-либо, характеризуется весьма широким кругом употребления [11, с. 293; 12, с. 119; 13]. Слово-отрицание уга употребляется с именами, причастиями (многократным, прошедшего времени, будущего времени), разделительным деепричастием. Сочетаясь с именами существительными в атрибутивной позиции, выступает как аффикс, образующий прилагательные со значением отсутствия какого-либо признака, качества, свойства у предмета. Как субстантивное слово, оно склоняется и в предложении выполняет функцию самостоятельного члена предложения, например сказуемого «при отрицании экзистенциальных предложений» [11, 293–294; 14, с. 696].

Следующей абсолютно частотной словоформой в языке эпоса «Джангар» является числительное 2 “*хойр*” (1036 раз), которое помимо основного значения, выражающее понятие отвлеченного числа или количества предметов, может употребляться в функции обобщающего или союзного слова. Например: «*Ирн келн бээнэ: “Асхндаң хаана күүкн күргн хойр хойр бөк ноолдулн гижэ бээнэ”*» – «Придя молвил: “Вечером ханская дочь **и** зять хотят провести борцовский поединок между **двумя** борцами”» [Хондрин гер авлһна бөлг. Ээлян Овла]. В данном примере в первом случае “күүкн күргн **хойр**” («ханская дочь **и** зять») числительное 2 “хойр” выступает в роли союзного слова, во втором случае — как количественное числительное “**хойр бөк**” (два борца). Помимо числительного 2 в первую десятку высокочастотных словоформ эпоса также входят числительные 10 “арвн” (684 раза) и 7 “долан” (547 раз), связанные с древними мифологическими представлениями монголоязычных народов и обладающие сакральной семантикой. Эти данные отчасти подтверждаются материалами Б. Х. Тодаевой, выявленные ею на материале 12 песен эпоса [15, с. 177-513].

Помимо числовых словоформ в список наиболее частотных единиц текста эпоса входят словоформы, обозначающие цветовую символику. Как справедливо отмечает

профессор Г. Ц. Пюрбеев «принцип цветообозначения играет очень важную роль в фольклорном тексте, особенно в эпическом. В языках монгольских народов цветовой признак положен в основу видовых названий животных, пищи и пищевых продуктов, злаков и растений, различной качественной характеристики предметов и социального противопоставления людей» [16, с. 73]. Так на третьей позиции по частоте употреблений находится словоформа “улан” (красный), на пятой — “цаһан” (белый), на шестой — “хар” (черный). Две другие словоформы, обозначающие цветовую гамму и отличающиеся «высокими коннотациями в палитре этнической картины мира всех монголоязычных народов» также входят в число наиболее употребительных и частотных словоформ эпоса «Джангар»: “шар” (желтый) на 12 позиции, “көк” (синий/зеленый) на 16 месте по абсолютной частоте употребления [17, с. 76].

В калмыцком языке, как и во всех других монгольских языках, речевой или дицендиальный глагол *гих* играет исключительно важную роль. Основная масса придаточных предложений соединяется с главным с помощью разнообразных форм глагола *гих* «говорить, сказывать», а его причастные и деепричастные формы благодаря своей полисемантичности способны выступать не только в функции связи частей сложноподчиненных предложений, но и в качестве служебных слов, выполняющих иные функции. Это положение полностью подтверждается на материале текста эпоса «Джангар». Четвертую и восьмую позиции по частоте употребления занимают словоформы “гиж” (говоря) и “гihэд” (говорив, сказав). В калмыцком языке словоформа *гиж* является грамматическим омонимом и может выступать как глагол прошедшего результативного времени, соединительное деепричастие от глагола *гих* ‘говорить’, как союз (в том числе в составе союзного слова) в сложноподчинительных предложениях, как компонент устойчивых выражений: лексических и синтаксических фразеологизмов, как изменяемое служебное слово при производных глаголах с наречным значением, как утвердительная частица, подчеркивающая объективность повествования и др. Разделительное деепричастие ‘*гihэд*’ также выступает как союз (в том числе в составе союзного слова) в сложноподчинительных предложениях, как компонент

устойчивых выражений: лексических и синтаксических фразеологизмов, как изменяемое служебное слово при производных глаголах с наречным значением.

В десятку наиболее частотных словоформ входит и слово *мөңгн* “серебро; серебряный”, обозначающее названия предметов, сделанных из серебра или покрытых серебром. Как отмечает Г. Ц. Пюрбеев серебро является «самым почитаемым металлом, символизирующим чистоту, святость и благородство. В эпосе насчитывается свыше двадцати названий серебряных вещей, из них не менее десяти связаны с экипировкой всадника и деталями конской сбруи: серебряное стремя (*мөңгн дөрә*), серебряные удила (*мөңгн ууд*), серебряная седельная лука (*мөңгн бүүрг*), серебряная рукоять плети (*мөңгн иш*); украшенное серебром седло (*мөңгн эмэл*), узда (*мөңгн хазар*), поводья (*мөңгн цулвр*) нагрудный ремень (*мөңгн көмлдрһ*), потник (*мөңгн тохм*), подпотник (*мөңгн делтр*), серебряный столик (*мөңгн ширә*), серебряная дверь (*мөңгн үүдн*), серебряная пробка (*мөңгн бөглә*), серебряная чашка (*мөңгн ааһ*) [15, с. 51-52].

Лингвостатистический метод позволяет не только количественно описывать поведение различных языковых единиц (букв, морфем, слов и т. п.) в письменном тексте, но и дает почву для смыслового анализа лексики. Изучение словарных групп и семантических полей показывает, что лексические «пучки» поддерживаются семантическими связями, которые концентрируются вокруг лексем с наиболее общим значением.

2. «Верхушка» частотного списка словоформ, отсортированного по показателю $R(\%)$

Показатель $R(\%)$ указывает на то, какое место занимает та или иная единица в ряду ей подобных, упорядоченному по принципу убывания числа текстов, содержащих данную единицу, т.е. насколько часто данная единица используется в разных текстах эпоса «Джангар».

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»

	1	2	3	4	5	6
	Текст	R(%)	Частота	IPM	RANK	перевод
1	авад	100	543	3461	11	<i>разд. деепр. от</i> авх “братъ”
2	барун	100	280	1785	45	правый
3	болад	100	416	2652	22	<i>разд. деепр. от</i> болх “становиться”
4	гиһэд	100	659	4201	8	<i>разд. деепр. от</i> гих “говорить”
5	долан	100	547	3487	10	семь
6	мөңгн	100	555	3538	9	серебро; серебряный
7	хар	100	720	4590	6	черный
8	хойр	100	1036	6605	2	два
9	эс	100	295	1880	42	препозитивная частица отрицания “не, нет”
10	алтн	100	495	3155	13	золото; золотой
11	гиж	100	881	5616	4	<i>соед. деепр. от</i> гих “говорить”
12	деерэ н	100	235	1498	56	послелог
13	дөрвн	100	488	3111	14	четыре
14	ирэд	100	285	1817	44	<i>разд. деепр. от</i> ирх “приходить”

	1	2	3	4	5	6
15	одв	100	369	2352	27	ушел, отправился
16	орад	100	188	1198	73	<i>разд. деепр. от</i> орх “входить”
17	уга	100	1200	7650	1	постпозитивна я частица отрицания “не, нет”
18	улан	100	948	6044	3	красный
19	эн	100	487	3104	15	Это, этот
20	һарад	100	431	2747	17	<i>разд. деепр. от</i> һарх “выходить”
21	ар	96	212	1351	66	север; северный

«Верхушка» частотного списка словоформ, отсортированного по показателю R(%) показывает, что первые 20 словоформ, используемые во всех 28 текстах эпоса «Джангар». Это говорит о том, что данные единицы носят универсальный характер или присущи текстам определенного жанра. Однако эти единицы не всегда коррелируют с «верхушками» частотного списка словоформ, отсортированного по абсолютной частоте. Например, словоформа бөлг “глава” встретилась 28 раз, ровно столько раз, сколько мы имеем текстов, в виду чего она имеет 100% по показателю R(%). Следует подчеркнуть, что употребительность слова не определяется только лишь показателем R(%). Поэтому для оценки употребительности слова необходимо использовать разные параметры и способы оценки употребительности.

ВЫВОДЫ

Таким образом, приведенные количественные показатели можно использовать для создания структурно-вероятностной модели языка эпоса «Джангар». Во-первых, квантитативный подход позволяет классифицировать сами тексты эпоса «Джангар» в соответствии с авторами и школами, их стилями исполнения и временными данными, в рамках которых эти тексты были записаны. Так как различия между ними могут иметь в основном статистический характер, то можно описать и классифицировать все тексты эпоса «Джангар» на строго объективной базе. Во-вторых, частотные списки позволяют определить границы лексической системы языка эпоса, которая имеет свое ядро и периферийные поля (т. е. частотные и нечастотные элементы). Статистические характеристики дают ценные сведения о семантических полях лексических единиц. В-третьих, структурно-вероятностная модель языка отличается большей реалистичностью, а «верхушки» языковых единиц дают много ценных сведений, которые предоставляют большой интерес для проведения диахронических и сравнительно-сопоставительных исследований с данными других монгольских языков. В-четвертых, в аспекте практической значимости создание частотных списков можно широко использовать в прикладных целях. При обучении языку отдавать предпочтение наиболее частотным единицам, отмечая при этом значения многозначных и однозначных лексем, их поведение в письменном тексте, сочетаемость с другими единицами. Статистические данные могут быть широко использованы и при решении других лингвистических задач. Так, обратный статистический словарь даст материалы для анализа словообразования и определения активных средств словообразования калмыцкого языка на материале эпоса «Джангар».

Список литературы

1. Шайкевич, А. Я. Количественные методы в языкознании [Текст] / А. Я. Шайкевич // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 231.

2. Долинский, В. А. Квантитативная лингвистика в исследовании текста [Текст] / В. А. Долинский // Алфавит: Строеение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 283–324.
3. Крылов, С. А. Опыт изучения современного монгольского языка в количественном аспекте [Текст] / С. А. Крылов // Вопросы языкознания. – 2013. – № 5. – С. 46–57.
4. Куканова, В. В. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования [Текст] / В. В. Куканова, Е. В. Бембеев, Н. М. Мулаева, Н. Ч. Очирова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 3. – С. 138–150.
5. Генеральный корпус современного монгольского языка (ГКМЯ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/index.php?interface_language=ru. – (дата обращения: 20.10.2017)
6. Национальный корпус калмыцкого языка (НККЯ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kalmcorpora.ru>. – (дата обращения: 20.10.2017)
7. Бембеев, Е. В. Опыт квантитативной обработки текста на старокалмыцком языке: количественные характеристики [Текст] / Е. В. Бембеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 2. – С. 163–168.
8. Бембеев, Е.В., Куканова В.В., Каджиев А.Ю. Частотный словарь современного калмыцкого языка: правила анализа текстового материала [Текст] / Е. В. Бембеев, В. В. Куканова, А. Ю. Каджиев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 3. – С. 128–141.
9. Лённгрен, Л. Частотный словарь современного русского языка [Текст] / The Frequency Dictionary of Modern Russian / Lonngren, Lennart. Acta Univ. Ups., Studia Slavica Upsaliensia Uppsala 32]. – Uppsala, 1993. – 188 с.
10. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Текст] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва: Азбуковник, 2009. – 1112 с.
11. Грамматика калмыцкого языка [Текст]: фонетика и морфология / П. Ц. Биткеев [и др.] отв. ред. Г. Д. Санжеев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – 335 с.
12. Бембеев, Е.В. К вопросу о частицах калмыцкого языка (историко-сравнительный аспект) [Текст] / Е. В. Бембеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. –2011. – №1. – С. 117–123.

13. Баранова, В. В. Отрицание в калмыцком языке: изменение системы и распределение форм [Электронный ресурс] // Системные изменения в языках России, СПб., 16-18 октября 2014. – Режим доступа: <http://iling.spb.ru/conf/syschanges2014/materials/baranova.pdf>. – (Дата обращения: 20.10.2017).
14. Сай, С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка [Текст] / С. С. Сай // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. V. Ч. 2. Исследования по грамматике калмыцкого языка. – СПб.: Наука, 2009. – С. 622–709.
15. Тодаева, Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса “Джангар” [Текст] / Б. Х. Тодаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. – 530 с.
16. Пюрбеев, Г. Ц. Эпос «Джангар» [Текст]: культура и язык (=Жаңһр дуулвр: сойл болн келн) на русском и калмыцком языках / Г. Ц. Пюрбеев. – Изд. 2-е, перераб. – Элиста: ЗАОр «НПП “Джангар”», 2015. – 280 с.
17. Жуковская, Н. Л. Общемонгольские культурные традиции в эпосе «Джангар» [Текст] / Н. Л. Жуковская // «Джангар» и проблемы эпического творчества: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., г. Элиста. 22–24 авг. 1990 г. – Элиста, 1990. – С. 74–76.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF THE LANGUAGE OF KALMYK HEROIC EPOS DJANGAR

Bembeev E.

**Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista,
Kalmyk Republic, Russian Federation
e-mail: galdma@yandex.ru**

Summary. The article attempts to analyze quantitatively the language of the texts of Kalmyk heroic epic Djangar which occupies a special place in the spiritual life of the Kalmyk and Oirat ethnoses. With the help of computer technology, a frequency list has been created, in which 28 texts of the epic Djangar are explicated. The general list of word forms of the body of texts of the epic Djangar is represented by 14366 units, including proper names. The "tops" (50 units) of the most frequent word forms are given, where their statistical indicators are indicated: rank (RANK), absolute frequency (Frequency), total frequency per million words of the conditional case (ipm), an indicator for determining the number of texts in which a particular word is used (R (%)). The quantitative approach allows to classify the texts of the epic Djangar in accordance with the authors and schools, their performance styles and the time data within which these texts were written down. Since the differences between them can have a statistical nature, it is possible to describe and classify all the texts of the epic Djangar on a strictly objective basis. The frequency lists allow us to define the boundaries of epic lexical system of the language which has its core and peripheral fields (i.e. the frequency and nonfrequency elements).
Keywords: epic Djangar, quantitative analysis, frequency dictionary, word forms, Kalmyk language

References

1. Shaikevich A. Ya. *Kolichestvennye Metody v Yazykoznanii* [Quantitative Methods in Linguistics]. Linguistic Encyclopaedic Dictionary. M.: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. 231 p.
2. Dolinskii V. A. *Kvantitativnaya Lingvistika v Issledovanii Teksta* [Quantitative Linguistics in Text Research]. *Alfavit: Stroenie povestvovatel'nogo teksta. Sintagmatika. Paradigmatika*. Smolensk: SGPU Publ., 2004. Pp. 283–324.
3. Krylov S. A. *Opyt Izucheniya Sovremennogo Mongol'skogo Yazyka v Kolichestvennom Aspekte* [A Quantitative Study of Mongolian Language]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2013, no 5, pp. 46–57.
4. Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. *Natsional'nyi Korpus Kalmytskogo Yazyka: Arkhitektura i Vozmozhnosti Ispol'zovaniya* [National Corpora of the Kalmyk Language: Architecture and Prospects of Usage]. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovanii RAN*. 2012, no 3, pp. 138–150.
5. *General'nyi Korpus Sovremennogo Mongol'skogo Yazyka* [General Corpora of the Mongolian Language]. Available at: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/index.php?interface_language=ru. (accessed 20 October 2017).
6. *Natsional'nyi Korpus Kalmytskogo Yazyka* [National Corpora of the Kalmyk Language]. Available at: <http://kalmcorporu.ru>. (accessed 20 October 2017).
7. Bembeev E. V. *Opyt Kvantitativnoi Obrabotki Teksta na Starokalmytskom Yazyke: Kolichestvennye Kharakteristiki* [Experience of Quantitative Approach to Text Processing in Old-Kalmyk Language: Quantitative Characteristics]. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovanii RAN*, 2012, no 2, pp. 163–168.
8. Bembeev E.V., Kukanova V.V., Kadzhiev A.Yu. *Chastotnyi Slovar' Sovremennogo Kalmytskogo Yazyka: Pravila Analiza Tekstovogo Materiala* [Frequency Dictionary of the Modern Kalmyk Language: Rules of Analysis of Text Material]. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovanii RAN*, 2014, no 3, pp. 128–141.
9. Lenngren L. *Chastotnyi Slovar' Sovremennogo Russkogo Yazyka* [The Frequency Dictionary of Modern Russian]. Uppsala: Acta Univ. Ups. Publ., 1993. 188 p.

10. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyi Slovar' Sovremennogo Russkogo Yazyka* [The Frequency Dictionary of Modern Russian]. Moskva: Azbukovnik Publ., 2009. 1112 p.
11. *Grammatika Kalmytskogo Yazyka: Fonetika i Morfologiya* [Grammar of the Kalmyk Language: Phonetics and Morphology]. Elista: Kalmytskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1983. 335 p.
12. Bembeev E.V. *K Voprosu o Chastitsakh Kalmytskogo Yazyka (Istoriko-Sravnitel'nyj Aspekt)* [On the Particles of Kalmyk Language (Historical and Comparative Aspect)]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN*, 2011, no 1, pp. 117–123.
13. Baranova V. V. *Otritsanie v Kalmytskom Yazyke: Izmenenie Sistemy i Raspredelenie Form* [Negation in the Kalmyk Language: Change of System and Distribution of Forms]. *Sistemnye Izmeneniya v Yazykakh Rossii*, 2014. Available at: <http://iling.spb.ru/confs/syschanges2014/materials/baranova.pdf>. (accessed 20 October 2017).
14. Saj S. S. *Grammaticheskii Oчерk Kalmytskogo Yazyka* [Grammar of the Kalmyk Language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. T. V. Part 2. *Issledovaniya po Grammatike Kalmytskogo Yazyka*. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2009, pp. 622–709.
15. Todaeva B. H. *Opyt Lingvisticheskogo Issledovaniya Eposa "Djanganr"* [Experience in Linguistic Research of the Epic *Djanganr*]. Elista: Kalmytskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1976. 530 p.
16. Pyurbeev G. C. *Epos "Djanganr": Kul'tura i Yazyk* [Epic *Djanganr*: Culture and Language]. Elista: Dzhangar Publ., 2015. 280 p.
17. Zhukovskaya N. L. *Obshchemongol'skie Kul'turnye Traditsii v Epose "Djanganr"* [Mongolian Cultural Traditions in the Epic *Djanganr*]. *Dzhangar i Problemy Epicheskogo Tvorchestva*. Elista: Dzhangar Publ., 1990, pp. 74–76.

УДК 811.161.1:316.28+303.446.23

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КРЫМСКИЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Богданович Г. Ю., Новикова Т. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
e-mail: t.ju.novikova@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы создания серии учебных русско-национальных тематических словарей для поликультурного пространства Крыма. Описываются особенности функционирования русского языка и культуры в соседстве с культурами разных народов, населяющих полуостров. Успешность межкультурной коммуникации определяется консолидирующей функцией русского языка, которая помогает обеспечить равновесие поликультурной среды. Наш лексикографический проект позволяет создать реальные условия для диалога культур, составляющих поликультурное пространство Крыма. Именно язык передаёт сокровища каждой из культур, отражает эти богатства в своих лексических единицах. Наша серия словарей позволяет реализовать через посредство русского языка право различных национальных групп на изучение родных языков. Каждая национальная культура, нашедшая своё отражение в языке, становится при таком подходе равноправным участником полилога культур, занимает должное место в созвездии культур. Для создания таких русско-национальных учебных словарей важен общий базовый лексический компонент, объединяющий их в серию. Существенным моментом является включение в тематический учебный словарь элементов культурного комментария.

Ключевые слова: лексикографический проект, консолидирующая функция русского языка, учебный тематический словарь, язык входа, язык выхода, базовый лексический компонент, культурный комментарий.

ВВЕДЕНИЕ

У Ю. М. Лотмана есть очень короткое, но очень ёмкое определение культуры: «Культура есть память» [4, с. 8]. Поликультурные же пространства накапливают веками и хранят в себе некую совокупную память, которая, если следовать логике принятого определения, складывается из коллективной памяти всех тех культур, что волей истории контактировали и продолжают контактировать на рассматриваемом пространстве. Но это, безусловно, не есть простая сумма слагаемых, поскольку непосредственные соприкосновения приводят к неизбежному взаимопроникновению языков и культур, происходит своеобразная *диффузия* культур. Одновременно выстраивается такая система знаков, отражающих *мировидение* и *миропонимание* представителей различных культур, в которых содержатся специфические национальные признаки этих самых культур. И главным средством, собирающим подобные знаки общения культур и народов, которые их представляют, является

язык, а «одним из свидетельств диалога как взаимодействия культур оказываются заимствования из других языков. Количество и качество заимствованных слов и выражений позволяют судить о масштабах диалога культур» [8, с. 16]. Это касается, безусловно, и межкультурных диалогов на поликультурном пространстве. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «диалог культур – это равноправное взаимодействие культур, основанное на взаимопонимании их представителей. Взаимопонимание во всех его аспектах – языковом, социокультурном, аксиологическом (осознание и понимание ценностей другой культуры, партнёра по диалогу) и многих других – это основа и цель диалога культур» [8, с. 16].

Целью предлагаемой статьи является описание консолидирующей функции русского языка в практике создания серии учебных русско-национальных тематических словарей, обеспечивающих для всех желающих реальную возможность изучения своих родных языков через посредство русского языка, что в целом способствует формированию необходимых условий для равновесия поликультурной среды Крыма и успешной межкультурной коммуникации.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Крым представляет собой такое поликультурное пространство, на котором полилог культур, начавшийся в далёком прошлом, продолжается и сегодня. Русская культура на этом маленьком участке земли соседствует с культурами разных народов. Её колорит определяет именно тесное соприкосновение с другими культурами, элементы которых она впитала в себя и одновременно обогатилась ими. Поэтому русский язык на полуострове функционирует на фоне сплетения различных культур и тесного соседства народов, населяющих Крым. И в этих условиях наиболее ярко проявляется *консолидирующая* функция русского языка, его мощь и способность объединять многочисленные культуры в единое поликультурное пространство и одновременно сохранять память о каждом этносе и его культуре. Конкретная реализация этой важнейшей функции русского языка представлена в начатом ещё в конце прошлого века большом коллективном *лексикографическом проекте* по созданию *серии учебных русско-национальных тематических словарей* под общим

названием «*Шире круг*». Продолжение данной серии не только актуально, но и ещё более востребовано в условиях изменившейся геополитической ситуации.

Почему важна именно такая *лексикографическая серия* для поликультурного социума, и какие базовые основания должна она иметь? Прежде всего, в качестве *отправной точки* нами принимается следующее утверждение С.Г. Тер-Минасовой: «Язык – передатчик, носитель культуры, он передаёт сокровища национальной культуры, хранящиеся в нём, из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщённый культурный опыт предшествующих поколений» [8, с. 17]. В этом утверждении содержится и ключ к разгадке, почему в наш век глобализации у каждого народа такое стремление сохранить свою идентичность, свой родной язык и свою культуру. Поэтому важная задача поликультурных регионов предоставить возможность каждому этносу сохранить свою самобытность, культуру и язык. Только через диалог культур можно обеспечить успешность межкультурной коммуникации, снятие напряжённости и подлинное равновесие в поликультурной среде. Ю.М. Лотман справедливо отмечал: «Общество человеческое держится на различии между людьми, на том, что никто сам по себе не составляет даже части истины, а все мы вместе составляем путь к ней. ... Надо научиться ценить в другом человеке другого человека и надо обеспечить ему это право – быть другим» [5, с. 283]. Выдающийся исследователь и мыслитель, он не раз повторял, что мы живём, потому что мы разные. «Общество – это не набор солдат, это оркестр, где каждый инструмент ведёт свою, самостоятельную мелодию. ... Оркестр состоит в замечательном единстве разных голосов» [5, с. 283]. А поликультурное общество тем более требует к себе предельно деликатного отношения. Его единство возможно при условии, если каждый представитель социума будет уверен, что он при желании получит право голоса на своём родном языке, право изучать его и пользоваться им для сохранения своей культуры и идентичности, поскольку «одним из основных составляющих культуры и, следовательно, признаков этнической дифференциации является язык» [1, с.41]. Но парадокс поликультурного социума состоит в том, что принадлежность к определённому этносу, носителем культуры которого считает себя представитель

этого этноса, не обозначает автоматически владение своим родным языком, этим «признаком этнической дифференциации». Здесь уместно будет сослаться на публикации А.М. Эмировой, посвящённые проблеме крымско-татарского языка [12, с.101-106]. Но стремление знать свой родной язык, язык того этноса, с которым себя идентифицируешь, является вполне понятным и закономерным.

Крым – это *зеркало*, в котором отражается сам процесс формирования многоязычия и многокультурности мира: на территории этого маленького полуострова, чуть более 26 тысяч кв. км, по данным переписи населения 2014 года, проживает 175 этносов. И ни один народ не хочет затеряться в дебрях истории. «Существует, конечно, ряд случаев, когда различные культурные сообщества пользуются одним языком, и, наоборот, люди, осознающие своё культурное единство, используют разные языки, но, думается, что «нормой» всё-таки является единство языка, культуры и этноса» [1, с.41]. В поликультурном обществе работают, как нам представляется, обе тенденции.

Ю.М. Лотман неоднократно повторял: «История проходит через дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а «самостоянье человека» превращает его в историческую личность». Эта мысль стала даже своеобразным эпиграфом к его «Беседам о русской культуре». В поликультурную среду каждый этнос приносит с собой своё миропонимание и мироощущение, свою историю бытия. Так создаётся «многослойная» культура этого пространства. А в каждом этническом слое есть своя многослойность, которая присуща всякой культуре, что отмечал Ю.М. Лотман в своих беседах о русской культуре [См.: 5, с. 15]. Живя бок о бок с другими народами на общем открытом пространстве, каждый из этносов начинает испытывать на себе влияние соседа. И это естественный исторический процесс. В результате такого взаимовлияния и взаимодействия складывается поликультурное пространство, которое начинает обладать как общими, так и отличительными чертами. Особое ощущение крымского пространства позволило С. Елпатьевскому ещё в начале прошлого века сделать свои поэтические и в то же время вполне реалистичные и справедливые наблюдения: «Кто бы ни пришёл

в Крым, из каких бы суровых чуждых мест ни приходили люди, - они сделаются крымскими людьми. Как виноградные лозы, пересаженные из Испании и Франции и с острова Мадеры, теряют здесь часть своей индивидуальности и становятся крымскими лозами, так и люди, какими бы они ни были и из каких бы холодных мест они ни приходили, размякнут и разнежатся, примут в свои души часть души моря и тополя, немой горы и золотого крымского месяца. Но будет другая культура, будет новое производное из Крыма и новых людей» [2, с. 67]. То самое поликультурное и полиэтничное пространство, которое в наше время служит предметом научного описания в лингвокультурологии.

Учитывая уникальность собрания народов и культур на полуострове, здесь есть и болгары, и немцы, и греки, и армяне, и крымские татары, и малочисленные крымские народы: караимы, крымчаки, - путь к решению проблемы сохранения их языков и культур нам видится в создании серии русско-национальных словарей на *общем базовом* лексическом материале. В результате мы получим учебную *лексикографическую основу* из русско-национальных словарей. Но это не должен быть неподвижный корпус лексики. В каждом создаваемом русско-национальном словаре лексическое ядро неизбежно должно прирастать новыми национально маркированными смыслами, зафиксированными лексическими единицами каждого описываемого языка, что представлено нами на примере уже созданных словарей. Таким образом, сам по себе жанр словаря подразумевает диалогичность, поскольку в каждом из вариантов возникает диалог двух культур: русской и крымско-татарской, русской и польской, русской и немецкой и т.д. Такая база даст всем желающим реальную возможность познавать свой родной язык через посредство русского языка. Подобный лексикографический подход к проблеме изучения национальных языков на фоне русско-национального многоязычия, полагаем, будет полезен не только в Крыму, но и в любом другом поликультурном регионе России. Хорошей теоретической основой для такого лексикографического описания полилингвального пространства может послужить опыт, накопленный в практике преподавания и обучения РКИ.

Как известно, сейчас много научных исследований выполняется на стыке различных наук и направлений. Методическая наука, связанная с преподаванием языков: родного, неродного и иностранного, - также не исключение и потому не может оставаться в стороне от происходящих процессов развития знаний. Тем более что опыт, накопленный в каждом из направлений преподавания русского языка, вполне позволяет дать практический ответ на вызовы времени, связанные с овладением навыками успешной *межкультурной* коммуникации.

И особое место в методике, как мы знаем, занимает учебная лексикография, получившая своё серьёзное развитие в 70-х годах прошлого века. Наиболее плодотворным и значимым стало лексикографическое направление, связанное с преподаванием русского языка как иностранного. Сущность современной учебной лексикографии как самостоятельной лингводидактической дисциплины заключается во взаимосвязи лингвистики и методики в целях преподавания русского языка. Главным объектом её описания остаётся, естественно, слово. Однако оно выступает не только как словарная единица для лексикографического описания. Ценность учебной лексикографии определяется тем, что слово здесь представляется в его *предречевой готовности*, как специфическая учебная единица. Именно коммуникативная направленность учебных словарей определяет их активное использование в учебном процессе. Естественно, что без словаря осознанное изучение любого неродного/иностранного языка состояться не может, независимо от уровня развития цивилизации. По-прежнему востребованным для решения таких учебных задач будет оставаться хороший *двуязычный учебный* словарь, добротный составленный с учётом современных лексических запросов пользователя. Это же в полной мере относится и к создаваемой нами серии русско-национальных словарей, нацеленных на использование их в поликультурном социуме для обеспечения права на изучение родных языков различными национальными группами через посредство русского языка. Как мы уже отмечали, для создания таких русско-национальных учебных словарей важен общий базовый компонент, позволяющий *объединить* их в серию. Он должен складываться из ряда элементов, обеспечивающих коммуникативную направленность словарного материала. Прежде всего, чтобы

представлять дидактическую ценность, учебный словарь должен опираться на *естественные механизмы* усвоения лексических единиц.

И хотя нынешний век характеризуется как эпоха информационного взрыва, получение информации, связанной с усвоением языка, проходит свои неизменные, можно сказать, рутинные этапы, обусловленные действием определённых механизмов. Суть этих механизмов раскрыл в своей речи «О предметном мышлении с физиологической точки зрения» великий И.М. Сеченов ещё в 1894 г. на IX съезде естествоиспытателей и врачей. Обратимся к его рассуждениям, посвящённым вопросам мышления, которые, на наш взгляд, не утратили своей актуальности и остаются интересными для тех, кто изучает языки и кто хочет понять, как работают мыслительные механизмы, понять логику усвоения информации.

«У всех народов всех веков, всех племён и всех ступеней умственного развития словесный образ мысли в наипростейшем виде сводится на наше трёхчленное предложение. Благодаря именно этому мы одинаково легко понимаем мысль древнего человека, оставленную в письменных памятниках, мысль дикаря и мысль современника. Благодаря тому же мы можем утверждать с полной уверенностью, что и те внутренние скрытые от нас процессы, из которых возникает бессловесная мысль, у всех людей одинаковы и производятся такими орудиями, которые действуют неизменно, как звенья какой-нибудь машины» [6, с.10]. Здесь нужно привести разъяснение И.М. Сеченова по поводу понимания им трёхчленного предложения.

Рассуждая о том, из каких физиологических элементов слагается предметная мысль, прежде чем она облекается в слово, великий физиолог говорит: «Предметных мыслей так же много и даже больше, чем отдельных предметов внешнего мира с различимыми в них отдельно признаками, потому что в состав мысли входят, как известно, не только отдельные цельные предметы, но предмет и его часть, предмет и его качество или состояние и пр. Значит, вопрос наш разрешим лишь при условии, если всё почти бесконечное разнообразие мыслей может быть подведено под одну или несколько формул, в которых были бы совмещены все существенные элементы мысли. Иначе пришлось бы разбирать сотни тысяч разных случаев. К счастью, такая

формула существует давным-давно, и мы все знаем её с детства, когда учились грамматике.

Это есть *трёхчленное предложение*, состоящее из *подлежащего, сказуемого и связки*» [6, с. 9]. Далее И.М. Сеченов раскрывает общий смысл каждого из трёх элементов, показывает, как формируется мысль и из каких элементов она складывается. «Ведь мысль есть мысль не потому, что она состоит из трёх частей разных наименований, а потому, что в ней заключён известный смысл. ... В предметной мысли подлежащему и сказуемому всегда соответствуют какие-нибудь реальные факты, воспринимаемые нашими чувствами из внешнего мира. Стало быть, общее между ними по смыслу то, что *они суть продукты внешних воздействий на наши органы чувств*» [6, с. 10-11].

Важным представляется рассуждение великого физиолога о сути и роли связки в предложении: «Совсем иное, по крайней мере с виду, представляет третий член предложения – связка. Её словесный образ лишён обыкновенного предметного характера; она выражает собою отношение, связь, зависимость между подлежащим и сказуемым. Связка носит, так сказать, не существенный, а идейный характер, так как именно ею определяется смысл мысли. Без связки подлежащее и сказуемое были бы два разъединённых объекта, с нею же они соединены в род осмысленной группы» [6, с. 11]. Из этого рассуждения следует важный вывод о том, какой собственно механизм делает предложение предложением, содержащим высказанную мысль.

Размышляя о том, что «связей, зависимостей и отношений между предметами внешнего мира многое множество, ими наполнены все науки о внешнем мире» [6, с.11], И.М. Сеченов приходит к важному выводу: «Все мыслимые отношения между предметами внешнего мира подводятся в настоящее время под три главные категории: *совместное существование, последование и сходство*. Первой из этих форм соответствуют пространственные отношения, а второй – преемство во времени. Как частный случай последования, приводится ещё причинная зависимость» [6, с.12-13]. Относительно связей по сходству великий физиолог говорит следующее: «... весь прогресс теоретической половины человеческих знаний о внешней природе достигнут в сущности сравнением предметов и явлений по сходству» [6, с.13]. И

далее он выводит общую формулу предметной мысли по смыслу: «Предметная мысль представляет членораздельную группу, в которой члены с предметным характером могут быть связаны между собой на три разных лада: сходством, пространственным отношением (как члены неподвижной пространственной группы) и преемством во времени (как члены последовательного ряда)» [6, с.13].

Именно на таких основополагающих принципах базируется фактически коммуникативная грамматика, которая лежит в основе всех современных учебников по РКИ. Обучая неродному языку, мы целенаправленно учим элементам мысли, наполняя их чужими лексическими и грамматическими средствами. И в качестве единицы обучения выступает текст и его элемент - предложение. «Базисным оперативным элементом текста и его смысловой структурной единицей предложение является в силу того, что субъектно-предикатные отношения содержат в себе необходимую для познания характеристику истинности или ложности отображения какого-либо явления и, таким образом, создают предпосылки для обсуждения в процессе общения соответствующей информации об окружающей действительности, а в качестве конечного итога – взаимопонимание коммуникантов.

Субъектно-предикатная структура предложения в гносеологическом плане – это его глубинная смысловая структура, пропозиция – его форма. Соотношение двух понятий (простых или развёрнутых), одно из которых высказывается о другом, вскрывает ту диалектику бытия, которая отображает в принципе объективную диалектику взаимосвязи вещей и явлений. Пропозиция в своей обобщающей форме передаёт минимальное звено взаимосвязи в виде соотношения «нечто о чём-то», - читаем мы размышления Г.В. Колшанского [3, с.40], которые переводят в лингвистическое русло идеи, высказанные И.М. Сеченовым. Именно понимание, какие механизмы работают в мыслительной деятельности, помогает сделать процесс обучения не только целенаправленным, но и хорошо осознаваемым, благодаря усвоению основных формул изучаемого языка, которые схожи с формулами родного языка. Разница состоит лишь в том, что в родном языке при его усвоении с самых малых лет эти формулы работают бессознательно, а в изучаемом неродном языке они эксплицируются.

Тот факт, что внутренние скрытые процессы, из которых возникает бессловесная мысль, у всех людей одинаковы, даёт нам великий дар понимать друг друга и возможность учить другие языки. Именно поэтому если выучил один иностранный язык, легче учить все последующие: опираясь на приобретённый лингвистический опыт, сознательно понимаешь, как работает универсальный мыслительный механизм. Этот универсальный мыслительный механизм полезно учитывать и при создании учебных словарей.

Наиболее отвечающим целям обучения родным языкам и межкультурной коммуникации в поликультурном пространстве, на наш взгляд, является объединяющий базовый учебный *тематический* словарь. Почему именно *тематический*? Слова, представленные в виде тематических групп, позволяют осмысленно конструировать тексты на заданную тему. Тема позволяет собрать в одной рубрике лексические единицы, связанные по смыслу через ассоциации. Так слова приобретают в тематической группе потенциал текстообразующих, они «стремятся» друг к другу, объединённые общей темой, именно поэтому лексические единицы не упорядочены в алфавитном порядке в пределах темы. А словарь, таким образом, получает более выраженную учебную направленность.

Создаваемые нами в этой серии тематические словари обладают ещё и тем преимуществом, что сам жанр определяет антропоцентричность интерпретации языковых единиц. На первом этапе работы перед нами стояла задача размещения слов базового русского списка по смысловой близости, на втором - использование русского списка в качестве языка входа с последующим переводом на другие национальные языки. После процедуры перевода, на третьем этапе, осуществляется наложение списков с целью выявления тех тематических зон, которые включают фоновые и безэквивалентные лексические единицы. Для таких единиц используется специальная помета в словаре, указывающая на «чужое» для данной культуры слово. Язык входа (таковым у нас является русский язык), с одной стороны, содержит подобные единицы по отношению к выходным языкам, а с другой стороны, готов и сам принимать в себя «чужие» лексические средства из выходных языков.

Исходя из практических учебных целей использования словаря, мы не ставили перед собой задачи выявления и описания всех смысловых групп, присутствующих в лексической системе языка. Нами были выделены только те, которые более существенны с точки зрения обучающего потенциала и их актуальности в адекватном отражении реальных жизненных ситуаций. Безусловно, мы не предлагаем рассматривать свою тематическую классификацию в качестве единственно возможной, в ней, как и в любой другой тематической классификации, присутствует субъективный фактор, на что справедливо указывал В.В. Морковкин.

В качестве основного ориентира при составлении базового словника послужил десятый лексический список из 5000 самых важных слов в системе русского языка, представленный в словаре «Система лексических минимумов современного русского языка» под редакцией В.В.Морковкина [7].

В процессе лексикографирования минимум неоднократно корректировался, уточнялся, и в результате наш базовый список включает около 5000 слов, объединённых в 5 обширных понятийных (тематических) *областей*: 1. Человек; 2. Общество; 3. Работа, занятие, свободное время; 4. Окружающий мир; 5. Время, пространство, количество. Далее каждая из этих *областей* членится последовательно на ряд понятийных (тематических) *групп*. Так, в *области* Человек выделяется 10 тематических *групп*. Перечислим их: *Тело: внешний вид, внутренние органы, Питание, Здоровье, болезнь, Одежда, обувь, Жильё, Духовная и умственная сферы; эмоции, Этика, религия, Воля, Мышление, Язык*. В *область* Общество входят 2 *группы*: *Частная жизнь, Общественная жизнь*. Понятийная *область* Работа, занятие, свободное время включает 5 тематических (понятийных) *групп*: *Образование, Профессиональная деятельность, Экономика, Транспорт, Досуг*. В понятийную *область* Окружающий мир вошли 3 *группы*: *Погода, Природа, Животные, растения*. Понятийная *область* Время, пространство, количество состоит из соответствующих *групп*: *Время, Пространство, Количество*. Всего тематический план включает 23 понятийные *группы*, содержание которых составляют слова, распределённые на 185 нумерованных *подгрупп*. Каждая из них

имеет наименование. Отдельным заключительным списком в словаре представлены Структурные слова, не вошедшие в тематические группы.

Коммуникативная направленность словаря определяется тем, что в центре всей тематической классификации находится Человек. Он обладает способностью познавать реалии мира, его фрагменты, овладевать лексикой и грамматикой для выражения с помощью языка различных своих мыслей об окружающем мире, а также своих эмоциональных состояний и чувств. Далее пространство вокруг Человека расширяется, и он включается в следующий концентр - Общество. Находясь в пределах общества, человек начинает активно взаимодействовать с ним, эти взаимодействия отражены в третьем концентре - Работа, занятие, свободное время. На следующем этапе пространство вокруг человека снова расширяется, и он вступает в концентр Окружающий мир, среди которого ему выпало существовать. Завершающий концентр вводит его в такие универсальные категории, как Время, пространство, количество. Такой подход, такая логика выделения тематических групп, даёт нам возможность использовать идею постепенного расширения пространства вокруг *Человека*. Мы можем показать, как шаг за шагом расширяется пространство, окружающее человека, по мере его выхода за пределы себя. Расположение в пределах расширяющихся пространств тематических групп и подгрупп хорошо укладывается в идею познания мира ребёнком. А в этой роли, как известно, был каждый владеющий своим языком, поэтому имеет соответствующий лингвистический опыт.

Частеречная принадлежность лексических единиц, включённых в тематические списки, позволяет осуществлять целенаправленное обучение «элементам мысли» на изучаемом языке – предметная и глагольная лексика даёт возможность конструировать высказывание на заданную тему с использованием различных языковых кодов. Важным моментом при составлении базового словника было размещение в тематических группах структурных слов, которые помогают конструированию предложения. В отдельную рубрику Структурные слова вынесены только те единицы (местоимения, предлоги, союзы и союзные слова, частицы,

вспомогательные глаголы), которые не поддавались распределению по тематическим группам.

Принятый нами подход к лексикографированию, конечно, требует тщательного отбора и упорядочения лексических единиц в той последовательности, которая в наибольшей степени способствует их целенаправленному запоминанию и интенсификации учебного процесса. Также в ходе лексикографической практики в центре нашего внимания находятся такие характеристики описываемых языков, как близкородственность и разноструктурность, поскольку, как писал Л. В.Щерба, «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» [11, с. 49].

Большинство слов русского и всех описываемых через его посредство языков полисемичны, но если многозначное слово входит в тематическую группу, то его многозначность снимается, и в группу оно вводится в том конкретном значении, которое раскрывается данной темой. Учитывается также тот факт, что «семантический объём слов, сходных в отношении выражаемого ими понятия, в различных языках часто не совпадает» [13, с. 132].

Таким образом, поиск эквивалентов семантизации осуществляется путём вычленения того значения слова, которое соотносится с тематической группой, описывающей определённый фрагмент реальной действительности. В связи с тем, что в группе реализуется только данное конкретное значение слова, это же слово может встречаться в разных тематических группах. Сошлёмся на пример из описаний в русско-немецком словнике, который на данном этапе находится в стадии разработки. Так, лексическая единица *блюдо* входит в русском списке в тематические подгруппы 13. *Еда* и 23. *Посуда*. В переводе на немецкий язык этому слову уже будут соответствовать две лексические единицы: в группе 13 ему соответствует перевод *Gericht, das*, а в группе 23 - *Schüssel, die*. Лексическая единица *взгляд* входит в подгруппы 4. *Глаза* и 59. *Мнение*. В качестве эквивалентов немецкий язык даёт нам два слова: в группе 4 *взгляд* переводится как *Blick, der*, а в группе 59 *взгляд* будет в переводе *Ansicht, die*.

Как мы видим, у немецких слов появляется в словаре и важная грамматическая характеристика – категория рода, выражаемая с помощью артикля.

Каждый язык связан с историей своего народа-носителя. Являясь одним из основных признаков нации, язык выражает и национальную культуру. Но тематический словарь, как правило, группирует слова по темам и больше никакой информации о словах не даёт. Однако в двуязычных словарях нового поколения уже намечается тенденция включения в них лингвокультурологического модуля. Это связано с тем, что при обучении иностранному языку лингвокультурологическая компетенция является частью коммуникативной компетенции, поскольку язык и культура неразрывны. В наших двуязычных русско-национальных тематических словарях тоже выделяются и отмечаются специальной пометой фоновые и безэквивалентные лексические единицы, требующие краткого, ограниченного жанром словаря, культурного комментария. Культурный комментарий предусмотрен как для языка входа (русского), так и для языка выхода (крымско-татарского, польского, немецкого и др. национальных языков). Такой подход к подаче лексических единиц позволяет пользователю посмотреть на оба языка, изучаемый и родной, осознанно, как бы «со стороны», увидеть в каждом из них «своё» и «чужое». Приведём списки лексических единиц с культурными маркерами из уже изданных нами словарей серии «Шире круг» [9, 10], выделив «своё-чужое» в каждом из описываемых языков с учётом языка входа (русский) и языка выхода (крымско-татарский, украинский, польский). Появление лексических единиц, требующих специальной пометы, может быть обусловлено наличием/отсутствием культурных реалий в сопоставляемых языках, несовпадением семантики слов, наличием лексической единицы для называния родственных отношений в одном языке, которой нет соответствия в другом и т.д. Для иллюстрации обратимся к трёхязычному учебному русско-украинско-крымско-татарскому тематическому словарю.

Языки выхода – украинский и крымско-татарский

Своё в крымско-татарском языке и культуре / Чужое в русском и украинском языках и культурах

* кубете, катык, лагман, люля-кебаб, десерт из тыквы – группа «Питание»

* пиала, казан - подгруппы «Посуда», «Кухня»

* Ораза-Байрам, Курбан-Байрам, Навруз, Хыдырлез, Ночи благодарения – названия праздников; Коран, минарет, мулла, мечеть, намаз – подгруппы «Религия», «Церковь, мечеть»

* самый младший брат, самая младшая сестра – отдельные слова для называния таких родственных отношений в крымско-татарском языке в подгруппе «Семья»

* напев, большой барабан, скрипка со шпилем, зурна, саз, камышовая флейта – подгруппа «Музыка»

* дворцовая поэзия – подгруппа «Литература»

* табут – подгруппа «Смерть»

* Венера – Чолпан – подгруппа «Небо»

* хан, ханство, Меджлис – подгруппы «Форма правления», «Парламент, правительство»

* кантарь – подгруппа «Вес»

* время в сутках: между завтраком и обедом, перед сном, глубокая полночь – подгруппа «День, неделя»

Чужое в крымско-татарском языке и культуре / Своё в русском и украинском языках и культурах

* щи, ветчина, сало - группа «Питание»

* Библия, Богородица, Иисус Христос, Рождество, Пасха, Троица, Прощёное воскресенье, Масленица - подгруппы «Религия», «Церковь, мечеть»

* креститься - подгруппа «Церковь, мечеть»

* гроб – подгруппа «Смерть»

* целоваться – подгруппа «Свадьба»

*Горько! – возглас на свадьбе - подгруппа «Свадьба»

Как мы видим, близкородственные русский и украинский языки и культуры реагируют идентично на «своё-чужое». Ясно, что для крымско-татарского языка и

культуры чужими являются, прежде всего, лексические единицы, обозначающие понятия, связанные с религией, а также относящиеся к свадебной традиции. Можно предположить, что приведённые лексические единицы в принципе показывают наиболее чувствительные тематические группы при описании каждого из миноритарных языков Крыма, к которым относятся крымско-татарский, караимский и крымчакский.

Обратимся к оппозиции «своё-чужое» в русском и польском языках на материале русско-украинско-польского учебного тематического словаря.

Язык выхода - польский язык

Своё в польском языке и культуре / Чужое в русском языке и культуре

* бигос, суп из рубца, котлета отбивная

* Сейм

* костёл, ксёндз

* конкордат, брак по конкордату

* второе имя

* злотый

* декаграмм – единица измерения веса; 1 декаграмм=10 г

** Сочельник – отмечается *24 декабря*; Рождество – отмечается *25 декабря*; Крещение (Богоявление) – отмечается *6 января*; День всех Святых – отмечается *1 ноября*; День всех Усопших верных – отмечается *2 ноября*

** Святой Николай – *этот образ глубоко почитаем и в православии, но он не связан так тесно с Рождественскими праздниками, как это в католической традиции. Из Германии по всей Европе у католиков распространился обычай вывешивать в Рождество башмачки или носочки для подарков детям от святого Николая.*

* брат и/или сестра; братья, сёстры – общее польское слово в вопросе и ответе о наличии братьев и/или сестёр

* дедушка и бабушка – общее слово в польском языке в вопросе и ответе о наличии дедушки и бабушки

* дядя и тётя – общее слово в польском языке в вопросе и ответе о наличии дяди и тёти

* племянник – соответствует два польских слова, в зависимости от того, чей ребёнок: сестры или брата

* племянница - соответствует два польских слова, в зависимости от того, чей ребёнок: сестры или брата

* стодневка – в январе, за 100 дней до экзамена на аттестат зрелости

* половинки – отмечается половина срока учёбы в университете

Чужое в польском языке и культуре / Своё в русском языке и культуре

* ряжанка

* Радоница/Радуница

** Сочельник – отмечается 6 января; Рождество – отмечается 7 января; Крещение (Богоявление) – отмечается 19 января; День всех Святых – в православии отмечается в первое воскресенье после дня Святой Троицы

* Прощёное воскресенье

* отчество

* первый звонок

* последний звонок

* стодневка – встреча выпускников прошлых лет в своей школе в начале февраля

* маршрутное такси, маршрутка

* (место) боковое - в плацкартном вагоне

* электричка – популярное название пригородного поезда

* Дед Мороз

* Снегурочка

В приведённом списке лексических единиц со специальной пометой, требующих краткого комментария, в русском и польском языках отмечены также названия общих христианских праздников, поскольку не совпадают их даты у католиков и православных.

В русско-немецком словаре, который на данном этапе находится в процессе создания, можно продемонстрировать «своё-чужое» на отдельных примерах тематической группы *Питание*, которая, как показывает наша лексикографическая практика, всегда должна корректироваться с учётом национальной кухни каждого народа. Так, типичными и узнаваемыми для носителей немецкого языка и культуры будут такие продукты и их наименования, как *брецель*, *сосиска с карри*, *белая сосиска*, *солодовые леденцы*. Они в русско-немецком словаре получают специальную помету и краткий комментарий.

**Брецель* – крендель, часто посыпанный крупной солью. Может подаваться к пиву.

**Сосиска с карри* – типично немецкое блюдо (фастфуд). Жареная, крупно порезанная, с пикантным томатным соусом и посыпанная приправой карри. Часто подаётся с картошкой фри.

**Белая сосиска* – типичная баварская сосиска из очень мелко молотого мяса (телятины и свинины). Подаётся со сладкой горчицей, часто к пиву.

**Солодовые леденцы* – употребляются не только как лакомство, но и как леденцы от кашля.

Соответственно из русского списка (язык входа) «чужими» для немецкой кухни будут *сырники*, *вареники*, *пельмени*, *варенье* и др.

В результате нашей лексикографической практики сформируются такие параллельные учебные лексические минимумы русского и всех других описываемых национальных языков, в которых каждый из этих языков может в дальнейшей работе рассматриваться как язык входа и как язык выхода. Учёт культурного фона слов «своё»/«чужое» в двух списках при установлении эквивалентных соотношений позволяет менять местами языки входа и выхода. Ещё один важный момент: в создании переводных русско-национальных тематических словарей участвует авторский коллектив, в состав которого мы стараемся пригласить переводчика - носителя языка, хорошо знакомого с культурной средой, в которой описываемый язык функционирует как родной. Поликультурная среда, объединяющая общими условиями жизни, способствует тому, что некоторые реалии из естественной

культурной среды, в которой функционируют немецкий, польский, греческий и другие языки перестают быть актуальными в поликультурной среде. Но это не означает, что лексические единицы, называющие эти реалии, не включаются в тематические списки. Напротив, мы стремимся максимально учитывать их в пределах описываемых тематических групп, чтобы не превращать перевод в механический процесс и не отрывать описание языка от культуры, с которой он тесно связан. Создание каждого нового русско-национального словаря в серии нужно рассматривать как творческий процесс.

Не менее важным, чем учёт культурно маркированной лексики, представляется выделение в процессе лексикографирования устойчивых и подвижных тематических зон. Лексика, как сейчас ощущает на себе каждый носитель языка, наиболее чутко реагирует на все изменения, происходящие в жизни общества. Речь не идёт о лавине заимствований, подчас затрудняющих коммуникацию, например, между разными поколениями, а о тех нейтральных лексических единицах, которые обслуживают, в частности, тематическую группу *Общественная жизнь*. В ней фиксируются лексическими единицами происходящие изменения в экономике, политике, все, если можно так сказать, турбулентности исторической эпохи, в которой выпало нам жить. И кстати, давая оценку любым историческим событиям, стоит вспомнить, как подходил к этому Ю. М. Лотман: «События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей будут казаться необъяснимыми и бессмысленными» [5, с. 13]. После исторических событий крымской весны 2014 года наиболее существенная корректировка потребовалась в таких тематических подгруппах, как *Государство; Парламент, правительство; Политические партии; Административные органы*. В них нашли своё отражение произошедшие события, во многом изменившие геополитический контекст современности. Внесения некоторых дополнений и изменений потребовала подгруппа *Больница, поликлиника*, что тоже связано с новым законодательным полем в системе здравоохранения.

Созданная нами базовая модель русско-национального учебного тематического словаря с учётом лингвокультурологического компонента обладает открытой

структурой, и мы приглашаем к сотрудничеству всех желающих для участия в переводе на родные языки того базового лексического тематически организованного минимума, который позволит крымским этносам сохранить знание своих родных языков для сохранения культуры в поликультурном крымском социуме. Возникает вполне резонный практический вопрос: какие языки следует включить в серию русско-национальных словарей в первую очередь? Прежде всего, это языки, объявленные вместе с общегосударственным русским языком в качестве государственных в Республике Крым - украинский и крымско-татарский. Поэтому создание русско-украинского и русско-крымско-татарского учебных тематических словарей можно рассматривать в числе первых. Для этого есть и база - трёхязычный учебный тематический словарь [9]. В нём уже проделана подготовительная работа по корректировке отдельных тематических групп, лексический материал приведён в соответствие с новыми для Крыма геополитическими реалиями.

Есть и такие немногочисленные этносы в Крыму, как караимы и крымчаки. С помощью предлагаемого нами учебного словаря реально создать базовый тематический минимум для этих языков, на основе которого потом можно писать современные коммуникативные учебники по нашим миноритарным языкам. Только такая кропотливая работа позволит сохранить караимский и крымчакский языки. На данном этапе ведется работа над русско-немецким и русско-греческим словарями лексикографической серии «Шире круг».

Таким образом, собранный в словаре базовый лексический фонд может быть использован для создания эквивалентных учебных тематических групп на национальных языках. В дальнейшем на этой лексической основе можно писать современные коммуникативные учебники и учебные пособия для обучения национальным языкам в поликультурном социуме, используя и положительный опыт, накопленный в практике преподавания РКИ, спроецировав его на описание национальных языков в учебных целях. Наиболее эффективным при обучении иностранным языкам считается в современной дидактике лингвокультурологический подход, который вполне приемлем и при обучении национальным языкам. Если считать, что первичные культурные установки и ценности человек получает в семье

на бессознательном уровне и потом они становятся базисом его языкового сознания, то в условиях поликультурного социума не всегда происходит именно так. Поэтому все желающие изучать родные языки, являющиеся хранителями национального самосознания, должны получить такую реальную возможность через посредство русского языка, выполняющего свою консолидирующую функцию.

ВЫВОДЫ

Полагаем, что осуществление этого лексикографического проекта позволит получить ряд ценных наблюдений и выводов, касающихся диалога в межкультурной коммуникации на поликультурном пространстве. Прежде всего, в этой серии словарей предстанет перед нами живая картина жизни поликультурного социума Крыма, а широкая лексикографическая практика внесёт также свой существенный вклад в развитие сопоставительного лингвокультурологического направления. Лингвокультурология, как известно, тесно связана с духовной культурой народа. А ключевые лингвокультурные единицы национальных культур, составляющих поликультурное пространство Крыма, логично рассматривать на фоне русского языка. Большой интерес может представить анализ культурных кодов тех культур, которыми богат поликультурный социум, сопоставление так называемых культураносных единиц, различных типов концептов.

Выделение в русско-национальных тематических словарях культурно маркированной лексики намечает возможности изучения языковой личности в поликультурном социуме в контексте «своё-чужое», а также во взаимодействии с представителями разных культур, поскольку для лингвокультурологии важно взаимодействие ментальности и культурного фактора в языке. Посредством анализа различных аспектов человеческой сущности и особенностей социокультурной жизни мы можем получить в результате портрет крымчанина, что немаловажно для понимания самих себя и своих соседей, для успешного ведения диалога в межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
2. Елпатьевский С. Я. Крымские очерки. Год 1913. – Феодосия: Издат. дом “Коктебель” (Биб-ка альманаха «Крымский альбом». Вып. 4), 1998. – 144 с.
3. Колшанский Г. В. От предложения к тексту. // Сущность, развитие и функции языка./ Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: «Наука», 1987. – С. 37- 43.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб: Искусство-СПБ, 1999. – 415 с.
5. Лотман Ю. М. Воспитание души. – Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2005. – 624 с.
6. Сеченов И. М. Элементы мысли. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – 224 с.
7. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков: от 500 до 5000 самых важных русских слов/Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Отд. учеб. лексикографии; Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая, В. В. Морковкин, З. П. Попова; Под ред. В. В. Морковкина. – М.: ООО «Астрель»: ООО «АСТ», 2003. – 768 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики... : учеб. пособие/ С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
9. Шире круг: русско-украинско-крымскотатарский учебный тематический словарь / [авт. – сост.: Т. Ю. Новикова, Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Н. В. Буц, Л. С. Оказ, Р. Р. Девлетов] – Симферополь: «Феникс», 2011. – 244 с.
10. Шире круг: русско-украинско-польский учебный тематический словарь / [авт. – сост.: Т. Ю. Новикова, Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Н. В. Буц, И. Данецка] – Симферополь: Издательство «Оджакъ», 2012. – 240 с.
11. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Минва Просвещения РСФСР, 1957. – 188 с.
12. Эмирова А. М. Крымско-татарский язык в поликультурной ситуации Республики Крым. // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум

(8-12 июня 2017 г.) /отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Т.1. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – С. 101-107.

13. Юсупов Р. А., Нуриева Д.Н. Особенности лексико-семантической системы разноструктурных языков. Филология и культура. Philology and culture. 2014. №1(35) // http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/24_7.pdf (дата обращения: 18.06.2017)

THE RUSSIAN LANGUAGE IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: THE CRIMEAN LEXICOGRAPHICAL CONTEXT

G.Yu. Bogdanovich, T. Yu. Novikova

Summary. The article deals with the writing of a series of thematic learner's dictionaries for the polycultural area of Crimea. In these dictionaries Russian is the source language and the languages of other Crimean ethnic groups are the target languages. The special features of the Russian language and culture functioning in neighbourhood with the cultures of the various other Crimean ethnic groups are pointed out. The success of the cross-cultural communication is determined by the consolidating the function of Russian language which helps to balance the polycultural situation. Our lexicographical project is able to create real conditions for the dialogue between the cultures in polycultural Crimea. In particular, language bears the treasures of each culture in itself by reflecting them in its lexical units. Our series of dictionaries provides the opportunity to realize the right of the various ethnic groups to study their own mother tongues with the help of Russian language. In this way, each of the ethnic cultures, being reflected in the language of the given ethnic group, becomes a participant in the polylogue of cultures with equal rights, occupying its rightful place in the constellation of cultures. For the writing of such thematic learner's dictionaries a common basic lexical component unifying them into a series is essential. An important aspect is the inclusion of elements of cultural commentary.

Keywords: lexicographical project, consolidating function of the Russian language, thematic learner's dictionaries, source language, target language, basic lexical component, cultural commentary.

References

1. Gudkov D.B. *Teoriya i Praktika Mezhhul'turnoi Kommunikatsii* [Theory and Practice of Cross-Cultural Communication]. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 288 p.
2. Elpat'evskii S. Ya. *Krymskie Ocherki. God 1913* [Crimean Essays. The Year of 1913]. Feodosiya: Koktebel Publishing House (Library of the Almanac *Krymskii Al'bom*, no. 4). 1988. 144 p.
3. Kolshanskii G.V. *Ot Predlozheniya k Tekstu* [From sentence to text]. *Sushchnost', Razvitie i Funktsii Yazyka*. Moscow: Nauka Publ., 1987. Pp. 37-43.
4. Lotman Yu.M. *Besedy o Russkoy Kul'ture: Byt i Traditsii Russkogo Dvoryanstva (XVIII – Nachalo XIX Veka)* [Discussions about Russian Culture: Mode of Life and

- Traditions of Russian Aristocracy (18th – Beginning of 19th Centuries]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 1999. 415 p.
5. Lotman Yu.M. *Vospitanie Dushi* [Education of the Soul]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2005. 624 p.
 6. Sechenov I.M. *Elementy Mysli* [Elements of Thought]. St. Petersburg: Publishing Group Lenizdat - Komanda A Puubl., 2014. 224 p.
 7. *Sistema Leksicheskikh Minimumov Sovremennogo Russkogo Yazyka: 10 Leksicheskikh Spiskov: ot 500 do 5000 Samykh Vazhnykh Russkikh Slo* [A System of Lexical Minimum of Modern Russian: From 500 to 5000 of the Most Important Russian Words]. Moscow: Astrel Ltd.: AST Ltd. Publ., 2003. 768 p.
 8. Ter-Minasova S.G. *Voyna i Mir Yazykov i Kul'tur: Voprosy Teorii i Praktiki...: Uchebnoe Posobie* [War and Peace of Languages and Cultures: Questions of Theory and Practise...: Teaching Aid]. Moscow: AST: Astrel': Khranitel' Publ., 2007. 286 p.
 9. *Shire Krug: Russko-Ukrainsko-Krymskotatarskii Uchebnyi Tematicheskii Slovar'* [Make the Circle Wider: a Russian-Ukrainian-Crimean Tatar Thematic Learner's Dictionary]. Authors-compilers: T.Yu. Novikova, G.Yu. Bogdanovich, I.G. Balashova, N.V. Buts, L.S. Okaz, R.R. Devletov. Simferopol: Feniks Publ., 2011. 244 p.
 10. *Shire Krug: Russko-Ukrainsko-Krymskotatarskii Uchebnyi Tematicheskii Slovar'* [Make the Circle Wider: a Russian-Ukrainian-Crimean Tatar Thematic Learner's Dictionary]. Authors-compilers: T.Yu. Novikova, G.Yu. Bogdanovich, I.G. Balashova, N.V. Buts, I. Danetska. Simferopol: Odzhak Publ., 2012. 240 p.
 11. Shcherba L.V. *Izbrannye Raboty po Russkomu Yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: State Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957. 188 p.
 12. Emirova A.M. *Krymsko-Tatarskii Yazyk v Polikul'turnoi Situatsii Respubliki Krym* (The Crimean Tatar Language in the Polycultural Situation of the Republic of Crimea]. *Russkiy Yazyk v Polikul'turnom Mire: I Mezhdunarodnyi Simposium (8-12 Iyunya 2017 g.)*. Vol.1. Simferopol: Arial Publ., 2017. Pp. 101-107.
 13. Yusupov R.A., Nurieva D.N. *Osobennosti Leksiko-Semanticheskoi Sistemy Raznostrukturnykh Yazykov* [Special Features of the Lexico-semantic System of Differently Structured Languages]. *Filologiya i Kul'tura. Philology and Culture*. 2014. No. 1 (35) // http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/24_7.pdf (accessed 18 June 2017).

УДК 811.512.145'34

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ²

Галиуллина Г. Р., Хадиева Г. К., Кадирова Э. Х.

Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского
(Приволжского) федерального университета, Казань, Российская Федерация
e-mail: caliullina@list.ru; gul-khadieva@yandex.ru; enge@inbox.ru

В статье представлены результаты изучения фонетических особенностей гласных звуков современного татарского разговорного языка и их соотношения с литературной нормой. Для воссоздания наиболее полной картины исследования были систематизированы нормативные варианты произношения и представлены наиболее распространенные отклонения от литературной нормы. Нами проанализированы исконно татарские и заимствованные из русского языка гласные звуки. В связи с тем, что в настоящее время влияние русского языка на разговорный татарский язык растет, мы акцентировали внимание на сопоставление звукового состава двух языков. На основе 102 фонограмм устной речи носителей татарского языка различных возрастных групп нами было выявлено наиболее характерные для речи представителей среднего и западного диалектов фонетические особенности гласных звуков, которые являются отклонениями от нормы. В результате анализа выяснилось, что эти отклонения носят регулярный характер и могут считаться идентификационными признаками современного татарского разговорного языка. Основными причинами отклонения от фонетических норм являются такие процессы, как активное распространение диалектных особенностей в современную татарскую речь и явление интерференции, возникшее в результате активного билингвизма.

Ключевые слова: татарский язык, разговорный язык, языковая норма, фонетика

ВВЕДЕНИЕ

Национальный язык охватывает все сферы речевой деятельности людей, независимо от образования, воспитания, местожительства и профессии. Он включает в свой состав общеупотребительную лексику, социальные и территориальные диалекты, просторечие, жаргоны, сленги и др. Национальный язык существует в литературной и нелитературной формах. Под литературным языком подразумевается основная наддиалектная форма существования языка. Она характеризуется обработанностью, полифункциональностью и стилистической дифференциацией. Отличительным признаком литературного языка считается употребление в нем

²«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-14-16012»

языковых средств, соответствующих языковым нормам национального языка [14, с. 129]. В литературном языке обработке и нормализации подвергаются все стороны национального языка: фонетика, лексика, словообразование, грамматика, стилистика. Под термином «языковая норма» подразумевается совокупность правил выбора и употребления элементов языка, действующих на разных уровнях языка [12, с. 279]. В соответствии с этим выделяются фонетические, лексические, грамматические и стилистические нормы. Необходимым условием признания тех или иных языковых средств, признаков нормативным, должны быть следующие условия: соответствие данного явления в структуре языка; факт массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации; общественное одобрение и признание этого явления нормативным.

К нелитературным формам существования языка относятся территориальные и социальные диалекты, просторечие и жаргоны, сленги, которые преимущественно функционируют в разговорной речи. Учитывая то, что в современном обществе наблюдается тенденция распространения татарского разговорного языка в различные сферы массовой коммуникации, возникает необходимость системного и комплексного исследования татарского разговорного языка в целях раскрытия специфики современной татарской речи, выделения границ территориальных и социальных диалектов татарского языка.

История изучения разговорного языка тесно связано с Казанской лингвистической школой, основателем которой являлся И. А. Бодуэн де Куртэнэ. Он впервые обратил внимание на речевую деятельность и доказал, что необходимо изучать живые языки и их диалекты [цит. по: 14, с.163]. Затем его направление в рамках данной школы развивал В. А. Богородицкий, который в своих работах отражал специфику татарской речи [1]. В более поздний период отдельные элементы разговорной речи, проникшие в литературный язык, исследуются в работах Е. А. Земской [4; 5], О. Б. Сиротининой [11], М. В. Китайгородской [5], Е. Н. Ширяева [5], О. А. Лаптевой [8], Л. П. Крысина [7] и др.

В татарском языкознании до настоящего времени объектами изучения являлись только две разновидности национального языка: это диалекты и литературный язык.

Литературный язык практически всегда рассматривался как единая образцовая система, выражающаяся в письменной и устной формах, обладающая едиными установленными нормами и в структурном плане не подвергался какому-либо разграничению. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы освещены в работах Ф. С. Сафиуллиной [10], Г. Р. Галиуллиной [3; 14], Т. И. Ибрагимова [6], М. Р. Сайхунова [9], Д. Г. Вахитовой [2], Д. Р. Мубаракзяновой [3] и др.

Целью представленной работы является анализ наиболее характерных для разговорного языка фонетических особенностей гласных звуков и их соотношение с литературной нормой татарского языка. Основными задачами работы становятся следующие моменты: систематизация основных параметров фонетических норм татарского языка; выявление фонетических особенностей гласных звуков татарского разговорного языка, которые характерны для носителей языка.

Анализ проводился на основе 102 фонограмм устной речи носителей татарского языка разных возрастов, представителей среднего и западного (мишарского) диалектов татарского языка.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

За фонетические нормы татарского языка принимаются существующие в настоящее время комплекс правил произношения фонем и закономерности их употребления в речи, которые считаются обязательными для всех членов языкового коллектива. Среди исследователей сложилось мнение, что фонетическая система татарского языка более устойчивая и меньше подвергается различного рода влияниям. Однако при изучении современной устной формы языка мы выявили, что современный разговорный язык претерпевает изменения, отклонения от фонетических норм. Основными причинами данного процесса являются активное проникновение диалектных особенностей в современную татарскую речь и явление интерференции, возникшее в результате активного билингвизма.

В современном татарском литературном языке используется 9 исконно татарских [а], [ә], [у], [ү], [и],[ы], [э], [о], [ө] и 3 заимствованных из русского языка звука [õ], [ь], [э].

Основной орфоэпической нормой при произношении татарских гласных звуков является соблюдение закона сингармонизма, который проявляется в двух формах: небная гармония и губная гармония. Небная гармония заключается в употреблении гласных по признаку ряда: в исконно татарских словах употребляются гласные только переднего или заднего ряда (*чэчэкләр, эниләребезнең, сөйләгәннәрен; атларыгызны, баручылардан, калдылар*). Исключение составляют заимствования и сложные слова (*китап, телефон, көнчыгыш, беркатлы* и др.).

Губная гармония заключается в том, что губные гласные [o], [ø], которые произносятся на первом слоге слова, способны уподоблять себе идущих за ними краткие звуки [ы], [э]: болыт [болот], сөлге [сөлгø].

Нарушение закона сингармонизма может быть признано идентификационным признаком говорящего, указывающего, во-первых, на его территориальную принадлежность (преимущественно представитель мишарского диалекта); во-вторых, на активного билингва, выросшего в городской или русскоязычной среде.

Гласный [a] – звук заднего ряда, нижнего подъема, в акустическом аспекте считается долгим. Формантная структура звука [a]: F1460–700 Гц, F2 780–1100 Гц. Здесь и далее при характеристике звуков мы опирались на академическую работу «Татарская грамматика» [13].

Спектр татарского гласного [a] отличается от русского [a] более низким расположением формант, особенно первой форманты, что является признаком, во-первых, огубленности татарского [a], во-вторых, – более задней и высокой артикуляции этого звука.

В татарской речи данный звук употребляется в двух вариантах: в начале исконно татарских слов и арабо-персидских заимствований произносится огубленный вариант – [a^o], который отличается от русского [a] более заднерядной артикуляцией. К концу слов огубление уменьшается и произносится делабиализованный вариант [a], который артикуляционно близок к русскому [a]: [*ба^oла^oлар*], [*а^oта^oларын*], [*а^oйа^oмайачак*].

Нормативным считается произношение с выдвинутой вперед артикуляцией после переднеязычных согласных [ч], [ж], [й]: чалгы [ча^олгы], Жаек [жа^ойык], ялкын [йа^олқын].

В разговорной речи на уровне фразы нормативным считаются следующие случаи:

1) произношение одного более длинного [а] при сочетании двух звуков [а] между двумя словами, которые объединены одним фразовым ударением а+а=а: бара ала [ба^ора'ла], кала алмый [қа^ола'лмый]. В разговорной речи часто наблюдается произношение одного звука [а], не отличающийся длительностью: кара аны [қа^ора'ны];

2) при сочетании звука [а] с гласным переднего ряда [э] произносится [а] а+э=а: кара этэч [қа^оратэч], килэ алмадым [кила^олмадым];

3) последующие после [а] звуки [ы], [э], [о], [ө] дают дифтонгоидный характер звуку [а] а+о = а^о: карга оча [қа^орга^оча], а+ө = а^ө бура өстендэ [бура^өстөндэ], а+ы=а^ы койма ышыгы [қойма^ышыгы];

4) предшествующие звуку [а] краткие звуки [ы], [э] при произношении выпадают ы/э+а=а: коры арыш [қора^орыш]; берсе артык [бэрсэ^ортык];

5) на стыке гласных [у], [ү] со звуком [а] на границе двух слов при произношении образуется слегка произносимый сонант [w] у,ү+а = ^wа: су асты [су^wасты];

6) при совпадении гласных [и] и [а] на стыке двух слов, возникает сонорный [й] а+й = и^йа: ни аласың [ни^йа^оасың].

В разговорной речи отклонение от нормы при произношении звука [а] как на уровне одного слова, так и на уровне фразе связано со следующими наиболее распространенными случаями, которые не зависят от индивидуальных особенностей артикуляции говорящего:

1) во всех позициях произношение открытого неогубленного [а] характерно представителям мишарского диалекта;

2) в речи активных татар-билингвов, особенно среди представителей городского населения, наиболее распространено произношение открытого звука [а] во всех

позициях слова. Данный звук более похож на русский [а] – гласного среднего ряда нижнего подъема.

Гласный [э] – звук переднего ряда, нижнего подъема, долгий. Формантная структура: F400–640 Гц, F2 1670–2400 Гц. Данный звук является специфичным звуком татарского языка. В разговорной речи на уровне фразы нормативным считаются следующие случаи:

1) произношение одного более длинного [э] при сочетании двух звуков [э] между двумя словами, которые объединены одним фразовым ударением $\text{э}+\text{э}=\text{э}$: килэ эле [килэ'лэ],ничэ айтте [ни'чэйттэ];

2) последующие после [э] звуки [ы], [э], [о], [ө] дают дифтонгоидный характер звуку [э] $\text{э}+\text{о}=\text{э}^{\circ}$: нигэ озак [нигэ^озак], $\text{э}+\text{ө}=\text{э}^{\circ}$ нигээрэ [нигэ^өрэ], $\text{э}+\text{ы}=\text{э}^{\text{би}}$ мин дә ышанам [миндэ^{би}шанам];

3) в арабо-персидских заимствованиях после увулярных звуков [к], [Ғ], [х] гласный [э] отодвигается назад и становится близким твердой паре [а]: кабер [к^аэбэр], канэгать [к^аэнэгат]; гаеп [г^аэйеп]; хэтта [х^аэттэ];

4) предшествующие звуку [э] краткие звуки [ы], [э] при произношении выпадают: бармы эллэ [ба^ормэллэ]; берсе айтэ [бэрсэйтэ];

5) на стыке гласных [у], [ү] со звуком [э] на границе двух слов при произношении образуется слегка произносимый сонант [w] у, ү+э = ^wэ: ку эле [ку^wэлэ];

6) при совпадении гласных [и] и [э] на стыке двух слов, возникает сонорный [й] и+э= и^й: ни айтэсең [ни^йэйтэсең].

В речи активных билингвов, выросших в городской среде, и плохо знающих татарский язык наблюдается произношение вместо [э] открытого [а]: байрам [байрам], рэхмэт [рахмат]. Также распространена замена в безударном слоге данного звука с коротким звуком [э̃]: эти [э̃ти^й], эби [э̃би^й].

Гласные [у], [ү] являются звуками верхнего подъема, огубленные, долгие. Они отличаются друг от друга по рядам и формантной структурой: [у] – звук заднего ряда, его формантная структура F1 240–400 Гц, F2 520–750 Гц. По артикуляционной и акустической характеристике данный звук не отличается от русского [у].

Гласный [γ] – звук переднего ряда, является специфичным звуком татарского языка, его форманты: F1 230–350 Гц, F2 1240–1650 Гц.

В абсолютном начале слова указанные звуки не претерпевают изменений, в абсолютном конце слова к ним прибавляется сонант [w]: бару [ба^oру^w]; килү [килү^w]. Звук [γ] после увулярных звуков [к], [Ғ], [х], преимущественно в арабо-персидских заимствованиях, отодвигается назад: куэт [к^yүэт], а звук [у] после преднеязычных согласных [ч], [ж], [й] немного выдвигается вперед: юка [йу^yка], чуар [чу^yар].

В разговорной речи на уровне фразы распространены следующие случаи:

1) у+у=у; γ+γ=γ: кайту урыны [ка^oйтурны]; чигү үрнәге [чигүрнәгэ];

2) у+γ / γ+у = у: дару үләне [да^oруләнэ]; килү урыны [килурны];

3) если гласные [у], [γ] предшествуют гласным [ы], [э], [о], [ө], они произносятся как дифтонгоидные с оттенком звуков [ы], [э], [о], [ө]: тату эшлиләр [та^oту^yшлиләр], бару өчен [ба^oру^oчөн].

4) если гласные [у], [γ] предшествуют гласным [а], [ә], [и], то между гласными возникает слегка произносимый сонант [w]: су ал [су^wа^oл]; ку әле [ку^wәлэ];

5) [и] + [у], [γ] = [и^yу], [и^yγ]: юри үрти [йүри^yүрти].

Гласные [о], [ө] – огубленные короткие звуки среднего ряда, которые отличаются друг от друга по рядам и формантной структурой. Форманты гласного [о]: F1 340–550 Гц, F2 780–1160 Гц, звука [ө] – F1 270–440 Гц, F2 1290–2160 Гц. Основными отличительными акустическими признаками указанных звуков является их краткость. Они играют основополагающую роль при губной гармонии.

На уровне одного слова принято считать нормативным произношением следующие случаи:

1) звуки [о], [ө] полностью произносятся в абсолютном начале слова и способны отождествлять себе последующие за ними краткие звуки [ы], [э], что по сути является губной гармонией. К последующим слогам огубление уменьшается, и происходит переход в узкие [ы], [э]: сөлгесенең [сө^oлгө^oсө^oнэ^yң], борынында [бөр^oнө^yны^yнда^y];

2) в арабо-персидских заимствованиях после увулярных звуков [к], [Ғ], [х] гласный [ө] отодвигается назад и становится близким твердой паре [о]: хөкем [х^oө^oкәм], гомер [г^oө^oмөр], корьән [к^oө^oрәән];

3) звук [о] после преднеязычных согласных [ч], [ж], [й] немного выдвигается вперед и в акустической характеристике приближается мягкой паре: йокы [й^ок^о], чолан [ч^олан], жомга [ж^омга]; жор [ж^ор];

4) в безударных открытых слогах указанные звуки редуцируются полностью, в закрытых – частично: колын [к^ол^о'н], болыныннан [б^ол^он^онна'н], көмешлэнгән [к^өм^өшлэнгән].

При сочетании длинного гласного [и] с краткими [о], [ө] между ними на уровне фразы появляется беглый сонант [й], при этом последние редуцируются: нинди оста [нинди^йоста], нинди өлгер [нинди^йөлгәр].

В современной татарской разговорной речи встречаются следующие наиболее распространенные отклонения от нормы:

1) делябиализация указанных звуков в речи представителей западного диалекта, у представителей отдельных говоров среднего диалекта и у русскоговорящих татар, для которых активным языком выступает русский язык: тотынды [тытынды'], борылып [бырылы'п], төлке [тэлкэ'], котылу [кытылу^в];

2) в речи русскоговорящих татар гласный [о] часто отражается как русский [у]: тор [тур], колақлар [кулақлар];

3) замена указанных звуков с губными гласными верхнего подъема [у], [ү] считается основным признаком западного диалекта, однако изучение трудов по диалектологии и собранной базы татарской разговорной речи дает основание полагать, что в современной устной речи эта особенность распространена во многих говорах среднего диалекта, а также встречается в речи русскоговорящих татар, независимо от территориальной принадлежности: өй [үй], көрәш [күрәш], өйрәндем [үрәндәм], соң [суң], Гомәр [гумәр], сорады [сурады].

Гласные [ы], [э] – неогубленные короткие звуки среднего ряда, которые отличаются друг от друга по рядам и формантной структурой. Форманты гласного [ы]: F1 370–580 Гц, F2 990–1380 Гц, звука [э] – F1 310–500 Гц, F2 1700–2650 Гц. Основными отличительными акустическими признаками указанных звуков является их краткость.

На уровне одного слова принято считать нормативным произношением следующие случаи:

1) звуки [ы], [э] в ударном положении полностью произносятся, а во втором и последующих слогах после [о], [ө] огубляются: котым очты [қǒтǒмǒчты^о], борылырга [бǒрǒлы^орга'];

2) в арабо-персидских заимствованиях после увулярных звуков [к], [Ғ], [х] гласный [э] отодвигается назад и становится близким твердой паре [ы]: бэгырь [бǎǎ^{би}э^р], хезмэт [х^{би}э^тмэт];

3) звук [ы] после преднеязычных согласных [ч], [ж], [й] немного выдвигается вперед и в акустической характеристике приближается к мягкой паре: чыга [чы^гга], жыенырга [жы^ры^ны^рга], жор [жы^рр];

4) в безударных открытых слогах указанные звуки редуцируются полностью, в закрытых – частично: тырыш [ты^ры^ш], мыскыллау [мы^сқы^ллау^у], тергезу [тэ^ргэ^зу^у], эленгән [э^лэ^нгән];

5) на уровне фразы при сочетании кратких [ы], [э] с длинным гласным [и] между ними появляется беглый сонант [й], при этом [ы], [э] редуцируются: бу ни эш [бу^уни^иэш]. В разговорной речи последние часто не произносятся: нинди ышаныч [ни^инди^ишаныч].

Гласный [и] – передний ряд, верхний подъем, неогубленный длинный звук. Форманты гласного [и]: F1 240–350 Гц, F2 2100–3000 Гц. Звук по своему произношению близок русскому [и], однако по орфоэпическим законам татарского языка имеет свои отличительные характеристики: в абсолютном конце слова произносится с легким оттенком йотирования: сөйли [сөйли^и], жили [жилли^и], милли [милли^и], во-вторых, после увулярных [к], [Ғ], [х] получает оттенок твердости: хикәят [х^{би}икәйәт].

На уровне фразы орфоэпической нормой считается, кроме тех случаев, которые рассмотрены выше, стечение двух [и] дает один долгий звук [и]: килми иде [килми^идә], сөйләми икән [сөйләми^икән].

Отклонением от нормы, связанным с данным звуком считается замена дифтонга [өй] с гласным [и], что часто встречается в говорах среднего и западного диалектов: сөйләмә [силәмә].

Заемствованные из русского языка гласные звуки [ō], [ы̄], [э̄] подвергаются разного рода отклонениям в речи татар сельской местности, у которых основное общение идет на татарском языке. Главным отличительным признаком заимствованных гласных от татарских [o], [ы], [э] заключается в краткости последних. К тому же заимствованным [ō], [ы̄] характерна некоторая дифтонгоидность.

Наиболее распространенные случаи отклонения от нормы при произношении заимствованных гласных:

1) звук [ō] в речи татар произносится между [o] и [y]: офиста [oʷфиста], ордер [oʷрдэʷр], глобус [глоʷбьс], фонд [фоʷнт], вагон [вагун];

2) звук [э̄] по артикуляционным признакам приближается к звуку [и]: этаж [эʷ таш], бензин [бэʷнзин], нефть [нэʷфэ̄т];

3) звук [ы̄] в разговорной речи татар приближается к татарскому эквиваленту и, несмотря на то, что находится под ударением, произносится в немного редуцированном варианте: сыр [сыр], брынза [брынза].

ВЫВОДЫ

Таким образом, за фонетические нормы татарского языка принимаются существующие в настоящее время комплекс правил произношения фонем и закономерности их употребления в речи, которые считаются обязательными для всех членов языкового коллектива. При изучении современного татарского разговорного языка мы определили наиболее характерные для речи представителей различных диалектов и возрастных групп фонетические особенности в области гласных звуков, которые являются отклонениями от нормы. В то же время определили, что эти отклонения носят регулярный характер и могут считаться идентификационными признаками современного татарского разговорного языка.

Список литературы

1. Богородицкий, В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками [Текст] / В. А. Богородицкий. – Изд 2-е, испр. и доп. – Казань : Татгосиздат, 1953. – 220 с.
2. Вахитова, Д. К. Инвективная лексика татарского языка: функциональный и этноментальный аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Д. К. Вахитова. – Казань, 2013. – 26 с.
3. Галиуллина, Г. Р. К вопросу разграничения терминов «разговорная речь» и «литературный язык» в современном татарском языкознании [Текст] / Г. Р. Галиуллина, Д. Р. Мубаракзянова // Филология и культура. 2014. – №4 (38). – С. 57–60.
4. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения [Текст] / Е. А. Земская. – М. : Русский язык, 1987. – 237 с.
5. Земская, Е. А., Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981 – 276 с.
6. Ибрагимов, Т. И. Вопросы интонационного синтеза татарской речи. Реконструкция ритмики письменного текста [Текст] / Т. И. Ибрагимов, М. Р. Сайхунов // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике – 2008. – Казань, 2009. – С.108–111.
7. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
8. Лаптева, О. А. Русский разговорный синтаксис [Текст] / О. А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 397 с.
9. Сайхунов, М. Р. Ритмо-темпоральные характеристики татарского языка в плане автоматического синтеза речи [Текст] : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / М. Р. Сайхунов. – Казань, 2010. – 26 с.
10. Сафиуллина, Ф. С. Синтаксис татарской разговорной речи [Текст] / Ф. С. Сафиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 253 с.

11. Сиротинина, О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности [Текст] / О. Б. Сиротинина. – М. : «Просвещение», 1974. – 260 с.
12. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова и др.; отв. ред. В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. – М.: 2006. – 312 с.
13. Татар грамматикасы : 3 томда [Текст] / проект жит. М. З. Зэкиев; ред. Ф. М. Хисамова. – Тулыл. 2 нче басма. – Казан: ИЯЛИ, 2015. – Т. I. – 512 б.
14. Татар лексикологиясе : 3 томда [Текст] / проект жит. М. З. Зэкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан: ИЯЛИ, 2016. – Т. II. – 392.

**PHONETIC DEVIATIONS FROM THE NORM IN THE MODERN TATAR
COLLOQUIAL LANGUAGE**

G. R. Galiullina, G. K. Khadieva, E. Kh. Kadirova

Leo Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Summary. The article presents the results of studying the phonetic features of vowel sounds of modern Tatar spoken language and their correlation with the literary norm. To recreate the most complete picture, the regulatory variants of pronunciation were systematized and the most common deviations from the literary norm were presented. We have analyzed the original Tatar vowel sounds borrowed from the Russian language. Due to the fact that at present the influence of the Russian language on the spoken Tatar language is growing, we have focused on comparing the sound composition of the two languages. Based on 102 phonograms of oral speech of the Tatar language speakers of different age groups, the authors found the phonetic features of vowel sounds, which are the most typical for speech of middle and western dialects, which are deviations from the norm. As a result of the analysis, it was found that these deviations are of a regular nature and can be considered the identification features of the modern Tatar spoken language. The main reasons for deviation from phonetic norms are such processes as the active dissemination of dialectal features in modern Tatar speech and the phenomenon of interference that arose as a result of active bilingualism.

Keywords: Tatar language, spoken language, language norm, phonetics.

References

1. Bogoroditskii V. A. Vvedenie v Tatarskoe Yazykoznanie v Svyazi s Drugimi Tyurkskimi Yazykami [Introduction to Tatar Linguistics in Connection with Other Turkic Languages]. Kazan: Tatgosizdat Publ, 1953. 220 p.
2. Vakhitova D. K. Invektivnaya Leksika Tatarskogo Yazyka: Funktsionalnyi i Etnomentalnyi Aspekty [Invective Vocabulary of the Tatar Language: Functional and Ethnographic Aspects]: Avtoref. Dis. Kand. Filol. Nauk. Kazan, 2013. 26 p.
3. Galiullina G. R. K Voprosu Razgranecheniya Terminov “Razgovornaya Rech” i “Literaturnyi Yazyk” v Sovremennom Tatarskom Yazykoznanii [On the Issue of the Demarcation of the Terms “Spoken Language” and “Literary Language” in Modern Tatar Linguistics]. Philology and Culture. 2014. No. 4 (38). P. 57-60.
4. Zemskaya E. A. Russkaya Razgovornaya Rech: Lingvisticheskii Analiz i Problemy Obucheniya [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Learning Problems]. Moscow: Russki Yazyk Publ., 1987. 237 p.
5. Zemskaya, E. A. Russkaya Razgovornaya Rech: Obshchie Voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis [Russian Colloquial Speech: General Questions. Word Formation. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 276 p.
6. Ibragimov T. I. Voprosy Intonatsionnogo Sinteza Tatarskoi Rechi. Rekonstruktsiya Ritmiki Pismennogo Teksta [Questions of Intonational Synthesis of Tatar Speech. Reconstruction of the Rhythm of the Written Next]. Proceedings of the Kazan School of Computer and Linguistics. Kazan, 2009. P.108-111.
7. Krysin L. P. Russkoie Slovo, Svoe i Chuzhoe: Issledovaniya po Sovremennomu Russkomu Yazyku i Sotsiolingvistike [Russian Word, One's Own and Others: Research on the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2004. 888 p.
8. Lapteva O. A. Russkii Razgovornyi Sintaksis [Russian Colloquial Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 397 p.
9. Saikhunov M. R. Ritmo-Temporalnye Kharakteristiki Tatarskogo Yazyka v Plane Avtomaticheskogo Sintezarechi [Rhythm and Temporal Characteristics of the Tatar

- Language in Terms of Automatic Speech Synthesis]: Avtoref. Dis. Kand. Filol. Nauk. Kazan, 2010. 26 p.
10. Safiullina F. S. Sintaksis Tatarskoi Razgovornoj Rechi [Syntax of Tatar Colloquial Speech]. Kazan: Kazan University Publ, 1978. 253 p.
 11. Sirotinina O. B. Sovremennaya Razgovornaya Rech i Ee Osobennosti [Modern Spoken Language and its Features]. Moscow: Prosveschenie Publ, 1974. 260 p.
 12. Slovar Sotsiolingvisticheskikh Terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, 2006. 312 p.
 13. Tatar Grammatikasy [Tatar Grammar: in 3 Volumes. Project Manager M. Z. Zakiev, Editor F. M. Khisamova]. Kazan: IYALI Publ., 2015. V. I. 512 p.
 14. Tatar Leksikologiyase [Tatar Lexicology: in 3 Volumes. Project Manager M. Z. Zakiev, Editor G. R. Galiullina]. Kazan: IYALI Publ., 2016. V. II. 392 p.

УДК811.161.1:316-053.6(470+292.471)

**НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РОДНОЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В КРЫМУ)**

Гусейнова Р. Н.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
e-mail: analsur@yandex.ru

В статье рассматривается влияние государственного языка на определение индивидуумом собственной национальной идентификации. На примере Крыма показано, что этническое самосознание формируется на базе системы национальных ориентиров, и определение национальности может быть обусловлено этнокультурными факторами, одним из которых является язык. Особое внимание обращается на необходимость выбора индивидуумом, проживающим в полиэтничном обществе, между языком собственной этнической группы и языком большинства. Анализируется процесс закрепления в полилингвокультурном пространстве доминирующей роли русского языка. Обоснована необходимость прагматического подхода к решению языковых вопросов в многоязычном обществе. Отмечено, что языковая политика, проводимая в поликультурном социуме, должна быть направлена не только на развитие языка численно доминирующей группы населения, но и на сохранение языков национальных меньшинств, функционирующих в том же пространстве. В статье представлен анализ языковой ситуации современного Крыма. Подтверждены общие положения о том, что государство предоставляет возможность носителям миноритарных языков сохранять и развивать их. Приводятся аргументы в пользу того, что сохранение языков меньшинств зависит не только от государственной языковой политики, но и от проводимой активистами общественно-национальных организаций работы, направленной на поднятие авторитета национальных языков в своих этнических группах.

Ключевые слова: национальность, молодежь, этническое самосознание, национальная общность.

ВВЕДЕНИЕ

Осознание собственной национальной идентичности в современном обществе является сложной проблемой. Под национальной идентичностью мы понимаем самоотождествление индивидуума с определенной этнической общностью, что предполагает высокую степень интериоризации культурно-ценностных норм, то есть формирование внутренней структуры личности посредством познания внешней социальной деятельности.

Сложность этнической идентификации связана с глобализацией мира, в котором многочисленные этносы, сосуществующие в едином пространстве, вносят коренные изменения в этническую структуру населения. Функционирующие в общем социуме представители различных этносов «обречены» на диалог, на взаимное обогащение и дополнение.

В современном мире с проблемой национального (этнического) самоопределения сталкиваются молодые люди как из полиэтничных, так и из моноэтнических семей. И если в первом случае этноидентичность, имеющая двойственный характер, определяется личным выбором, то во втором – духовными ценностями родителей. В семье, не поддерживающей национальные традиции и материнский (родной) язык, у ребенка в период формирования национальной идентичности, начиная с получения фрагментарных знаний о своей этнической общности (6-7 лет) и до полного осознания себя ее представителем (10-11 лет), могут возникнуть сложности с определением национальной принадлежности в будущем [7, с. 133-138].

Формирование этнического самосознания обусловлено этнокультурными факторами, на базе которых индивидуумом создается система ценностей и ориентаций. И одним из таких факторов является язык, содержащий в себе духовное, культурное и историческое наследие народа.

Цель статьи заключается в описании влияния языка численно доминирующей группы населения на самовосприятие представителей различных этносов, сосуществующих в поликультурном пространстве (на примере крымского региона).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Общеизвестно, что язык и сознание взаимосвязаны. Познание человеком мира, формирование его целостного образа обусловлено языком, оказывающим влияние на своего носителя. «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [6, 259]. Язык – это не только средство общения, но и важнейший источник формирования ментальности народа, своеобразный «культурный код» нации [2, 3]. Являясь социальным явлением, вне социума он существовать не сможет.

Как известно, общество состоит из социальных групп, наиболее активной из которых является молодежь, представляющая собой срез всего социума. В современном мире нравственно-ценностные ориентиры молодых людей определяют будущее любого государственного образования, а значит, необходимо уже сегодня, формируя стратегию развития страны, учитывать их позицию. Иными

словами, возникла потребность в изучении сознания молодежи. Как известно, самым простым методом сбора информации являются опросы. Они могут отличаться способом коммуникации, типом респондентов, степенью формализации, но всегда являются частью какого-то исследования.

В проведении одного из таких опросов (анкетирование респондентов), являющегося основой исследования, направленного на изучение особенностей языкового сознания носителей русского языка (социальная группа – студент), совместно с Институтом языкознания РАН принимает участие Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Участниками опроса стали студенты крымских вузов в возрасте от 17 до 27 лет, постоянно проживающие на полуострове (минимальный срок проживания анкетированных, по условиям эксперимента, составляет не менее 10 лет).

Исследование языкового сознания в данном эксперименте построено на использовании ассоциативно-вербальной модели, позволяющей рассматривать как осознаваемые носителями языка, так и неосознаваемые. Как пишет Н. В. Уфимцева, «ассоциативный эксперимент позволяет сделать доступным для анализа содержание сознания индивида, как правило, скрытое от внешнего наблюдателя, поскольку овнешняет его средствами языка» [9, с. 364].

Опрос, проводимый нами в рамках эксперимента, предполагает выявление ассоциативной связи между словами-стимулами (предлагаемые слова) и словами-реакциями (первые пришедшие в голову ассоциации). Анкетирование проводится анонимно. Однако для полного исследования необходима определенная информация об анкетированных, в нашем случае – это возраст, специальность, родной язык и национальность. Последний пункт был введен в информационную строку опросного листа по причине того, что современный Крым, являясь преимущественно русским, по составу населения представляет собой полиэтничный регион. Согласно официальным данным Росстата, из 175 национальностей, проживающих на полуострове, численность трех превышает 200 тыс. человек (русские – 1 492 078 или 67,9%; украинцы – 344 515 или 15,68%; крымские татары – 232340 или 10,57%) [10]. Таким образом, для создания регионального ассоциативного словаря русского

языка важно разграничить анкеты представителей разных национальностей, проживающих в Крыму постоянно и считающих русский язык своим родным (первым) языком.

В рамках проводимого исследования к моменту написания данной статьи опрошено 1587 студентов, из которых 1148 считают себя русскими и 439 – представителями других национальностей.

Определение национальной самоидентификации – это сложный процесс, ведь отождествление себя с определенной этнической общностью означает принятие всех ее ценностных норм. У некоторых участников эксперимента вопрос определения национальности вызвал затруднения или даже определенный протест, что при заполнении анкет проявилось в следующем: 1) замещение национальности этнохоронимом: *крымчанин/крымчанка*, 2) фиксация перечня национальной идентичности через запятую: *украинка, еврейка, русская*, 3) непонимание сути вопроса: *православная*, 4) демонстративный отказ от этнической принадлежности: *никакая*.

Неудивительно, что определение национальной принадлежности для части студенческой аудитории оказалось сложным, ведь национальность – относительно новое понятие. В средневековом обществе человека идентифицировали исключительно по принадлежности к религии или сословию. Нередко европейские монархии, в том числе и российская, возглавлялись иноземцами.

Невозможно разобраться в этнических процессах общества без точного понимания определений, описывающих их. Так, в толковых словарях русского языка слово «национальность» определяется следующим образом: «**Национальность** 1. см. национальный. 2. В нек-рых сочетаниях: то же, что нация. 3. Принадлежность к какой-н. нации, народности» [3, с. 387]. В словаре Т. Ф. Ефремовой: «**Национальность** 1) То же, что: нация. 2) Принадлежность к какой-л. нации. 3) Совокупность национальных черт, свойственных какому-л. народу; национальная самобытность» [1, с. 375]. Как видно, вторая дефиниция немного дополняет первую, но в целом они схожи.

В «Словаре социолингвистических терминов» дается следующая дефиниция данного термина: **«Национальность** 1. Обозначение таких понятий, как «нация», «народность» и т. п. (напр., «национальности РФ»). 2. Обозначение принадлежности человека (или группы людей) к определенной нации (или этнической группе). В последнее время этот термин все чаще употребляется для обозначения государственной принадлежности людей (подданства или гражданства)» [6, с. 147]. Как видим, речь здесь идет не об одной, а о трех исторических реальностях этноса: *нации, национальности, народности*. В силу того, что между этими понятиями имеется тесная взаимосвязь, возникает потребность в их разграничении.

Формирование **наций** началось в странах Европы приблизительно в XV веке, оно было связано с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием централизованных государств. Считается, что русская нация сложилась в XVII-XVIII веках, сразу после английской (XVI в.), но раньше немецкой и итальянской (к XIX в.) [8, с. 254-257]. В современной интерпретации **«Нация** (от лат. *natío* – племя, народ) означает исторически сложившуюся в процессе развития устойчивую общность людей, проживающих на одной территории, имеющих общую культуру, язык, самосознание... Нация обладает особым складом, стилем мышления, менталитетом, чувством собственного достоинства...» [5, с. 146].

Понятие **национальность** появилось в XIX веке, в процессе формирования европейских наций. Существуют две основные концепции этого определения – консервативная, основанная на факте рождения от представителей определенной национальности, так называемый «закон крови» и либеральная, построенная на факте рождения на территории определенного национального государства – «закон почвы» [5, 146].

Термин **народность** в современной науке утвердился в 50-х годах XX века. Он использовался для обозначения этнических общностей, занимающих промежуточное положение между первобытной стадией развития человечества – *племенем* и периодом формирования государственности – *нацией* [5, с. 139].

Из всего сказанного можно сделать выводом том, что термины **нация, национальность и народность** не тождественные, а самостоятельные понятия.

Очевидно, что национальность определяется социумом и предполагает отождествление себя с определенной национальной группой. При этом для одних первостепенное значение приобретает «закон крови», для других – «закон почвы».

Согласно последней переписи населения (2014), Крым представлен 175 национальностями [10]. По нашим данным, в ходе опроса, проводимого в рамках ассоциативного эксперимента, в студенческой аудитории были обнаружены представители 22 национальностей: *русские (1148), украинцы (214), крымские татары (143), татары (18), евреи (14), армяне (11), греки (7), белорусы (5), молдаване (4), болгары (3), поляки (3), немцы (2), азербайджанцы (1), грузины (1), итальянцы (1), казахи (1), корейцы (1), литовцы (1), осетины (1), румыны (1), турки (1), узбеки (1)*. Отметим, что эксперимент еще не закончен, количество названных национальностей вполне может измениться.

Общеизвестно, что особенности восприятия и понимания действительности определяются совокупностью когнитивных стереотипов и формируются в условиях определенной среды, в том числе и языковой. Следует отметить, что на территории всего полуострова на протяжении нескольких веков начиная с вхождения тюркоязычного крымского региона в состав Российской империи (XVIII век) и до сегодняшнего дня, русский язык не переставал доминировать.

Сегодня в Республике Крым три государственных языка: русский, украинский и крымскотатарский, при этом их функциональная нагрузка различна. Так, русский язык используется в институтах регионального управления, международной деятельности и науке, кроме того, он является языком межнационального общения для всех крымских этносов. Сфера же функционирования двух миноритарных государственных языков (украинского и крымскотатарского) ограничена внутринациональным общением, национальными СМИ и образованием (при получении соответствующих, в основном филологических, специальностей).

При этом следует отметить, что в сфере среднего образования государство уделяет должное внимание развитию языков представителей национальных меньшинств, проживающих в регионе. Несмотря на то, что сегодня большинство родителей выбирает для своих детей русский язык обучения (96,9%), 3%

школьников обучается посредством крымскотатарского языка (15 школ) и 0,1% – посредством украинского. В общеобразовательных русскоязычных школах работают национальные классы (137 с крымскотатарским языком обучения и 19 с украинским), а также на базе крымских школ факультативно изучают крымскотатарский язык (более 20 тыс. человек), украинский (более 12 тыс.), новогреческий (136), болгарский (62), немецкий (56) и армянский (54) [4].

Владение национальным языком является важным фактором этнической идентификации. В рамках проводимого ассоциативного эксперимента было отмечено, что у части студентов, не идентифицирующих себя с русской национальностью, возникли трудности с определением родного языка. Сегодня, выбирая между национальным языком и русским, как правило, останавливаются на русском. Так, из 439 студентов, не относящих себя к русской общности, 298 человек (68%) назвали русский язык родным.

И хотя приведенными данными являются промежуточными, отметим, что на сегодняшний день они совпадают с итогами переписи населения Крыма (2014г.), подтвердившей доминирующую роль одного языка. Согласно ее итогам 99,8% жителей региона владеют русским языком, при этом 84% крымчан разных национальностей считают его родным [10].

ВЫВОДЫ

В заключение отметим, что существование национальности без языковой общности невозможно, то есть потеря национального языка способна повлечь за собой потерю национальной идентичности. И мажоритарная роль одного из нескольких языков, функционирующих в едином пространстве, может ускорить этот процесс. В связи с этим следует, не в ущерб русскому языку, развивать языки представителей всех национальных меньшинств, проживающих на полуострове, уделяя особое внимание сохранению автохтонных языков.

Активистам общественно-национальных организаций необходимо популяризировать национальные ценности и культурные традиции своих этносов, а

также проводить работу, направленную на поднятие авторитета национальных языков в своих этнических группах.

Безусловно, государственная языковая политика должна быть направлена на сохранение феномена крымскогорегии, определяющегося не только геополитическим положением и природными богатствами, но и этническим составом населения полуострова.

Список литературы

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус.яз., 2000. в 2 т. – 1209 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В. А. Маслова. – М.: «Академия», 2001. – 208 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 976 с.
4. РИА новости [Электронный ресурс]: информационное агентство: [сайт]. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20170304/1109340573.html> – (дата обращения: 16.09.2017)
5. Словарь по политологии [Текст] / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.
6. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. редактор В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов [Текст] / Т. Г. Стефаненко. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
8. Тавадов Г. Т. Этнология. Учебник для вузов [Текст] / Г. Т. Тавадов. – М.: Проект, 2002. – 352 с.
9. Уфимцева Н. В. Особенности регионального языкового сознания русских и методы его изучения / Н. В. Уфимцева // Русский язык в поликультурном мире. – 2017. – Т.1. – С. 364-368

10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]:
URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html(дата обращения: 17.09.2017).

**ETHNICITY AND NATIVE LANGUAGE:
PROBLEMS OF YOUTH SELF-IDENTIFICATION (ON THE DATA OF THE
ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN CRIMEA)**

R. N. Guseynova

**Taurida Academy, V. I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol, e-mail:
analsur@yandex.ru**

Summary. The article investigates the influence of the state language on the personal national identification of an individual living in a multicultural environment. On the data of Crimea, formation of ethnic self-awareness is proved to be based on the system of values with the choice of national identity being caused by ethnic and cultural factors, one of which language is. Deprivation of the national language under the influence of the language of the dominating population group by number is considered to be a reason for losing ethnic identity, since existence of a nation without a language community is unlikely to be possible. The author concludes that preserving languages of national minorities in a multicultural region depends not only on the current state language policy, but also on the activities of non-governmental organizations, which are due to aim at popularization and increasing status of national languages, inside their ethnic groups in particular.

Keywords: nationality, youth, ethnic self-awareness, national community.

References

1. Efremova T.F. *Novyi Slovar' Russkogo Yazyka. Tolkovo-Obrazovatel'nyi* [A New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Educative]. M.: Russkii Yazyk Publ., 2000. 1209 p.
2. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguistic Culturology]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 208 p.
3. Ozhegov S.I. *Slovar' Russkogo Yazyka* [Russian Language Dictionary]. Moscow: Oniks Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2006. 976 p.
4. RIA *Novosti Informatsionnoe Agentstvo*. Available at: <http://crimea.ria.ru/society/20170304/1109340573.html> (accessed 16 September 2017).
5. *Slovar' po Politologii* [Political Sciences Dictionary]. Rostov-on-Don: RGU Publ., 2001. 285 p.

6. Slovar' Sotsiolingvisticheskikh Terminov [A Dictionary of Sociolinguistic Terms]. M.: Institut Yazykoznaniiya RAN Publ., 2006. 312 p.
7. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya: Uchebnik dlya Vuzov* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2009. 368 p.
8. Tavadov G.T. *Etnologiya* [Ethnology]. M.: Proekt Publ., 2002. 352 p.
9. Ufimtseva N.V. *Osobennosti Regional'nogo Yazykovogo Soznaniya Russkikh i Metody ego Izucheniya* [Peculiarities of Regional Language Awareness of the Russian and Methods of its Research]. *Russkii Yazyk v Polikul'turnom Mire*. 2017. V.1, pp. 364-368.
10. *Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki* [Federal Service of Statistics] Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (accessed 17 September 2017).

УДК 81`27

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ ВОДИТЕЛЕЙ-ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ В ГЕРМАНИИ

Петренко Д. А., Соловьева К. К.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Институт иностранной филологии, Республика Крым, Симферополь, Россия
e-mail: daniil.petrenko@list.ru, christina.solowjowa@hotmail.com

Социальные перемены, которые имеют связь с многочисленными изменениями в структуре современного общества, привели к определенному так называемому «расшатыванию» традиционных литературных норм. Подобные изменения в современном немецком языке находят отражение не только в увеличении количества речевых ошибок, но и в существенном изменении современного словарного состава языка. По словам отечественного лингвиста В.Д. Девкина, без знания разговорной лексики невозможно в полном объеме усвоить и понять изучаемый иностранный язык, ведь эта лексика составляет достаточно весомую, совершенно неотъемлемую часть лексикона. Для понимания обиходной речи следует изучать также и разговорную лексику, чтобы иметь возможность расшифровать подтекст, остроты, ассоциативный план высказываний. На примере данного исследования можно ознакомиться с профессиональным жаргоном водителей-дальнобойщиков в Германии, которые зачастую используют радиосвязь на коротких волнах для личного общения.

Ключевые слова: фонетика, социофонетика, социолингвистика, социолект, немецкий язык, языковая норма, жаргон.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема исследования языковой вариативности на материале современного немецкого языка является актуальной и всегда привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов и германистов. Объектом исследования в данной работе являются фонетические и лексические особенности немецкого языка в речи водителей-дальнобойщиков в Германии. Предметом изучения является фонетический и лексический строй языка. Также были рассмотрены и проанализированы особенности социолекта в сравнении с литературным немецким языком. Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить особенности социолекта водителей-дальнобойщиков в Германии; выявить фонетические и лексические особенности немецкого языка в речи дальнобойщиков. Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

- определить, чем является языковая норма и вариативность;
- рассмотреть понятие социолект;

выявить фонетические и лексические особенности социолекта;

рассмотреть и изучить содержание некоторых ключевых понятий данной работы, а именно: социолект, языковая норма, жаргон.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Вариативность любого языка является одним из главных его свойств. В анализе вариативности произношения в социофонетике используется понятийный аппарат социолингвистики, позволяющий различать два измерения социальной вариативности – ситуативное и стратификационное. Следует отметить, что в языке представлены произносительные варианты, которые будут обусловлены стратификацией общества на различные слои, группы, страты [16]. Ситуативная же вариативность, в свою очередь, проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств на произносительном уровне и связывается с противопоставлением различных стилей произношения. Данный вопрос до сих пор окончательно не решен и остается одним из ключевых в современном языкознании [14].

В современной лингвистике социальные диалекты рассматриваются как разновидности (варианты) языка, которыми пользуется та или иная социальная группировка или общность людей [10]. Диалект, в свою очередь, понимается как территориальная, временная или социальная разновидность языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, и отличающаяся по своему строю (фонетике, грамматике, лексике и семантике) от языкового стандарта, который сам является наиболее престижным диалектом [6]. В любое время на язык, как правило, имели влияние следующие причины:

Внутренние или внутриязыковые;

Внешние или экстралингвистические.

Под внутренними причинами понимают появление каких-либо предпосылок для изменения и эволюции системы языка на различных уровнях (фонетический, морфологический, лексический и др.), примером такого влияния в немецком языке может служить передвижение согласных. Передвижением согласных, или же

Законом Раска-Гримма (1814/1822 гг.), является фонетический процесс, который заключался в изменениях индоевропейских смычных гласных [22]. Экстралингвистические факторы влияют на языковую подсистему, а также на возникновение функциональных стилей и различных научных и профессиональных подязыков. Также внешние факторы способствуют образованию новых местных диалектов и социолектов [11]. Одним из первых, кому удалось охарактеризовать понятие вариативности, был швейцарский лингвист Ф. де Соссюр. По словам языковеда, вариативность – это стремление к изменчивости. В современном же языкознании вариативность принято определять как разнообразие и разнотипность речи, определяемые различными условиями ее употребления, а также различиями в социальной и территориальной принадлежности говорящих лиц [19]. Любой язык имеет понятие о литературной или стандартной норме произношения, а также закрепленные нормами единообразие передачи речи на письме. В качестве кодифицированного немецкого стандарта выступает, например, язык немецкой литературы, который формировался на протяжении многих столетий, в системе которого удалось установить определенные письменные и устные нормы [25].

В своих научных трудах И. А. Бодуэн де Куртэне отмечал, что в реальной жизни «каждый индивид может иметь несколько индивидуальных «языков», различающихся, между прочим, и с произносительно-акустической точки зрения: язык повседневного дня, язык торжественный, язык церковной проповеди или университетской кафедры. В разные минуты жизни мы пользуемся различным языком, в зависимости от различных душевных состояний, от времени года и дня, возраста, от прежних навыков речи и новых приобретений» [6]. В свою очередь, Л. В. Щерба выделял только два стиля произношения – полный и разговорный, которые были основаны на диаметрально противоположных степенях темпа речепроизводства. Они обуславливали различную степень четкости и ясности произношения. Для полного стиля характерна тщательная артикуляция и отчетливое произношение звуков, когда для разговорного или неполного стиля характерным будет небрежная, плохо оформленная речь со скользящей артикуляцией [14]. В современной системе любого языка принято выделять три основных стиля

литературного или стандартного произношения – высокий, нейтральный и разговорный [18]. Рассматривается также и просторечный стиль, однако его относят уже не к одному из видов стандартного или литературного произношения, а скорее к отдельному самостоятельному виду [24],[18]. Германисты Ева-Мария Крэх (Eva-Maria Krech), Урсула Штетцер (Ursula Stötzer), Эберхард Шток (Eberhard Stock), Урсула Мюллер (Ursula Müller), Готтфрид Майнхольд (Gottfried Meinhold) под стандартным произношением понимали всеобщее принятое и широко распространенное произношение в рамках литературного (стандартного) немецкого языка, которое не должно иметь черты слишком высокого стиля, а также территориально или социально маркированные различительные черты. Такой вариант произношения говорящий может реализовать как в своих официальных публичных выступлениях, так и в условиях непринужденной деловой беседы [23]. В своих работах Л.А. Вербицкая отмечает, что следует различать два основных аспекта произносительной нормы:

орфоэпия;
орфофония,

где под орфоэпией будет пониматься определенный свод правил, который определяет нормативный фонемный состав слов, а под орфофонией – правила произношения различных вариантов фонем [4]. Р.И. Аванесов обращал внимание не раз в своих работах на то, что вопрос о произносительных стилях остается до конца неразработанным. По мнению лингвиста, произносительные стили любого языка имеют связь со стилем языка в целом. Так он выделяет три основных стиля в произношении:

нейтральный,
высокий,
разговорный [1].

Неоспорим тот факт, что язык не единообразен и в социальном отношении. Еще в XVII веке испанский ученый Г. де Корреас говорил, что «нужно отметить, что язык имеет, кроме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имуществом жителей этих провинций:

существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого-историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей» [2].

Так, в современной социолингвистике во второй половине XX века появляется новый термин «Социолект». Л.П. Крысин определяет социолект как совокупность языковых особенностей какой-либо социальной группы [9]. Очевидно, что социолект не будет представлять собой целостную систему коммуникации, а только как особенность речи – в виде различных слов и словосочетаний, синтаксических конструкций и особенностей ударения. В свою очередь, арготизмы, жаргон и сленг являются его разновидностями [16]. Все чаще современные лингвисты определяют эти термины между собой как синонимы. Но, например, арготизмы, в отличие от жаргона, являются в той или иной степени «тайным» языком, тогда как жаргон – «профессиональный» язык.

Примером профессионального жаргона в современном немецком языке может послужить язык водителей-дальнобойщиков. На территории Германии распространена радиосвязь на коротких волнах в диапазоне от 26,565 МГц до 27,405 МГц (80 Каналов). Водители-дальнобойщики все чаще используют эти частоты для личного общения. Во время общения они зачастую обмениваются информацией о ДТП, об обстановках на дорогах, о качестве и ценах на услуги стоянок, магазинов, отелей. Также можно услышать просьбы об оказании экстренной или технической помощи. Главным «местом» их общения является, так называемое, «Си-Би» (англ. CB, Citizen`s Band), или «гражданский диапазон». В ходе данного исследования были выявлены фонетические и лексические особенности немецкого языка в речи водителей-дальнобойщиков в Германии. Важно отметить, что фонетические особенности в речи водителей-дальнобойщиков будут заметны только в том случае, если они являются представителями какого-либо определенного региона Германии, где имеются свои особенные произносительные нормы [10].

Так, например, для носителей берлинского диалекта характерны:

оглушения на конце, таких слов, как: mich[mɪç] – [mɪj], dich [dɪç] – [dɪj], sich [zɪç] – [zɪj];

переход согласного /z/ в /ss/, zuHause [tsu'haʊzə] / ssuHause [su'haʊzə];

изменения в произношении глухого палатального спиранта и буквосочетания /ch/, который станет /sch/;

открытый звук [ɛ] будет слышен как [ø], elf [ɛlf] / ölf [ø:lf];

исчезновение краткого безударного [ə] перед согласным, Deckel ['dɛkəl] / Deckl ['dɛk].

Что касается лексических изменений, то в ходе исследования было отобрано 38 лексических единиц, которые можно разбить на 5 тематических групп [11].

Так, например, для обозначения **грузовых** либо **легковых автомобилей**, а также их **деталей** выявлено 11 лексем:

Diesel-PKW – Heizölbrenner;

7,5 t Fahrer – Möchtegern Trucker;

Kleintransporter – Pizza-Wagen;

ein langsam fahrender LKW – Schleicher;

Diesel – Sprudel;

breite Reifen – Walzen;

Fahrzeug ohne Servolenkung – Blutdruckservo;

Langsam fahrendes Auto – Bremsklotz;

Wohnwagenanhänger – Bumscontainer;

Fernsehgerät – Glotzophon;

Wohnwagengespanne – Konservendosen.

Для того чтобы оповестить о своих **личных потребностях**, дальнбойщики используют чаще всего следующие 9 словосочетаний:

Pause machen (niederlegen) – daunehaun;

Bergab auskuppeln – fliegen lassen;

sehr schnell fahren – glühen;

schlafen – mützeln;

nicht zutreffend – Negativ;

niederlegen (schlafengehen) – Niedahaun;

auch ein bißchen schlafen – pfeifen;

kurz ein bißchen schlafen – rüsseln;

Essen – Vitaminkur.

Для обозначения **работников правоохранительных органов (полиция)** были выявлены следующие 8 лексических единиц:

Polizist mit Radargerät – Photograph;

Polizei auf Motorrädern – Gasradl unterwegs;

Gendarmerie in Österreich – He (die He);

Polizei – Kapperhalter;

Polizei – Kojak;

Polizei – Trachtenverein;

Polizei auf der Suche nach Verkehrssündern – Vereinsausflug;

Polizei – Weiskapperl.

Как было указано выше, водители часто обмениваются друг с другом информацией о ДТП и об обстановке на дорогах, поэтому для так называемых **лексем «предупреждений»** было выявлено 7 единиц:

Du hast freie Fahrt (kein Stau, keine BAG) – die grüne Lampe geben;

Sicherung vom Geschwindigkeits-Begrenzer ziehen – einen Zupfer machen;

Achtung Radarkontrolle – Glatteis;

Ich habs eilig – I habs drabig;

Keine BAG kontrollen auf der Strecke – Sauber (alles sauber);

Achtung Radarkontrolle, BAG-Kontrolle – Schlechtes Wetter;

der LKW geht ab wie nichts – Holla die Waldfee.

Также водители иногда разговаривают друг с другом и на личные темы, и в результате чего, было выявлено 3 лексемы, которые означали их **вторую половину**:

Ehefrau – Alpha;

Ehefrau oder Freundin – Oberwelle;

Ehefrau, Freundin – Zweier.

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить, что социальные диалекты вызывают повышенный интерес у современных языковедов. Большинство людей при общении в присутствии посторонних людей стремятся к тому, чтобы остаться непонятыми, хотят скрыть секреты своего ремесла. Поэтому важно изучать и уделять внимание разговорной лексике, чтобы иметь возможность понимать обиходную речь, а именно расшифровывать подтекст, остроты и ассоциативный план высказываний. Собранный и проанализированный материал станет базой для проведения дальнейших, более расширенных исследований, так как актуальность профессионального жаргона водителей-дальнобойщиков в Германии обусловлена тем, что данный вариант социолекта является мало изученным, но при этом с каждым днем все больше и больше проникает в повседневную речь жителей ФРГ.

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение, 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. - М.: РГГУ, 2001. - 439 с.
3. Бухаров В.М. Кластер в полицентрическом языке. - / В.М. Бухаров /. – Научный журнал «Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова» – Нижний Новгород, 2012 г. – Стр. 21-28.
4. Вербицкая Л.А. Русская орфоэпия: к проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы. – Л.: ЛГУ, 1976. – 123 с.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн / Т. В. Жеребило – Назрань: Изд-во Пилигрим, 2010. – 486 с.
6. Жирмунский В.М. Проблема социальной дифференциации языка. // Язык и общество / В.М. Жирмунский / – М.: Наука, 1968. – 256 с.
7. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1977. – С. 22.

8. Колмакова И. В. Современный немецкий язык / И. В. Колмакова // Молодой ученый. - 2015. - №4. - С. 302-305.
9. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. - М.: Эксмо, 2006. - 944 с.
10. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология) / М. М. Маковский / - М.: Высшая школа, 1982 г. - 135 с.
11. Михальченко В. Ю. Словарь социолингвистических терминов. — М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Ответственный редактор: доктор филологических наук В. Ю. Михальченко. 2006 г. - 312 с.
12. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. - 3-е издание, переработанное. / Л.Л. Нелюбин — М.: Флинта: Наука, 2003. - 318 с.
13. Петренко А. Д. Основные этапы развития и кодификации произносительной нормы современного немецкого языка / А. Д. Петренко // Культура народов Причерноморья. - 2002. - № 29. - С. 12-17.
14. Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности. - / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко /. - Научный журнал «Известия Южного федерального университета» - № 4. - Ростов на Дону: ЮФУ, 2014 г. - Стр. 150-157.
15. Петренко А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. -/ Под ред. А. Д. Петренко /. - Коллективная монография. - Москва, Изд-во «Перо», 2015. - 491 стр.
16. Петренко Д. А. О некоторых проблемах социально-функциональной стратификации языка - / Д. А. Петренко, М. В. Чернышова / - Ученые записки КФУ имени В.И.Вернадского. - Научный журнал. - Филологические науки. - Том 1(67), №1. - Симферополь, 2015. - С. 189-196.
17. Петренко Д. А. Развитие норм произношения немецкого языка за последние сто лет. - / Д. А. Петренко, М. В. Чернышова, К. К. Соловьева /. - Научный журнал «АПРОБАЦИЯ» - № 3-1 (54). - Махачкала, 2017 г. - Стр.55-58.
18. Петренко Д.А. О стилистических произносительных вариантах. /Д.А. Петренко, К.К. Соловьева. // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки:

- отечественные традиции и международная практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, Симферополь, 4–5 мая 2017 г. / гл. ред. А.Д. Петренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – Стр. 220-228.
19. Петренко Д.А. Особенности функционирования немецкого языка в Республике Намибия. /Д.А. Петренко, К.К. Соловьева/. // Научный журнал «Вестник науки и образования» – № 6 (29). – Москва, 2017 г. – Стр. 71-74.
20. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение. 1976. – 399 с.
21. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
22. Fortson В. Indo-European language and culture. An Introduction. — Padstow: Blackwell Publishing, 2004.
23. Krech Н. Wörterbuch der deutschen Aussprache / Hans Krech. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1964. – 454 S.
24. Meinhold G. Deutsche Standardaussprache: Lautschwächungen und Formstufen / GottfriedMeinhold. – Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973. – 147 S.
25. Steger Н. Bilden gesprochene Sprache und geschriebene Sprache eigene Sprachvarietäten? / Н.Steger. –// Hugo Anst (Hrsg.). Wörter, Sätze, Fugen und Fächer des wissenschaftlichen. Festgabe für Theodor Lewandowski zum 60. Geburtstag. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1987. – S. 35–58.
26. СВ-FUNK. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Fo7Hn7aagGw>. – (Дата обращения: 23.09.2017).
27. FernfahrerSlang. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.fernfahrer.at/Info/slangguide/slanguage.html>. – (Дата обращения: 24.09.2017).

PHONETIC AND LEXICAL PECULIARITIES OF

GERMAN TRUCK DRIVERS SPEECH

Petrenko D.A., Solovyova Ch.K.

Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

e-mail: daniil.petrenko@list.ru, christina.solowjowa@hotmail.com

Summary. Social changes, which are associated with numerous changes in the structure of modern society, have led to a certain so-called loosening of traditional literary norms of a language. Such changes in the modern German language manifest themselves not only in increasing the number of speech mistakes, but also in significant change in the modern vocabulary of a language. According to the Russian linguist V. Devkin, without knowledge of spoken vocabulary, it is impossible to fully understand foreign language, because this vocabulary is very important, absolutely integral part of this lexicon. To understand colloquial language, we should also study conversational expressions in order to be able to understand the subtext, jokes and the associative plan of statements. On the example of this research, we can see the professional slang of truck drivers in Germany, who often use short-wave radio for personal communication.

Keywords: phonetics, sociophonetics, sociolinguistics, sociolect, German, language norm, jargon.

References

1. Avanesov R.I. Russkoe Literaturnoe Proiznoshenie [Russian Literary Pronunciation]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.
2. Belikov V.I., Krysin L.P. Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. Moscow: RGGU Publ., 2001. 439 p.
3. Bukharov V.M. Klaster v Politsentricheskom Yazyke [Cluster in the Polycentric Language]. Vestnik Nizhegorodskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta im. N.A. Dobrolyubova, 2012, no 1(17), pp. 21–28.
4. Verbitskaya L.A. Russkaya Orfoepiya: k Probleme Eksperimental'no-Foneticheskogo Issledovaniya Osobennostei Sovremennoi Proiznositel'noi Normy [Russian Orthoepy: to the Problem of Experimental and Phonetic Research of the Features of the Modern Pronunciation Norm]. Leningrad: LGU Publ., 1976. 123 p.
5. Zhrebilo T.V. Slovar' Lingvisticheskikh Terminov [Dictionary of Linguistic Terms] Nazran: Pilgrim Publ., 2010. 486 p.
6. Zhirmunskii V.M. Problema Sotsial'noi Differentiatsii Yazyka [The Problem of Social Differentiation of Language]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 256 p.
7. Zhirmunskii V.M. Teoriya Literaturny. Poetika. Stilistika [Literature Theory. Poetics. Stylistics] Leningrad: Nauka Publ., 1977. p. 22.

8. Kolmakova I.V. *Sovremennyi Nemetskii Yazyk* [Modern German]. *Molodoi Uchenyi*, 2015, no 4, pp. 302–305.
9. Krysin L.P. *Tolkovyi Slovar' Inoyazychnykh Slov* [The Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 944 p.
10. Makovskii M.M. *Angliiskie Sotsial'nye Dialekty (Ontologiya, Struktura, Etimologiya)* [English Social Dialects (Ontology, Structure, Etymology)] Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1982. 135 p.
11. Mikhal'chenko V.Yu. *Slovar' Sotsiolingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: Rossiiskaya Akademiya Nauk. Institut Yazykoznaniiya. Rossiiskaya Akademiya Lingvisticheskikh Nauk Publ.. 2006. 312 p.
12. Nelyubin L.L. *Tolkovyi Perevodovedcheskii Slovar'* [Explanatory Translation Dictionary]. Moscow: Flinta Nauka Publ., 2003. 318 p.
13. Petrenko A.D. *Osnovnye Etapy Razvitiya i Kodifikatsii Proiznositel'noi Normy Sovremennogo Nemetskogo Yazyka* [The Main Stages of Development and Codification of the Pronunciation Norm of Modern German]. *Kul'tura Narodov Prichernomor'ya*, 2002, no 29. pp. 12–17.
14. Petrenko A.D. *Sotsiofoneticheskie Aspekty Yazykovoi Variativnosti* [Sociophonetics Aspects of Linguistic Variability]. *Nauchnyi Zhurnal Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta*, 2014, no 4, pp. 150–157.
15. Petrenko A.D. *Sotsiolingvisticheskie Problemy Variativnosti Yazyka kak Tselostnoi Struktury* [Sociolinguistic Problems of Variability of Language as an Integral Structure]. Moscow: Pero Publ., 2015. 491 p.
16. Petrenko D.A. *O Nekotorykh Problemakh Sotsial'no-Funktsional'noi Stratifikatsii Yazyka* [About Some Problems of Socio-Functional Stratification of the Language] *Nauchnyi Zhurnal Uchenye Zapiski KFU imeni V.I.Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2015, no 1, pp. 189–196.
17. Petrenko D.A. *Razvitie Norm Proiznosheniya Nemetskogo Yazyka za Poslednie Sto Let* [Development of the Norms of Pronunciation the German Language Over the Past Hundred Years]. *Nauchnyi Zhurnal Aprobatsiya*, 2017, no 3–1 (54), pp.55–58.

18. Petrenko D.A. O Stilisticheskikh Proiznositel'nykh Variantakh [About Stylistic Pronunciation Variants]. Aktual'nye Problemy Sovremennoi Gumanitarnoi Nauki: Otechestvennye Traditsii i Mezhdunarodnaya Praktika: Materialy Vserossiiskoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii Arial Publ., 2017, pp. 55–58.
19. Petrenko D.A. Osobennosti Funktsionirovaniya Nemetskogo Yazyka v Respublike Namibiya [Features of the Functioning of the German Language in the Republic of Namibia]. Nauchnyi Zhurnal Vestnik Nauki i Obrazovaniya, 2017, no 6 (29), pp. 71–74.
20. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-Spravochnik Lingvisticheskikh Terminov [Dictionary-Reference of Linguistic Terms]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1976. 399 p.
21. Shcherba L.V. Yazykovaya Sistema i Rechevaya Deyatel'nost' [Language System and Speech Activity]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 432 p.
22. Fortson B. Indo-European language and culture. An Introduction. — Padstow: Blackwell Publishing, 2004.
23. Krech H. Wörterbuch der deutschen Aussprache / Hans Krech. — VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1964. — 454 S.
24. Meinhold G. Deutsche Standardaussprache: Lautschwächungen und Formstufen / GottfriedMeinhold. — Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973. — 147 S.
25. Steger H. Bilden gesprochene Sprache und geschriebene Sprache eigene Sprachvarietäten? / H.Steger. —// Hugo Anst (Hrsg.). Wörter, Sätze, Fugen und Fächer des wissenschaftlichen. Festgabe für Theodor Lewandowski zum 60. Geburtstag. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1987. — S. 35–58.
26. CB-FUNK. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Fo7Hn7aagGw>. (accessed 23 September 2017).
27. FernfahrerSlang. Available at: <http://www.fernfahrer.at/Info/slangguide/slanguage.html>. (accessed 24 September 2017).

УДК 82.091:[(821.411.21+821.222.1):(821.521.161+821.512.19)]

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XVI – XVIII ВВ.

Эмирсале Э. Я.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
e-mail: elvira.emirsale@mail.ru

В статье рассматриваются лексические особенности персидских заимствований в языке крымскотатарской средневековой поэзии. Проводится сравнительный анализ лексических значений тех же слов в персидском языке. Выявляются семантические изменения фарсизмов с последующей их классификацией по степени изменения лексических значений.

В работе отмечается, что язык средневековой крымскотатарской поэзии изобилует большим количеством персидских заимствований. При этом некоторое количество заимствованных однозначных слов употреблялось в том же значении, какое они имели в персидском языке. Здесь отмечаются случаи сохранения семантической структуры и многозначных фарсизмов. Выделены и полисемантические заимствованные слова, значения которых в языке крымскотатарских средневековых авторов, ограничилось и конкретизировалось. Рассмотрена и заимствованная лексика, которая на почве крымскотатарского языка приобретает новые значения и теряет смысловую связь, при сохранении внешних фонетических соответствий.

Особое внимание обращено на то, что в отличие от современного крымскотатарского языка, в котором значение заимствованных слов значительно сузилось, в языке крымскотатарской средневековой поэзии, слова, как правило, заимствовались со всеми значениями существовавшими в языке-доноре и их семантика была значительно шире.

Делается вывод о том, что все вышеперечисленные примеры наглядно демонстрируют глубокое проникновение персидской лексики в язык крымскотатарской поэзии XVI – XVIII вв.

Ключевые слова: персидские заимствования, семантические особенности, крымскотатарская средневековая поэзия, лексические значения.

ВВЕДЕНИЕ

Семантическое развитие слов следует рассматривать в неразрывной связи с историей развития литературы и историей народа. С развитием литературы и языка, часть слов всегда подвергается тем или иным изменениям. При этом если одни слова не приживаются и выходят из употребления, то другие наоборот, расширяют значения и сферу употребления. В данной статье будут рассмотрены лексические особенности персидских заимствований в языке крымскотатарской средневековой поэзии.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более детального изучения лексических значений персидских заимствований в языке

крымскотатарской средневековой поэзии, как наиболее показательных элементов развития языка.

Целью данной статьи является исследование лексики крымскотатарской средневековой поэзии и выявление лексических изменений персидских заимствований.

Реализация цели подразумевает выполнение следующих задач:

сравнение семантической структуры фарсизмов в языке крымскотатарской средневековой поэзии с семантической структурой тех же слов в персидском языке;
разграничение их по степени изменения

Теоретико-методологической основой исследования стали научные труды советских востоковедов А. Е. Бертельса, И. С. Брагинского, И. В. Стеблевой, работы отечественных ученых А. М. Меметова, Т. Б. Усеинова.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Каждый отдельный язык имеет свои специфические особенности в контактировании с другими языками мира. Такие контакты могут проявляться на всех уровнях языка – в лексике, фонетике, грамматике. И учитывая тот факт, что объектом нашего исследования являются персидские заимствования в языке крымскотатарской художественной литературы классического периода, то основные исследования мы проводили на базе лексики.

Словарный фонд литературного крымскотатарского языка наряду с исконно-крымскотатарскими и тюркскими словами содержит немало заимствованных слов из персидского языка. Это стало результатом историко-культурных и экономических связей Крымского ханства с Ираном. Такая взаимосвязь между народами оказала положительное влияние на историческое развитие крымскотатарского и персидского языков. Исследование литературного языка крымскотатарской художественной литературы классического периода (конец XVI – начало XVIII вв.) предоставляет богатый материал для изучения истории, специфики формирования словарного фонда, лексического состава литературного крымскотатарского языка, а так же позволяет проследить процесс ассимиляции заимствований – фарсизмов.

На протяжении многих веков тюркский письменно-литературный язык был оснащен большим количеством инородных лексических единиц и грамматических элементов. «При употреблении норм литературного языка происходила своеобразная дифференциация: поэтические произведения сочинялись в “возвышенном” поэтическом стиле, и они были предназначены для “элиты” общества, в чей синтез входили ученые (голяма), религиозные деятели и поэты-суфии, большинство которых обучалось в Средней Азии и в арабских странах, которые в совершенстве владели арабским и персидским языками» [5, с. 7-8]

В. А. Звегинцев отмечает, что «Лексическое значение – наиболее подвижный элемент языка, оно находится в состоянии непрерывного изменения, наиболее чутко, сравнительно с другими элементами языка, откликаясь на все изменения, происходящие в сфере, обуславливающей само существование языка» [3, с. 126]

Выявление лексических изменений персидских заимствований может быть осуществлено, путем сравнения семантической структуры фарсизмов в языке крымскотатарской средневековой литературы с семантической структурой тех же слов в персидском языке. При этом следует отметить, что первоисточники исследуемых произведений на старотатарском языке не сохранились. По этой причине, в данной статье они представлены в том виде, в котором извлечены из источников на турецком языке. Фактический материал исследования предлагается на крымскотатарском языке, латинской графикой в соответствии с лексикой, представленной в Крымскотатарско-русском словаре силлабической поэзии Ашыка Омера [8] и Большом крымскотатарско-русском словаре силлабической поэзии Мустафы Джевхери [9].

Отдельные слова при переходе из персидского языка в крымскотатарский сохраняли свою семантическую структуру. Однако, собранный нами материал свидетельствует о том, что нередко семантика персидских заимствований подвергалась изменениям, которые приводили к сужению, расширению или изменению значений.

Некоторое количество заимствованных однозначных слов употреблялись в том же значении, какое они имели в персидском языке. Например, слово **samur** (سمور)

[samur]) и вперсидском и в крымскотатарском языке служит названием определенного вида животного – 'соболь', а так же в значении *прилагательного* 'соболий'. “*Samur kalpağ ile benzettim hana...*” – “*В соболином колпаке – принял за хана*” [7, с. 47]. “*Ne bağ duydu ne bağbancı...*” – “*Не узнал ни сад, ни садовник*” [7, с. 474] **bağ** 'виноградник'; 'сад' (باغ [bāy]) **bağ-ban (bağ-bancı bağiban)** 'виноградарь', 'садовник' (باغبان [bāybān]) так же имеют идентичные значения в обоих языках.

Не изменили первоначальной семантики и такие однозначные слова, как **bağ-çe (bahçe)** 'сад' – باغچه [bāyçe], **bazar (pazar)** 'базар', 'рынок' – بازار [bāzār]; **belki** 'вероятно', 'возможно', 'может быть', 'пожалуй' – بالكه [balke], **bostan** 'огород' – بستان [bostan]; **bahar** 'весна' – بهار [bahār]; **ciger** *анат.* 'печень', 'лёгкое' – جگر [jegar], **çeşme** 1. 'водоём'; 2. 'источник'; 'фонтан' – چشمه [čaşme, çeşme], **destan** *лит.* 'дастан', 'эпическое сказание' – داستان [dāstān], **derya** *геогр.* 'море' – دریا [daryā], **düşman (düşman)** *прям., перен.* 'враг', 'неприятель', 'противник' – دشمن [doşman], **efsane** 1. 'сказка', 'миф', 'легенда', 'предание'; 2. 'вымысел', 'небылица' – افسانه [afsāne] и некоторые другие.

Иногда отмечаются случаи сохранения семантической структуры и многозначных фарсизмов. Так слово آتش [āteş, ātaş] в персидском языке имеет значения 1. *прям., перен.* 'огонь', 'пламя'; 2. 'горящие угли', 'костер'; 3. 'огонь'; 'стрельба', 'пальба'. В языке крымскотатарской средневековой литературы слово **ateş** употребляется в тех же значениях. Например, “*Ateş-i aşk bağrım eyledi kebab...*” – “*Огонь любви превратил мою грудь в кебаб*” [7, с. 52] **dil-ber** 'покорительница сердца'; 'возлюбленная'; 'красавица', персидское دل بر [delbar] с идентичной семантикой “*... Şöyle bir dilbere malik olaydım...*” – “*...Если стал бы я обладателем такой красавицы...*” [7, с. 52]. Значения фарсизма **pür** 1. 'полный'; 2. 'очень много'; 3. 'обладатель каких-либо качеств', идентичны значениям персидского слова پر [por] “*pür olsun qadehler...*” – “*пусть будут наполнены кубки бокалы* [7, с. 52].

Крымскотатарское заимствованное слово **virane** 'заброшенное место'; 'развалины', 'руины' идентично по значению персидскому слову **ویرانه** [virāne] например, "...*Gah gezer bayuqış gibi viraneden viraneye*" – "...*То скитается совою, от развалин к пустырю.* [1, с. 15]

К такого рода заимствования можно отнести слова: **can** 1. *религ.* 'душа'; 'дух'; 2. 'жизнь'; 3. 'душа', 'сердце' (как символ средоточия чувств, желаний, помыслов и т. п.) – **جان** [jān]; **ceng** 1. *воен.* 'битва', 'бой', 'сражение'; 2. 'спор', 'ссора' – **جنگ** [jang]; **çünki** (**çüinkü**) 'потому что', 'так как'; 'дело в том, что' – **چونکه** [çünke]; **derman** 1. *фарм.* 'лекарство'; 2. 'избавление', 'спасение'; 'утешение'; 'выход'; 3. 'крепость', 'сила' (*физическая*) – **درمان** [darmān]; **hun** *физиол.* 'кровь'; 2. 'мечь', 'мщение', 'убийство' – **خون** [xun]; **hüner** 'искусство', 'мастерство', 'умение'; 'способность' – **هنر** [honar]; **nazik** (**nazük**) 1. 'вежливый', 'тактичный'; 'любезный'; 2. 'нежный', 'тонкий', 'хрупкий'; 3. *перен.* 'щекотливый' – **نازک** [nāzok]; **şeftali** 1. *ботан.* 'персик' (*Persica vulgaris*); 2. *поэт., перен.* 'поцелуй' – **شفتالو** [şaftālu] и некоторые другие.

Таким образом, семантическую структуру при заимствовании могут сохранить неизменной не только однозначные, но и некоторые многозначные слова.

«Полисемантические слова, как правило, заимствуются языком лишь в отдельных лексических значениях» [2, с. 75]. Так, значение некоторых персидских полисемантических слов в языке крымскотатарских средневековых авторов, ограничилось и конкретизировалось. Например, **sevda** в крымскотатарском имеет значение: 'любовь', 'страсть'; 2. 'непреодолимое желание'. В персидском языке, кроме указанных выше значений добавляются следующие: **سوداء** [sowdā] 'меланхолия', 'тоска'; 'желчность', 'раздражительность'; *уст.* 'чернота'. Заимствованное слово **zebun** 'немогущий', 'слабый' в персидском языке имеет более широкую семантику. **زبون** [zabun] 'немогущий', 'слабый', 'ничтожный', 'презренный'; *редко* 'побежденный'. ...*Veni bu sevda mi zebun eyleyen*" – "...*Любовь ли меня сделала немогущим и слабым*" [6, с. 39]. Персидское слово **پروانه** [parvāne] со значением *зоол.* 'мотылёк', 'ночная бабочка';

'гонец', 'вестник'; *и.с.ж.* 'Парване' заимствовано крымскотатарским языком лишь со значением **pervane** *зоол.* 'мотыльк', 'ночная бабочка'. Например, "Aşmıq gösterir pervaneden pervaneye..." "Нежность сердца расточая от ночицы к мотыльку," [1, с. 15]

К данной категории слов можно отнести следующие: **bi-perva** 1. 'не избегая', 'не уклоняясь'; 'не остерегаясь', 'не оберегаясь' – **بی پروا** [biparvā] 1. 'бесстрашный', 'дерзкий', 'смелый'; 3. 'необдуманный'; 2. 'необдуманный', 'неосмотрительный', 'неосторожный'; 2. 'дерзко', 'смело'; 'необдуманно', 'неосторожно', **bi-tab** 'бессильный'; 'слабый', 'утомленный' – **بی تاب** [bitāb] 'нетерпеливый'; 'беспокойный', 'неугомонный'; 2. 'обессиленный', **çar-pare** 'четыре части', 'четыре куска' (отрезка и т. п.) – **چارپاره** [čāgrāre] так же 1. 'картечь', 'крупная дробь'; 2. 'осколок снаряда'; 3. 'обломок кирпича'), **enis** 'друг', 'приятель', 'товарищ' – **انیس** [anis] в значении 'дружеский', 'дружелюбный'; 'ручной'; *редко* 'друг'; 'собеседник'; *и.с.ж.* 'Анис'), **gerdiş** 'вращение', 'кружение' – **گردش** [gardeş] добавляется значение 'прогулка', 'гулянье'; 'хождение'; 'круговорот', **güher-bar** 'осыпающий (забрасывающий) драгоценностями (драгоценными камнями)' – **گوهربار** [gowharbār]) имеет так же ряд метафорических значений 'рассыпающий жемчуг (*об облаке, дожде*)'; 'красноречивый', **hak** 'земля', 'почва' – **خاک** [xāk] так же в значениях, 'страна', 'территория'; 'пыль', 'прах'; 'могила'), **hakisteri** 'как зола (пепел)', 'подобно золе, пеплу' – **خاکستری** [xākestari] так же в значении 'серый', 'пепельного цвета', 'дымчатый'; 'землистого цвета'; 'темно-серый'; 'свинцовый'; 'мышастый' (*о масти животных*); 'седой', 'с проседью', **hamide** 'гибкий', 'сгибаемый', 'сгибающийся' – **خمیده** [xamide] 'кривой', 'косой'; 'сгорбленный', 'сутулый'; 'склоненный', 'наклоненный', **hamuş** 'молчаливый' – **خاموش** [xāmuş] 'умолкнувший', 'успокоившийся', 'затихший'; 'потухший', 'угасший'; 'приглушенный', 'спокойный', 'неяркий' и др.

Следует отметить, что в отличие от современного крымскотатарского языка, в котором значение заимствованных слов значительно сузилось, в языке

крымскотатарской средневековой поэзии, слова, как правило, заимствовались со всеми значениями существовавшими в языке-доноре и их семантика была значительно шире. Например, А. М. Меметов пишет: «...полисемантическое слово **بند** [band] в персидском языке обозначает: 1. осн. наст. вр. гл. **بستن** [bastan]; 2. 'веревка', 'шнур'; 'пояс', 'ремень'; *анат.* 'связка', 'сухожилие'; 5. *анат.* 'сустав'; 6. 'дамба', 'плотина'; 7. 'пачка', 'стопка'; 8. 'раздел', 'пункт', 'параграф' и т. п. В крымскотатарском произношении '**бент**' употребляется в значении 'плотина'» [4, с.14]. В то время как «Большой крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Мустафы Джевхери» дает следующее определение: **bend** 1. 'связка', 'связь', 'соединение'; 2. 'сочленение'; 'узел'; 3. 'положение'; 'статья'; 4. *прилаг.* 'связанный', 'связывающий'; 5. *поэт.* 'строфа'.

Расширению семантики подвергаются, обычно, прочно усвоенные персидские заимствования. Однако в отдельных случаях проследить историю развития значений заимствованных слов бывает очень сложно, порой даже невозможно, так как многие слова расширили свое значение еще в языке источнике, и поэтому выделение персидских заимствований, изменивших семантику, крайне затруднительно.

Основной причиной тождественного развития значений в словах исследуемых языков, являются некоторые внутренние закономерности семантических изменений, одинаковые для различных языков, основой которых являются метафора, синекдоха, метонимия и т. п. Так слово **تیرانداز** [tirandāz] в персидском языке имеет значения 1. *ист.* 'стреляющий стрелы', 'стрелок из лука', 'лучник', а в крымскотатарском литературном языке средневекового периода слово **tir-endaz**, кроме вышеуказанных значений, обозначает *метаф.* 'изящно одетый', 'элегантно одетый'.

На почве крымскотатарского языка часть персидских заимствований приобретает новые значения и теряет смысловую связь, при сохранении внешних фонетических соответствий. Например, в персидском языке слово **سرسام** [sarsām] имеет значения 'бред', 'горячка'; *мед.* 'менингит', а в крымскотатарском **sersem** означает 'ошеломленный'; 'ошалевший'; 'рассеянный'; 'разгильдяй'. Еще одним показательным примером служит слово крымскотатарское слово **ruzigar (rüzgar)** со

значением 'ветер', которое в персидском означает روزگار [ruz(e)gar] 'время', 'период, эпоха; судьба, участь, доля; состояние, положение, условия, обстоятельства; благоприятная возможность; уст. мир, вселенная.

Весьма слабая смысловая связь, а иногда, и вовсе отсутствующая прослеживается так же и в значениях заимствованных слов: **tab** 'крепость', 'могущество', 'мощь', 'сила' – تاب [tāb] 'терпение'; 'выносливость', 'стойкость'; **šam** 'вечер' – شام [šām] 'ужин'; **seylab** 'сель', 'грязевой поток' – سیلاب [seylāb] 'потоки воды', 'разлив' (в результате наводнения); **serseri** 1. 'бродяга'; 2. 'пустое', 'напрасное, бесполезное слово' – سرسری [sarsari] 'небрежно', 'невнимательно', 'легкомысленно'; 'небрежность', 'невнимательность', 'легкомысленность'; 'небрежный', 'невнимательный', 'легкомысленный'); **rindane** 'весело', 'беспутно' – رندانه [rendāne] 'ловко', 'хитро'; 'ловкий', 'хитрый'; **reftar** 'легкая красивая походка' – رفتار [raftār] 'образ действий', 'линия поведения', 'поведение'; 'поступок'; 'обращение', 'обхождение'; **piše-gah (pišgeh piše-geh)** 'место работы' – پیشگاه [pišgāh] 'место перед шахским тронном'; 'дворец', 'палаты'; 'канцелярия шаха или медреса'; *редко* 'портик', 'балкон'; **perde-nišin** 'находящийся за занавесом', 'чистый', 'порядочный', 'честный' – پرده نشین [pardenešin] 'девушка или женщина, носящая покрывало'; 'затворник'); **perçem** 1. 'локон'; 'чёлка'; 2. 'хохол', 'чуб'; 3. 'грива' – پرچم [pačam] полностью иная семантика со значениями 'знамя', 'флаг'; 'кисть', 'кисти' (у шали, занавеса и др.); *бот.* 'тычинка'); **padaş** 1. 'награда'; 'вознаграждение'; 2. 'спутник', 'попутчик' – پاداش [pādāš] 'возмездие', 'кара', 'расплата'; **meze** 1. 'вкус'; 2. 'закуска' (под спиртное); 3. *метаф.* 'вечеринка, пирушка'; 'развлечение' – مزه [maze] в персидском присутствует лишь значение 'вкус', 'вкусовые ощущения', а так же, *разг.* 'острота', 'шутка', 'каламбур'); **leşker** 1. *воен.* 'солдат'; 2. *поэт., метаф.* 'парень'; 'храбрец', 'герой' – لشکر [laškar] имеет иную семантику со значением 'дивизия'; *уст.* 'войско', 'армия'); **levend** *уст.* 'матрос' (во времена Османской империи) – لوند [lavand] 'проститутка';

'распутная женщина'; 'кокетливый', 'жеманный'; 'красивый', 'прекрасный'; 'сварливый', 'ворчливый' и другие.

Таким образом, лексические особенности целого ряда персидских заимствований в языке крымскотатарской средневековой литературы отличаются от лексических значений, непосредственно, в персидском языке.

ВЫВОДЫ

Из вышеприведенного, можно сделать вывод о том, что язык средневековой крымскотатарской поэзии изобилует большим количеством персидских заимствований. При этом некоторое количество заимствованных однозначных слов употреблялись в том же значении, какое они имели в персидском языке. Иногда отмечались случаи сохранения семантической структуры и многозначных фарсизмов. Полисемантические слова, как правило, заимствуются языком лишь в отдельных лексических значениях, и поэтому, семантика некоторых персидских полисемантических слов в языке крымскотатарских средневековых авторов, ограничилась и конкретизировалась. Следует отметить, что в отличие от современного крымскотатарского языка, в котором значение заимствованных слов значительно сузилось, в языке крымскотатарской средневековой поэзии, слова, как правило, заимствовались со всеми значениями существовавшими в языке-доноре и их семантика была значительно шире. На почве крымскотатарского языка часть персидских заимствований приобретает новые значения и теряет смысловую связь, при сохранении внешних фонетических соответствий. Все вышеперечисленные примеры наглядно демонстрируют глубокое проникновение персидской лексики в язык крымскотатарской средневековой поэзии.

В последующих работах будет сделана попытка классифицировать персидские заимствования согласно сферам употребления.

Список литературы

1. Абдульваап Н., Дружинин С.А. Грезы розового сада: из средневековой крымскотатарской классической поэзии / Н. Абдульваап, С.А. Дружинин. – Симферополь, 1999. – 83с.
2. Булаховский Л.А. О сужении семантики заимствований / Л.А. Булаховский. [Введение в языкознание, ч. 2] – М.: – 1953.
3. Звегинцев В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. – М., 1957. – 126с.
4. Меметов А. Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке / А. Меметов; [автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук]. – Ташкент: Фан, 1974. – 24 с.
5. Юсупов А. Ф. Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта I половины XIX века Шамсет-дина Заки: [дисс. к. филол. н.]. – Казань, 2004. – 226 с.
6. Aşık Ömer / haz. Ş. Elçin. – Ankara: Kültür bakanlığı, 1999. – 123 s. – ISBN 975-17-0073-6. – на турец. яз.
7. Gevheri Divani: Inceleme – Metin – Dizin – Bibliografya/ Gevheri; [hazirlayan] Ş. Elçin – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 1998. – 763s. – ISBN 975-16-1045-1. – на турец. яз.
8. Крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Ашыка Омера [3400 единиц / составитель А. Меметов, Т. Б. Усеинов]. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2010. – 130 с.
9. Большой крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Мустафы Джевхери [4300 единиц / составитель Т. Б. Усеинов, Л. В. Грицак]. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2014. – 192 с.
10. Персидско-русский словарь: В 2-х тт. [Свыше 60000 слов / составитель Рубинчик Ю.А.]. – М.: Русс. яз., 1985.
11. Юсупов А. Ф. Арабо-персидские заимствования в языке татарской поэзии XIX века / А.Ф. Юсупов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2014. – № 12. Ч. 1. – С. 208-210.

**LEXICAL PECULIARITIES OF PERSIAN LOANWORDS IN THE CRIMEAN
TATAR POETRY
OF THE 16TH-18TH CENTURIES**

E.Ya. Emirsale

**Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.
fikturiya@rambler.ru**

Summary. The article is focused on lexicosemantic peculiarities of Persian loanwords in Crimean Tatar poetry of 16th-18th centuries. The author uses the method of comparative analysis to discover the similarities in semantic structure of loan words in donor and Crimean Tatar languages. As a result, the semantic changes of Persian loanwords with its further classification due to the level of its lexical change is given.

The scientific research provides detailed investigation of the Crimean Tatar language evolution (in particular the language of Crimean Tatar Medieval poetry) based on the lexicosemantic meaning of the Persian loanwords material.

The study identifies that Crimean Tatar language of Medieval literature involved a wealth of Persian loanwords. The comparative analysis shows the following facts: few monosemantic words saved its donor language meaning; collected polysemantic Persian loanwords were divided into two categories – with saved meaning and particularized and limited in Crimean Tatar Medieval literature; some loanwords saved only its phonetical structure and form, whilst its meaning accepted the new semantic fields under the influence of Crimean Tatar language.

The findings of the study indicated that the Modern Crimean Tatar language tends to narrow the meaning of the loanwords, whilst the Medieval poetry language borrowed the words with the full semantic inherent in donor language.

The author comes to the following conclusion: Persian loanwords left its significant impact on Crimean Tatar Language of Medieval poetry; selected data illustrates the development of the medieval language and the ways of transformation of the word meaning in Crimean Tatar language.

Key words: Persian loanword, lexicosemantic peculiarities, Crimean Tatar Medieval poetry.

References

1. Abdul'vaap N., Druzhinin S.A. Grezy Rozovogo Sada: iz Srednevekovoi Krymskotatarskoi Klassicheskoi Poezii [Dreams of Rose Garden: from Medieval Crimean Tatar Classical Poetry]. – Simferopol', 1999. 83 p.
2. Bulakhovskii L.A. O Suzhenii Semantiki Zaimstvovaniia [About Semantic Narrowing of Loanwords]. M., 1953. 126 p.
3. Zvegintsev V.A. Semasiologiya [Semasiology]. M., 1957.
4. Memetov A. Persidskie Zaimstvovaniya v Sovremennom Krymskotatarskom Yazyke: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Persian Loanwords in Modern Crimean Tatar Language]. Tashkent: Fan Publ., 1974. 24 p.

5. Yusupov A. F. *Morfologicheskie Osobennosti Yazyka Proizvedenii Sufiiskogo Poeta I Poloviny XIX Veka Shamsset-dina Zaki: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Morphological Peculiarities of the Language of Sufi Poet Shamsset-din Zaki Works of the First Half of the 19th Century]. Kazan', 2004. 226 p.
6. Aşık Ömer / haz. Ş. Elçin. – Ankara: Kültür bakanlığı, 1999. – 123 s. – ISBN 975-17-0073-6. – na turets. yaz.
7. Gevheri Divani: Inceleme – Metin – Dizin – Bibliografya/ Gevheri; [hazirlayan] Ş. Elçin – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 1998. – 763 s.
8. Krymskotarsko-Russkii Slovar' Sillabicheskoi Poezii Ashyka Omera [Crimean Tatar-Russian Dictionary of Ashik Omer Syllabic Poetry]. Simferopol': Krymuchpedgiz Publ., 2010. 130 p.
9. Bol'shoi Krymskotatarsko-Russkii Slovar' Sillabicheskoi Poezii Mustafy Dzhevkhəri [Unabridged Crimean Tatar-Russian Dictionary of Mustafa Javheri Syllabic Poetry]. Simferopol': Krymuchpedgiz Publ., 2014. 192 p.
10. *Persidsko-Russkii Slovar' in Two Volumes* [Persian-Russian Vocabulary in Two Volumes]. M.: Russkii Yazik Publ., 1985.
11. Yusupov A. F. *Arabo-Persidskie Zaimstvovaniya v Yazyke Tatarskoi Poezii XIX Veka* [Arab-Persian Borrowings in Language of the Tatar Poetry of the 19th Century]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki. № 12. Chapter 1.* Tambov: Gramota Publ., 2014. Available at <http://www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/57.html>.

2. ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

УДК 81.42

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «РЕФЕРЕНДУМА В КРЫМУ» В КОММЕНТАРИЯХ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ

Курейко В. В.

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург
e-mail: slavakureiko@gmail.com

Настоящая статья посвящена метафорической репрезентации события «Референдум в Крыму» в русскоязычных и англоязычных комментариях новостных порталов. Целью данной статьи является выявление особенностей и закономерностей метафорической репрезентации события «Референдум в Крыму». В статье поставлен и решен ряд задач: описана теоретическая база исследования метафоричности кризисных периодов с позиции когнитивной лингвистики; представлены данные о метафорических моделях, репрезентирующих событие «Референдум в Крыму», выявлены закономерности и особенности апелляции к метафорическим моделям в зависимости от политической позиции авторов русскоязычных и англоязычных комментариев новостных порталов. В результате анализа было выявлено, что метафорическая модель «Референдум в Крыму – Движение» как в русскоязычных, так и в англоязычных комментариях является основным средством репрезентации данного события. Антропоморфные, криминальные, морбиальные образы, а также образы родства – наиболее востребованы среди русскоязычных комментаторов. Англоязычные комментаторы концептуализируют настоящее событие, в основном посредством спортивных и милитарных метафор. При анализе материалов была выявлена взаимосвязь между политическими взглядами комментаторов и образами, использованными ими для репрезентации события «Референдум в Крыму». Сделан вывод о том, что антагонисты политики лидера России склонны прибегать к пейоративным образам.

Ключевые слова: метафорическая репрезентация, кризис, Референдум в Крыму, событие, комментарии новостных порталов.

ВВЕДЕНИЕ

16 марта 2014г. стало поворотной датой в истории почти всего мирового сообщества. Референдум в Крыму, в результате которого Автономная Республика перешла в состав Российской Федерации повлиял на политические процессы не только Украины и России, но и других стран. Данное событие не могло не привлечь внимание СМИ, которые все чаще прибегают к электронным источникам для передачи новостей. Новостные порталы с возможностью комментирования предоставляют возможность не только получить информацию о последних событиях, но также и выразить свои соображения по поводу новостей.

Комментарии новостных порталов являются ценным объектом исследования, отражающим взгляд простых людей на события в мире и несмотря на то что влияние институциональных дискурсов на картину мира реципиентов велико, нельзя ставить

знак равенства между языковой картиной мира журналистов, политиков, экспертов и картиной мира рядовых граждан. Анализ комментариев новостных порталов является актуальной задачей политической метафорологии.

Как было отмечено А. П. Чудиновым, периоды политической нестабильности, конфликты, резкие перемены приводят к «метафорическим бурям» [13, с. 108], которые характеризуются ростом индекса метафоричности. В современной когнитивной лингвистике, входящей в состав «федерации когнитивных наук» [14, с. 118], метафора представляет собой средство мышления, инструмент категоризации и вербализации окружающего мира, обладающий мощным прагматическим эффектом [12; 18; 19].

Одной из первых работ по изучению метафорики периодов политических изменений является работа Х. де Ландстхеер [15], в которой выявляется взаимосвязь политического кризиса и увеличение количества метафор в период кризиса.

Публикации Дж. Лакоффа по исследованию первой и второй войны в Персидском заливе [18; 19] являются важными для теории когнитивной политической метафоры. В своих трудах ученый выделяет метафоры служащие средством оправдания участия США в военных действиях, а также метафоры, дискредитирующие противника США.

Свой вклад в изучение метафорики политических кризисов внесли отечественные ученые. Так, Н. М. Чудакова, в своей работе показывает, что в период начала 1990-х гг. (распад СССР) природоморфные метафоры были наполнены пейоративными смыслами, в то время как в начале 21 века данные образы начали обретать позитивный характер [10]. Исследование Т. Ю. Быковой [1] показывает, что в период 1930-1953 гг. в советском и американском медийных политических дискурсах, артефактные, природоморфные, милитарные и антропоморфные образы – универсальны, а образы родства, спорта и криминала – вариативны. Ученый А. П. Чудинов проанализировал период президентства Б. Н. Ельцина и пришел к выводу, что он был наполнен метафорами из сфер-доноров «Секс», «Криминал», «Театр», «Монархия» [11; 12].

Метафорический образ Крыма в текстах российских СМИ в период 2014-2016 гг. был изучен Н. А. Сегал. В своем труде исследователь показывает, что переход Республики Крым в состав Российской Федерации «закрепился в системе метафор с интегральными конструктивными семантическими компонентами «дом», «семья», «родина» [7].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В настоящей статье мы обращаем свое внимание на метафорическую репрезентацию события «Референдум в Крыму» в русскоязычных и англоязычных комментариях новостных порталов.

Цель данной статьи – дать характеристику наиболее доминантным метафорическим моделям репрезентирующих событие «Референдум в Крыму» в русскоязычных и англоязычных комментариях новостных порталов.

В ходе исследования было выявлено 208 русскоязычных метафорических единиц (МЕ) и 199 англоязычных МЕ в комментариях 30 англоязычных и 32 русскоязычных новостных порталов по тематике «Референдум в Крыму».

Таблица 1. Метафорические модели, репрезентирующие событие «Референдум в Крыму» в русскоязычных и англоязычных комментариях новостных порталов.

Название метафорической модели	Количественный состав и процентное соотношение от общего числа русскоязычных метафор		Количественный состав и процентное соотношение от общего числа англоязычных метафор	
Человеческий организм	28	13,5 %	8	4 %
Болезнь	8	3,8 %	2	1 %
Движение	82	39,4%	75	37,7 %
Криминал	16	7,7 %	0	0 %

Курейко В. В.

Спорт/игра	19	9,1 %	31	15,6 %
Строительство	0	0 %	6	3 %
Зооморфная	13	6,3 %	14	7 %
Родственные отношения	17	8,2 %	6	3 %
Театр/цирк	17	8,2 %	14	7 %
Военные действия	8	3,8 %	43	21,7 %
Итого	208		199	

Исходя из данных представленных в Таблице 1, мы видим, что было выделено 10 метафорических моделей, репрезентирующих событие «Референдум в Крыму» в русскоязычных и англоязычных комментариях новостных порталов. Основным средством репрезентации как в русскоязычных (82 МЕ/ 39,4%), так и в англоязычных (75 МЕ/ 37,7%) комментариях является метафорическая модель «Референдум в Крыму – движение». Русскоязычные комментаторы более частотно прибегают к антропоморфным, криминальным, морбиальным метафорам, а также к метафорам родства, в то время как англоязычные комментаторы в качестве средства репрезентации события предпочитают апеллировать спортивными и милитарными образами.

Рассмотрим более подробно основные метафорические модели, репрезентирующие событие «Референдум в Крыму» в англоязычных и русскоязычных комментариях новостных порталов.

Метафорическая модель «Референдум в Крыму – движение» является превалирующим инструментом представления данного события. Как в русскоязычных, так и в англоязычных комментариях переход Автономной Республики в состав РФ, в основном, представляется как «возвращение домой» (англ. return), «присоединение» (англ. join) и «воссоединение» (англ. reunion). Ср.:

Спасибо Обама за то, что он оплатил России возвращение Крыма [4].

Воссоединение должно было произойти ещё при распаде СССР, а крымчане 23 года ждали и надеялись, что станут Россиянами. Россия вернула своё, Крым принадлежит ей по праву [5].

The people of Crimea have always been Russian and they voted in overwhelming numbers, by 97%, to return to Russia... [17]. (Люди Крыма всегда были россиянами, и они проголосовали подавляющим большинством, 97%, вернуться к России).

Crimean people wanted to join their homeland... [17]. (Крымчане хотели присоединиться к своей родине...).

Антагонисты вхождения Республики в состав РФ, в русскоязычных и англоязычных комментариях описывают данное событие как аннексия (англ. annexation) и аншлюс. Ср.:

Историки давно изучают аншлюс Австрии, а аншлюс Крыма когда будем изучать? [8].

Does any major nation even recognize Russia's illegal annexation over part of Ukraine? Probably China will be the only one. Russia and China - walking hand-in-hand, brothers in illegally annexing neighboring regions. [22]. (Признает ли хоть одна из крупных стран неправомерную аннексию части Украины? Возможно это будет Китай. Россия и Китай идут рука об руку, братья по неправомерной аннексии соседних регионов).

Второй по частотности апелляции в англоязычных комментариях новостных порталов является метафорическая модель «Референдум в Крыму – военные действия» (43 МЕ (21,7%). В русскоязычных комментариях данная метафорическая модель менее распространена (8 МЕ (3,8%). Такая частотность апелляции в англоязычных комментариях связана с тем, что «Референдум в Крыму» представляется как акт захвата территории, оккупации (англ. occupation) и вторжения (англ. invasion). Ср.:

Putin blatantly violates international law and invades a neighbor to correct what he views as an "historical mistake" ... [20]. (Путин грубо нарушает международный закон и вторгается к своему соседу чтобы исправить то, что он считает «исторической ошибкой» ...).

I disagree with Russia's forceful (and deceitful ..because lets be real they're clearly Russian soldiers from Russia) military occupation/annexation...Crimean's should be able to choose their own fate without any intervention... [21]. (Я не согласен с российской насильственной (и лживым... поскольку давайте будем честны эти люди российские солдаты) военной оккупацией/аннексией... Крымчане должны выбирать свою судьбу сами без вмешательства).

Антропоморфная метафора является второй по частотности апелляции в русскоязычных комментариях новостных порталов. В состав метафорической модели вошло 28 МЕ/ 13,5%, в то время как в англоязычных комментариях было обнаружено всего 8 МЕ/4%. Как русскоязычные, так и англоязычные комментаторы, в основном связывают «Референдум в Крыму» с неправильным функционированием главного управляющего организмом органа – головой (англ. head), а также промывкой мозгов (англ. brainwashing). Необходимо отметить, что антагонисты включения Республики в состав РФ, представляют данное событие как «присоединение голодных ртов». Ср.:

Россия влезла в очередной раз непонятно во что со своими имперскими амбициями...Крым-хорошо...(хотя я там отдыхать никогда не буду...к счастью-не мой уровень),но лишние 2 млн.ртов не очень сытой России не нужны! [2].

Метафоры игры и спорта в англоязычных комментариях новостных порталов являются одними из преобладающих (31 МЕ/ 15,6 %), что в основном связано с представлением данного события как геополитической победы (англ. victory) в шахматной партии между лидером РФ и США. Ср.:

A bloodless victory by Putin. [16]. (Бескровнопролитная победа Путина).

Putin just checked mated Obama [16]. (Путин просто поставил шах и мат Обаме).

В русскоязычных комментариях спортивные метафоры не так частотны, как в англоязычных (19 МЕ/ 9,1%). Зачастую комментаторы описывают «Референдум в Крыму» как победу, но мнение комментаторов разделяется на два лагеря, где одни считают эту победу «оглушительной», «ювелирной», а другие «пирровой». Ср.:

Результаты голосования - оглушительная победа миролюбивых сил. Так скоро и "признание Косово" денонсируют! [3].

По моему геополитическое поражение в этом плане понесла Россия ввязавшись в этот проигрышный для нее конфликт это своего рода пиррова победа которая приведет к изоляции России на международной арене [9].

Метафорическая модель «Референдум в Крыму – криминал» является менее частотной, но выделяющейся на фоне остальных моделей репрезентирующих событие. Данная метафорическая модель представлена только в русскоязычных комментариях новостных порталов. В ее состав вошли всего 16 МЕ / 7,7%. Комментаторы описывают событие как акт кражи, хищения или говоря на языке криминала «отжатие». Ср.:

Демагогия и словоблудие направленное на оправдание откровенного "отжима". И кстати, весьма рекомендую автору проштудировать значение слова легитимный и не использовать его и к месту и не к месту. Юристов и дантистов развелось ...) [6].

Проанализировав материал исследования, мы пришли к выводу, что выбор метафорической модели зависит от политической позиции комментатора, в связи с чем мы, взяв за основу отношение комментаторов к действиям лидера России В. В. Путина, разделили корпусы англоязычных и русскоязычных МЕ.

Таблица 2. Сопоставление количественного и процентного соотношения обращения к метафорическим моделям в зависимости от политической позиции авторов комментариев к русскоязычным новостным порталам.

Название метафорической модели	Количественное и процентное соотношение обращения к метафорическим моделям сторонников В. В. Путина		Количественное и процентное соотношение обращения к метафорическим моделям противников действий В. В. Путина	
	Количество	Процент	Количество	Процент
Человеческий организм	20	15,6 %	8	10,0 %
Болезнь	8	6,3 %	0	0,0 %

Курейко В. В.

Движение	58	45,3 %	24	30,0 %
Криминал	0	0,0 %	16	20,0 %
Спорт/игра	11	8,6 %	8	10,0 %
Зооморфная	9	7,0 %	4	5,0 %
Родственные отношения	13	10,2 %	4	5,0 %
Театр/цирк	9	7,0 %	8	10,0 %
Военные действия	0	0,0 %	8	10,0 %
Итого:	128 / 61,5%		80 / 38,3%	

Исходя из данных представленных в Таблице 2, мы можем сделать вывод, что сторонники и антагонисты политики лидера РФ в русскоязычных комментариях новостных порталов чаще всего апеллируют образами, отнесенными к метафорической модели «Референдум в Крыму – движение». Значительные различия наблюдаются в апелляции противников действий В. В. Путина к метафорам «Криминала» и «Военных действий», а сторонниками внешней политики лидера России к морбиальным метафорам. Стоит отметить, что большинство (136/65,3%) проанализированных метафорических единиц, обнаруженных в русскоязычных комментариях новостных порталов, было причислено к употреблению сторонниками действий В. В. Путина.

Таблица 3. Сопоставление количественного и процентного соотношения обращения к метафорическим моделям в зависимости от политической позиции авторов комментариев к англоязычным новостным порталам.

Название метафорической модели	Количественное и процентное соотношение обращения к метафорическим моделям сторонников действий В. В. Путина	Количественное и процентное соотношение обращения к метафорическим моделям противников действий В. В. Путина

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «РЕФЕРЕНДУМА В КРЫМУ»...

Человеческий организм	0	0,0 %	8	6,8 %
Болезнь	0	0,0 %	2	1,7 %
Движение	32	39,5 %	43	36,4 %
Спорт/игра	27	33,3 %	4	3,4 %
Строительств	4	4,9 %	2	1,7 %
Зооморфная	0	0,0 %	14	11,9 %
Родственные отношения	2	2,5 %	4	3,4 %
Театр/цирк	6	7,4 %	8	6,8 %
Военные действия	10	12,3 %	33	28,0 %
Итого:	81 / 40,7 %		118 / 59,3 %	

Основываясь на данных представленных в Таблице 3, мы можем прийти к выводу, что в англоязычных комментариях новостных порталов как у сторонников, так и у противников действий лидера РФ практически с одинаковой частотой прибегают к образам метафорической модели «Референдум в Крыму – движение». Милитарные образы являются вторыми по частотности апелляции среди противников лидера РФ. Сторонники политики лидера РФ в англоязычных комментариях не прибегают к антропоморфным и зооморфным образам, но метафоры спорта и игры находятся на втором месте по частотности употребления среди сторонников В. В. Путина в англоязычных комментариях. В целом, отмечается наиболее частотная апелляция к метафорам со стороны противников действий президента России (118/59,3%).

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы приходим к выводу, что метафорическая модель «Референдум в Крыму – движение», как в русскоязычных, так и в англоязычных комментариях новостных порталов, является основным средством репрезентации события, вне зависимости от политической позиции автора комментария. В

русскоязычных комментариях наблюдается более частотная апелляция к антропоморфным, криминальным, морбиальным образам, а также к образам метафорической модели «Референдум в Крыму – Родственные отношения», в то время как в англоязычных комментариях прослеживается частотное употребление спортивных и военных образов. Русскоязычные комментаторы, негативно относящиеся к политике лидера РФ, более частотно употребляют криминальные и военные метафоры, в то время как сторонники действий президента России в русскоязычных новостных порталах апеллируют антропоморфными, морбиальными метафорами, а также метафорами родства более частотно по сравнению с антагонистами В. В. Путина. Образы из сфер-источников «Человеческий организм», «Болезнь», «Мир животных» не востребованы у сторонников лидера РФ в англоязычных новостных порталах, в то время как спортивные образы одни из наиболее распространенных. Военные метафоры – вторые по частотности употребления среди англоязычных комментаторов, негативно относящихся к политике лидера России. В целом, в русскоязычных новостных порталах отмечается наиболее частотная апелляция к метафорам, репрезентирующим событие, среди сторонников В. В. Путина, в то время как большая часть выделенных МЕ в англоязычных комментариях была причислена к противникам политики президента России.

Список литературы

- 1 Быкова Т. Ю. Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930-1954 гг.: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014.
- 2 В Госдуме предлагают сделать 18 марта Днем воссоединения России и Крыма [Электронный ресурс] //Новая газета – 2014 – 19 мар. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/news/1679640.html> (Дата обращения: 25.03.2014).
- 3 Генассамблея ООН не признала результаты референдума в Крыму [Электронный ресурс] //Infox – 2014 – 27 мар. – Режим доступа:

- http://www.infox.ru/authority/state/2014/03/27/Gyenassamblyeya_OON_.phtml (Дата обращения: 30.03.2014).
- 4 Константинов назвал кощунством заявления о нелегитимности референдума в Крыму [Электронный ресурс] //Взгляд – 2014 – 17 мар. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/3/17/677386.html> (Дата обращения: 20.03.2014).
 - 5 На концерт в честь воссоединения Крыма с РФ пришли 110 тысяч человек [Электронный ресурс] //РИА новости – 2015 – 18 мар. – Режим доступа: – <http://ria.ru/society/20150318/1053283263.html#ixzz4F40FRj1J> (Дата обращения: 23.03.2015).
 - 6 Ремесло И. Почему Крым – наш: 5 заблуждений об "аннексии" полуострова [Электронный ресурс] //Ремесло И. //РИА новости – 2015 – 16 мар. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20150316/1052836030.html#ixzz4F41qd7v1> (Дата обращения: 19.03.2015).
 - 7 Сегал Н. А. Метафорический образ Крыма в текстах российских СМИ 2014-2016 гг. // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 1 / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др.; [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь: Издательство, 2017. — 382 с.
 - 8 Токарева М. Андрей Макаревич: «Бесов из человека выпустить проще, чем ангелов подселить» [Электронный ресурс] / Токарева М. //Новая газета – 2014 – 21 мар. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/arts/62796.html> (Дата обращения: 25.03.2014).
 - 9 Храмчихин А. Крым – катастрофа с обратным знаком [Электронный ресурс] / Храмчихин А. //Независимое военное обозрение – 2014 – 11 апр. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/wars/2014-04-11/1_crimea.html (Дата обращения: 15.04.2014).
 - 10 Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Чудакова. – Екатеринбург, 2005. – 225 с.

- 11 Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
- 12 Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
- 13 Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.
- 14 Чудинов А. П. Когнитивная наука – когнитивные науки – федерация когнитивных наук (из истории российской когнитивной лингвистики) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №1 (42) С.117-121.
- 15 De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. De Landtsheer // Communicatuon and Cognition. – 1991. – Vol. 24(3/4). – P. 299–342.
- 16 Englund W. Kremlin says Crimea is now officially part of Russia after treaty signing, Putin speech [Электронный ресурс] / Englund W. // Washington Post – 2014 – 18 апр. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/russias-putin-prepares-to-annex-crimea/2014/03/18/933183b2-654e-45ce-920e-4d18c0ffec73_story.html#comments; (Дата обращения: 25.03.2014).
- 17 Kremlin: Crimea Will Not Return to Ukraine [Электронный ресурс] // VOA news – 2015 – 17 vfh. – Режим доступа: <http://www.voanews.com/content/kremlin-crimea-will-not-return-to-ukraine/2683268.html#hash=relatedInfoContainer> (Дата обращения: 20.03.2015).
- 18 Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf [Электронный ресурс] / G. Lakoff. – 1991. – Режим доступа: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/metaphor-and-war-the-metaphor-system-used-to-justify-war-in-the-gulf-lakoff-1991.pdf> (Дата обращения: 29.01.2017).

- 19 Lakoff G. Metaphor and War, Again [Электронный ресурс] / G. Lakoff. – 2003. – Режим доступа: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 (Дата обращения: 29.01.2017).
- 20 Neukirch R. Is Germany a Country of Russia Apologists? [Электронный ресурс] // Der Spiegel – 2014 – 17 мар. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/international/germany/prominent-germans-have-understanding-for-russian-annexation-of-crimea-a-961711.html#spLeserKommentare> (Дата обращения: 01.04.2014).
- 21 Speri A. The Day Crimeans Woke Up in Russia [Электронный ресурс] / Speri A. // Vice News – 2014 – 17 мар. – Режим доступа: <https://news.vice.com/article/the-day-crimeans-woke-up-in-russia> (Дата обращения: 01.04.2015).
- 22 Japan to impose sanctions against Russia over Crimea [Электронный ресурс] // Japan today – 2014 – 18 мар. – Режим доступа: <http://www.japantoday.com/category/politics/view/japan-to-impose-sanctions-against-russia-over-crimea> (Дата обращения: 25.03.2014).

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE “CRIMEAN REFERENDUM” IN THE NEWS-PORTALS COMMENTS

Kureyko V. V.

Summary. In this article, we are dealing with the metaphorical models that represent “Crimean Referendum” in Russian and English comments to the news-portals. The purpose of this research is identification of features and patterns of metaphorical representation of the “Crimean Referendum” event. The article posed and solved a number of objectives: to describe the theoretical basis for the research of metaphors of the political crises from the standpoint of cognitive linguistics; to present data about the metaphorical models that represent the “Crimean Referendum” event. We showed the correlation between the political position of authors and the metaphors they used. The analysis has shown that metaphorical model “Referendum in Crimea – Movement” is the main means of representation of this event both in Russian and English language comments. Anthropomorphic, morbid, criminal metaphors and metaphors of relationships are more frequently used in Russian comments than in English ones. Metaphors of sport and military metaphors are used in English comments for the conceptualization of the event. In the article, we show the importance of role of a political position on appeal to the metaphorical models.

Keywords: metaphorical models, crisis, representation, news-portals comments, Referendum, Crimea.

Referencec

1. Bykova T. Yu. *Metaforicheskiy Obraz SSSR v Sovetskom i Amerikanskom Mediinykh Politicheskikh Diskursakh 1930-1954 gg.* Dis. ... Kand. Filol. Nauk [The Metaphorical Image of the USSR in the Soviet and American Media Political Discourses of 1930-1954]. Ekaterinburg, 2014.
2. *V Gosdume Predlagayut Sdelat' 18 Marta Dnem Vossoedineniya Rossii i Kryma* [The Government Proposed to Make March 18th the Day of Reunion of Russia and Crimea]. *Novaya Gazeta*, 2014. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/news/1679640.html> (accessed 25.03.2014).
3. *Genassambleya OON Ne Priznala Rezul'taty Referenduma v Krymu* [General Assembly of UN Did Not Accept the Results of the Referendum]. *Infox*, 2014. Available at: http://www.infox.ru/authority/state/2014/03/27/Gyenassamblyeya_OON_.phtml (accessed 30.03.2014).
4. *Konstantinov Nazval Koshchunsvom Zayavleniya o Nelegitimnosti Referenduma v Krymu* [Konstantinov Called Blasphemy the Statement about the Illegitimacy of the Referendum in the Crimea]. *Vzglyad*, 2014. Available at: <http://vz.ru/news/2014/3/17/677386.html> (accessed 20.03.2014).
5. *Na Kontsert v Chest' Vossoedineniya Kryma s RF Prishli 110 Tysyach Chelovek* [For a Concert in Honor of the Reunion of the Crimea with Russia Came 110 Thousand People]. *RIA Novosti*, 2015. Available at: <http://ria.ru/society/20150318/1053283263.html#ixzz4F40FRj1J> (accessed 23.03.2015).
6. *Remeslo I. Pochemu Krym – Nash: 5 Zabluzhdenii ob "Anneksii" Poluostrova* [Why Crimea is Ours: 5 Misconceptions about the "Annexation" of the Peninsula]. *RIA Novosti*, 2015. Available at: <http://ria.ru/analytics/20150316/1052836030.html#ixzz4F41qd7v1> (accessed 19.03.2015).
7. *Segal N. A. Metaforicheskiy Obraz Kryma v Tekstakh Rossiiskikh SMI 2014-2016 gg.* [The Metaphorical Image of the Crimea in the Russian Mass Media of 2014-2016].

- Modern Image of the World: Crimean Context. T. V. Arzhantseva, G. Yu. Bogdanovich, S. S. Dikareva et al. Simferopol. 382 p.
8. Tokareva M. Andrei Makarevich: “Besov iz Cheloveka Vypustit' Proshche, Chem Angelov Podselit'” [Andrei Makarevich: “It is much easier to release demons from a person than to let an angel to get into this person”]. Novaya Gazeta, 2014. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/arts/62796.html> (accessed 25.03.2014).
 9. Khramchikhin A. Krym – Katastrofa s Obratnym Znakom [Crimea is a Catastrophe with the Opposite Sign]. Nezavisimoe Voennoe Obozrenie, 2014. Available at: http://nvo.ng.ru/wars/2014-04-11/1_crimea.html (accessed 15.04.2014).
 10. Chudakova N. M. Kontseptual'naya Oblast' “Nezhivaya Priroda” kak Istochnik Metaforicheskoi Ekspansii v Diskurse Rossiiskikh Sredstv Massovoi Informatsii (2000 – 2004 gg.) [The conceptual area "Inanimate Nature" as a Source of Metaphorical Expansion in the Discourse of Russian Mass Media (2000 - 2004).]: Dis. ... Kand. Filol. Nauk. Ekaterinburg, 2005.
 11. Chudinov A. P. Rossiya v Metaforicheskom Zerkale: Kognitivnoe Issledovanie Politicheskoi Metafory (1991 – 2000) [Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p.
 12. Chudinov A. P. Metaforicheskaya Mozaika v Sovremennoi Politicheskoi Kommunikatsii [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Ekaterinburg, 2003. 248 p.
 13. Chudinov A. P. Ocherki po Sovremennoi Politicheskoi Metaforologii: Monografiya [Essays on Modern Political Metaphorology: Monograph]. Ekaterinburg, 2013. 176 p.
 14. Chudinov A. P. Kognitivnaya Nauka – Kognitivnye Nauki – Federatsiya Kognitivnykh Nauk (iz Istorii Rossiiskoi Kognitivnoi Lingvistiki) [Cognitive Science – Cognitive Sciences – the Federation of Cognitive Sciences (from the History of Russian Cognitive Linguistics)]. Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki, 2015, №1 (42), pp. 117-121.
 15. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. De Landtsheer // Communicatuon and Cognition, 1991, Vol. 24(3/4), pp. 299–342.

16. Englund W. Kremlin Says Crimea is Now Officially Part of Russia after Treaty Signing, Putin Speech. Washington Post, 2014. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/russias-putin-prepares-to-annex-crimea/2014/03/18/933183b2-654e-45ce-920e-4d18c0ffec73_story.html#comments; (accessed 25.03.2014).
17. Kremlin: Crimea Will Not Return to Ukraine. VOA News, 2015. Available at: <http://www.voanews.com/content/kremlin-crimea-will-not-return-to-ukraine/2683268.html#hash=relatedInfoContainer> (accessed 20.03.2015).
18. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf 1991. Available at: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/metaphor-and-war-the-metaphor-system-used-to-justify-war-in-the-gulf-lakoff-1991.pdf> (accessed 29.01.2017).
19. Lakoff G. Metaphor and War, Again. 2003. Available at: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 (accessed 29.01.2017).
20. Neukirch R. Is Germany a Country of Russia Apologists? Der Spiegel, 2014. Available at: <http://www.spiegel.de/international/germany/prominent-germans-have-understanding-for-russian-annexation-of-crimea-a-961711.html#spLeserKommentare> (accessed 01.04.2014).
21. Speri A. The Day Crimeans Woke Up in Russia . Vice News, 2014. Available at: <https://news.vice.com/article/the-day-crimeans-woke-up-in-russia> (accessed 01.04.2015).
22. Japan to Impose Sanctions Against Russia over Crimea. Japan Today, 2014. Available at: <http://www.japantoday.com/category/politics/view/japan-to-impose-sanctions-against-russia-over-crimea> (accessed 25.03.2014).

УДК 811.161.1'373

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сегал Н. А.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
e-mail: Natasha-segal@mail.ru

В статье проводится комплексное описание отечественных и зарубежных научных работ XX-XXI вв., посвященных изучению метафорических моделей как объекта лингвистических исследований. Подчеркивается необходимость систематизации теоретических положений метафорического моделирования с опорой на ключевые отечественные и зарубежные исследования. Выявляются и характеризуются различные научные методики и подходы, интерпретирующие метафорические модели с семантической, грамматической и прагматической позиций с учетом особенностей их функционирования в контекстах различной направленности, что обусловлено ключевой для когнитивной метафоры функцией воздействия на адресата. В работе утверждается, что метафорическое моделирование, имеющее широкий арсенал языковых средств и организующее картину мира каждого отдельного человека и общества в целом представляется сегодня значимым способом концептуализации действительности. Ценность метафорических моделей в современной коммуникации обусловлена тем, что на восприятие мира человеком значительное влияние оказывает встроенный в сознание концептуальный каркас, включающий различные способы отражения мира. Комплексное описание метафорических моделей в границах различных научных подходов, выявление сходств и различий в их интерпретации позволит наиболее полно охарактеризовать особенности современной языковой картины мира.

Ключевые слова: лингвистическая модель, метафорическая модель, фрейм, языковая картина мира, коммуникативно-прагматическая парадигма.

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивно-прагматическая парадигма научных знаний, формирующая ценностные установки адресата текста, предопределяет возникновение новых и переосмысление старых объектов исследования. Так, одним из наиболее значимых способов концептуализации действительности является метафорическое моделирование, имеющее широкий арсенал языковых средств и организующее картину мира каждого отдельного человека и общества в целом. Ценность метафорических моделей в современной коммуникации обусловлена тем, что на восприятие мира человеком значительное влияние оказывает встроенный в сознание концептуальный каркас, включающий различные способы отражения мира.

Целью предлагаемой статьи является комплексное описание метафорических моделей в границах различных научных подходов, выявление сходств и различий в их интерпретации.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Активизация научных исследований, посвященных изучению метафорических моделей как в теоретическом аспекте, так и с позиции их функционирования, приходится на вторую половину XX века и связана с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики. **Актуальность предлагаемой статьи** определяется необходимостью систематизации теоретических положений метафорического моделирования с опорой на отечественные и зарубежные исследования. Несмотря на кажущуюся новизну терминологического сочетания «метафорическое моделирование», истоки метафорических моделей кроются еще в античной риторике. Ю. В. Рождественский полагает, что начало моделирования как метода «изображения» представления предмета можно искать в диалоге Платона «Кратил», поскольку именно принцип моделирования позволяет разрешить спор между Кратилом и Гермогеном: «...модель всегда отражает сущность вещи, потому что она тождественна вещи» [12, с. 71]. Определяя специфику формирования и реализации моделей, А. А. Леонтьев подчеркивает, что моделирование того или иного объекта предполагает «конструирование другого – реального или воображаемого – объекта, изоморфного данному в каких-то существенных признаках» [9, с. 41]. Точку зрения психолога можно экстраполировать и на лингвистику, выявив наиболее существенные признаки реализации метафорической модели в тексте.

В научный аппарат термин «лингвистическая модель» был введен представителями структурной лингвистики, однако широкого применения достиг в 60-70 гг. XX века с возникновением математической лингвистики. Как отмечают исследователи, современное содержание термина «модель» ранее в значительной степени было реализовано Л. Ельмслевым в термине «теория». Однако в современном лингвистическом терминологическом аппарате подобная аналогия не принимается в полной мере. Так, в работах Ю. Д. Апресяна подчеркивается, что наименования **модель** заслуживает лишь такая теория, которая достаточно эксплицитно изложена и в

достаточной степени формализована [1]. Целевая направленность модели как элемента терминологического аппарата лингвистики и ее широкий прагматический потенциал привели к активизации использования данного термина в современных научных исследованиях.

Как показал анализ научной литературы, в основе метафорического моделирования лежат когнитивные модели, которые являются одним из ключевых объектов современной когнитивной лингвистики. Преимущества когнитивного подхода к исследованию процессов метафоризации, по убеждению исследователей, заключаются в выходе за пределы собственно языкового значения. Именно данный подход является ключевым при описании и анализе метафорических моделей, являющихся основой формирования языковой картины мира. В отечественной лингвистике рубежа XX-XXI вв. термин «метафорическая модель» глубоко и полно описывается представителями Екатеринбургской школы политической лингвистики (руководитель – проф. А. П. Чудинов). А. П. Чудинов утверждает, что метафорические модели необходимо рассматривать непосредственно в сфере их реализации, с учетом их взаимосвязей и взаимообусловленности, особенностей условий их возникновения и функционирования, авторских интенций и прагматических характеристик. Таким образом, метафорическая модель представляется как часть национальной языковой картины мира, тесно связанной с историей народа и (что наиболее ценно) социально-политической ситуацией. А. Н. Баранов определяет термин «метафорическая модель» (М-модель) как «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов» [3].

Несмотря на кажущееся сходство в интерпретации метафорических моделей и их функционально-прагматического потенциала, в современной лингвистике не существует единого мнения по многим вопросам, связанным с метафорическим моделированием. Так, например, дискуссионной является структура метафорической модели, которая описывается с семантической и грамматической позиций. Приведем наиболее убедительные, на наш взгляд, точки зрения, представляющие каждую из позиций. В структуре метафорической модели согласно семантическому описанию В. Н. Телия выделяет три составляющих: 1) основание метафоры как мысль о мире

(предмете, событии, свойстве и т.п.); 2) образное представление о вспомогательной сущности, которое актуализируется в части метафоры, соизмеримой с формирующейся мыслью о мире как по содержанию, так и по подобию; 3) само значение переосмысляемого при посредстве метафоризации наименования [14, с. 185–186]. При описании структуры метафорической модели Н. П. Тропина акцентирует внимание не столько на семантическом, сколько на грамматическом соответствии сферы-донора и сферы-реципиента. С опорой на форму и содержание метафорической модели лингвист выделяет в ней пять компонентов: 1) предельно обобщенную идеографическую отнесенность мотивирующего и мотивированного значений; 2) лексико-тематическую и лексико-грамматическую отнесенность мотивирующего и мотивированного значений; 3) лексическое наполнение мотивирующего и мотивированного значений; 4) содержательную характеристику семантических формантов; 5) формальную характеристику семантических формантов [15, с. 123]. Анализируя динамику словарного состава языка 1970 – 1980-х гг., Л. А. Кудрявцева выделяет следующие модели метафоризации: 1) метафоризация с актуализацией скрытой периферийной семы (мена архисемы + актуализация скрытой периферийной семы, ее переход в ядерную); 2) метафоризация с актуализацией семы 'внешний признак' (мена архисемы + новые дифференциальные семы + актуализация семы 'внешний признак'); 3) функциональная метафоризация (мена архисемы + актуализация функциональной дифференциальной семы – эксплицитной или имплицитной); 4) ассоциативная метафоризация (мена архисемы + актуализация ассоциативного признака + новые дифференциальные семы) [7, с. 103–122]. Подобная дифференциация учитывает особенности семного варьирования и имеет в своей основе не только денотативные, но и коннотативные, прагматические признаки, реализованные именно в контексте.

Такое разнообразие точек зрения и неоднородность аргументов, на наш взгляд, свидетельствует не о субъективности в анализе того или иного исследователя, а о широте интерпретации метафорических моделей и различных аспектах их изучения. Анализ научной литературы, посвященной описанию метафорических моделей на основе актуального сегодня материала (масс-медийных текстов, политических

документов, языка рекламы и др.), позволяет прийти к выводу о ведущей роли описания метафорических моделей через фреймово-слотовые структуры. Несмотря на то, что термин «фрейм» благодаря известным работам М. Минского и Ч. Филлмора вошел в лингвистический терминологический аппарат достаточно давно [см. 16; 19], наиболее активно метафорические модели на основе фреймово-слотовых структур стали рассматриваться только в последние 20 лет.

В современных лингвистических исследованиях понятие фрейма является объемным и многозначным. Исследователи приходят к выводу, что язык фреймов удобен для описания процессов метафоризации именно потому, что это типичный метаязык представления знаний, который не делает различий между лингвистической и экстралингвистической информацией. Характеризуя фреймы, О. М. Соколов отмечает, что основой для построения фреймов в лингвистическом исследовании являются «причинно-следственные отношения, определяющие сюжет сцены» [13, с. 129]. Исследователь подчеркивает, что «в языковом плане можно также выделить некоторый каркас, на который монтируются отдельные фрагменты, они в конечном итоге складываются в некоторую систематизированную последовательность событий. Другой особенностью фрейма является динамичность, которая в лингвистическом плане обеспечивается предикативностью» [Там же]. Согласно положениям С. А. Жаботинской, фрейм как концептуальная структура предполагает возможность его преобразования в сценарий при переходе в динамичное состояние, когда терминальные узлы и слоты функционируют в действии [4]. Понимая метафорическую модель как сложное образование, имеющее фреймово-слотовую структуру, А. П. Чудинов выделяет в ней исходную понятийную область, новую понятийную область, типовые для данной модели сценарии, относящиеся к данной модели фреймы, составляющие каждый фрейм типовые слоты, компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [17, с. 41–45]. Именно это определение, как правило, лежит в основе понимания метафорической модели при ее исследовании в масс-медийных текстах, что обусловлено четкой структуризацией данного термина и возможностью его экстраполирования на объекты современной коммуникации.

ВЫВОДЫ

Таким образом, многообразие работ и подходов, сложность и глубина исследуемого термина позволяют говорить и о вариативности в его толковании. Интерпретации *метафорической модели* с семантической и грамматической точек зрения дополняются интерпретациями с прагматической (или коммуникативно-прагматической) позиции, что обусловлено ключевой для когнитивной метафоры функцией воздействия на адресата. Выбор метафорической модели, с одной стороны, зависит от прагматических установок автора текста, с другой, – от его умения преподнести языковой материал, с третьей, – от степени подготовки аудитории. Комплексное исследование метафорических моделей позволит наиболее глубоко и полно охарактеризовать особенности современной языковой картины мира и наметить тенденции ее изменения.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики [Текст] / Ю. Д. Апресян. – Изд. 2-е. – Москва : Просвещение, 1966. – 301 с.
2. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических [Текст] / А. Н. Баранов. // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 73–94.
3. Баранов, А. Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор [Текст] / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – 3-е изд., доп. – Москва : Высш. шк., 1994. – 330 с.
4. Жаботинская, С. А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка) [Текст]: автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / С. А. Жаботинская. – Москва, 1992 – 216 с.
5. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование [Текст] / А. А. Залевская. – Изд. 2-е. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 206 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова [и др.] ; // отв. ред. Е. С. Кубрякова. – Москва : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

7. Кудрявцева, Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка [Текст] / Л. А.Кудрявцева. – Изд. 2-е. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. – 359 с.
8. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – Изд. 2-е. – Москва :Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
9. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности [Текст] / А. А.Леонтьев. –Изд. 5-е.– Москва : Просвящение, 1965. – 244 с.
10. *Лингвистический энциклопедический словарь* [Текст] /В. Н. Ярцева[и др.]// отв. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Просвящение. 2002. – 303 с.
11. Мишанкина, Н. А. *Метафорические модели лингвистического дискурса*[Текст] /Н. А. Мишанкина // Вестник. ТГУ. Серия «Филология». – 2009. – № 324. – С. 41–49.
12. Рождественский, Ю. В. Общая филология[Текст] /Ю. В.Рождественский. – Изд. 2-е. – Москва : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 220 с.
13. Соколов, О. М., Пионтковская Т. А. Система лингвистических конструкторов, формирующих фреймы на глагольно-предикативной основе [Текст] / О. М. Соколов, Т. А.Пионтковская// Системные исследования. Ежегодник. – Москва : Алтайский госуд. ун-т., 1991. –С.124–141.
14. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст]/В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – Москва : Наука, 1988. – С. 173–190.
15. Тропина, Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование [Текст]/Н. П. Тропина. –Изд. 2-е. – Херсон : Изд. ХГУ, 2003. – 336 с.
16. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания[Текст]/ Ч.Филлмор. // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – Москва.– С. 52–93.
17. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) [Текст]/ А. П.Чудинов – Изд. 2-е. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

18. Lakoff G., Johnson M. Les Métaphores dans la vie quotidienne [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Paris, 1985.
19. Minsky M. A. A framework for representing knowledge [Text] / M. A. Minsk // Frame conceptions and text understanding. – B., 1980. – P. 1–25.

METAPHORICAL MODELS AS AN OBJECT OF MODERN LINGUISTIC

RESEARCH

Segal N. A.

Summary. The article provides a comprehensive description of the Russian and foreign scientific works of the 20th – 21st centuries devoted to the study of metaphorical models as an object of linguistic research. Various scientific methods and approaches that interpret metaphorical models from the semantic, grammatical and pragmatic positions are identified and characterized taking into account the features of their functioning in contexts of different directions. Such a comprehensive study of metaphorical models will make it possible to characterize the features of the modern language picture of the world most fully, since the metaphor occupies a dominant place in the system of figurative means. Despite a large number of works by Russian and foreign researchers, devoted to the study of metaphor and metaphorical models, there are no monographic studies devoted to revealing the specifics of their functioning in media texts. Therefore a special place in the work is given to metaphorical modeling in mass-media texts, which seems to be one of the main ways of influencing the addressee. It is metaphorical modeling in media texts of social and political orientation that can cause readers certain associations and become the basis for political or economical preferences.

Keywords: linguistic model, metaphoric model, frame, language picture of the world, communicative-pragmatic paradigm.

References

1. Apresyan Yu. D. *Idei i Metody Sovremennoi Strukturnoi Lingvistiki* [Ideas and Methods of Modern Structural Linguistics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1966. 301 p.
2. Baranov A. N. *O Tipakh Sochetaemosti Metaforicheskikh Modelei* [On the Types of Metaphorical Models Compatibility]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1994, no 2, pp. 73–94.
3. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Slovar' Russkikh Politicheskikh Metafor* [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1994. 330 p.
4. Zhabotinskaya S. A. *Kognitivnye i Nominativnye Aspekty Klassa Chislitel'nykh (na Materiale Sovremennogo Angliiskogo Yazyka): Avtoref. Dis. ... Dokt. Filol. Nauk* [Nominative and Cognitive Aspects of the Class of Numerals (on the Material of Modern English Language). Thesis]. Moscow, 1992. 216 p.
5. Zalevskaya A. A. *Slovo v Leksikone Cheloveka: Psikholingvisticheskoe Issledovanie* [A Word in the Human Lexicon: a Psycholinguistic Study]. Voronezh: Voronezh State University Publ. House, 1990. 206 p.

6. *Kratkii Slovar' Kognitivnykh Terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Ed. by S. Kubryakova. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University Publ., 1996. 245 p.
7. Kudryavtseva L. A. *Modelirovanie Dinamiki Slovarnogo Sostava Yazyka* [Modeling the Dynamics of the Vocabulary of the Language]. Novosibirsk: NSU Publishing House, 1993. 359 p.
8. Lakoff Dzh. *Zhenshchiny, Ogon' i Opasnye Veshchi: Chto Kategorii Yazyka Govoryat nam o Myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things: What Categories of Language Tell us about Thinking]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 792 p.
9. Leont'ev A. A. *Slovo v Rechevoy Deyatel'nosti. Nekotorye Problemy Obshchei Teorii Rechevoy Deyatel'nosti* [A Word in Speech Activity. Some Problems of the General Theory of Speech Activity]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1965. 244 p.
10. *Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2002. 303p.
11. Mishankina N. A. *Metaforicheskie Modeli Lingvisticheskogo Diskursa* [Metaphorical Models of Linguistic Discourse]. *Vestnik TSU. Series Philology*. 2009, no 324, pp. 41–49.
12. Rozhdestvenskii Yu. V. *Obshchaya Filologiya* [General Philology]. Moscow: New Millennium Fund, 1996. 220 p.
13. Sokolov O. M., Piontkovskaya T. A. *Sistema Lingvisticheskikh Konstruktov, Formiruyushchikh Freymy na Glagol'no-Predikativnoi Osnove* [A System of Linguistic Constructs Forming Frames on a Verb-Predicative Basis]. *Sistemnye Issledovaniya Annual*. Moscow: Altai State University, 1991. pp.124–141.
14. Teliya V. N. *Metaforizatsiya i ee Rol' v Sozdanii Yazykovoï Kartiny Mira* [Metaphorization and its Role in Creating a Linguistic Picture of the World]. *Rol' Chelovecheskogo Faktora v Yazyke*. Moscow: Science Publ., 1988. pp. 173–190.
15. Tropina N. P. *Semanticheskaya Derivatsiya: Mul'tiparadigmal'noe Issledovanie* [Semantic Derivation: a Multi-Paradigm Study]. Kherson: Kherson State University Publ. 2003. 336 p.

16. Fillmor Ch. *Freimy i Semantika Ponimaniya* [Frames and Semantics of Understanding]. *Novoe v Zarubezhnoi Lingvistike*, 1988, no 23. pp. 52–93.
17. Chudinov A. P. *Rossiya v Metaforicheskom Zerkale: Kognitivnoe Issledovanie Politicheskoi Metafory (1991—2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p.
18. Lakoff G., Johnson M. *Les Métaphores dans la Vie Quotidienne*. Paris, 1985.
19. Minsky M. A. A Framework for Representing Knowledge. *Frame Conceptions and Text Understanding*. 1980. pp. 1–25.

УДК 81-373.611

КОНТАМИНИРОВАННЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА

Чепурина И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
e-mail: simgt@inbox.ru

В статье анализируются контаминированные новообразования лексического уровня, выделенные из разговорной, преимущественно городской речи жителей Крыма последних двух лет (2016–2017 гг.). Ставится задача исследовать контаминированное слово как результат лингвальной креативности, а именно подсознательного, нецеленаправленного речевого акта.

Проведена тематическая, частеречная, структурная и семантическая классификация контаминантов, выявлена их синтаксическая природа. Установлено, что в качестве контаминационной базы композитов могут выступать: синтагмы различного типа; сочетания нескольких слов, не представляющих собой синтагму; сочетания двух слов с отношениями взаимосогласования. Среди дериватов синтагматичной природы выделены лексемы, отличающиеся значительной степенью идиоматичности, что выявляет тенденцию к усилению их семантической ёмкости. Это позволяет рассматривать контаминацию как эффективный способ компрессии когнитивной информации в рамках одной лексемы. Показано, что компрессии могут подвергаться разные по информационному объёму высказывания – от двусловных до микротекста.

Выделены ряды однокоренных и одноструктурных контаминированных лексем, на базе которых могут создаваться новые форманты. Автор приходит к выводу, что в спонтанной разговорной речи жителей Крыма контаминированные производные выполняют прежде всего номинативную функцию, реже – экспрессивно-эмоциональную и экспрессивно-оценочную функции. В статье продемонстрирована автономность контаминации как способа словообразования, которым крымские жители владеют и активно пользуются в повседневном общении.

Ключевые слова: контаминация, контаминант, способ словообразования, словотворчество, спонтанная речь жителей Крыма.

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX – начало XXI века характеризуется активизацией деривационных процессов, обилием новообразований, в частности контаминированных. Из активного источника создания неологических терминов и авторских неологизмов контаминированные производные превращаются в активно действующий способ компрессивного словообразования (см. работы: Н. А. Лавровой, Н. А. Николиной, Л. И. Плотниковой, Л. В. Рацибурской, Н. Д. Цыгановой, О. А. Хрущевой, Ю. Н. Шаталовой, О. В. Шашковой и др.).

Распространение контаминированных производных и исследовательский интерес к ним соответствуют основным принципам современной научно-культурной

парадигмы [5, с. 7]. В их русле существует необходимость исследования взаимодействия человека и его языка как живой речетворческой деятельности. Поэтому изучение контаминации «требуется обязательного выхода в творческую деятельность человека в языке, которая во многом опирается на способность человеческого сознания интегрировать разнородные концептуальные сущности в новые гибкие образования» [4, с. 11]. При этом внимание сосредоточивается на роли каждодневного языкового творчества, на соотношении индивидуального и социального в построении картины мира, на степени проявления лингвокреативности в различных дискурсивных практиках, в том числе в разговорном дискурсе современного города [См.: 8; 11].

В лингвистике контаминацией называют разные виды взаимодействия близких по значению, структуре, ассоциативно или функционально языковых единиц или их частей, приводящего к семантическому или формальному изменению этих единиц, а также к образованию на их базе нового слова или выражения, называемого контаминантом [1, с. 206]. Отмечается, что понимание контаминации распространяется на наложение или скрещивание лексических или фразеологических единиц, морфологических парадигм и синтаксических конструкций [6, с. 238]. Настоящая статья посвящена словообразовательной контаминации.

В отечественной лингвистике проблема контаминации зарождается в середине XX века. Известно, что на этот окказиональный способ словообразования одной из первых обратила внимание Н. А. Янко-Триницкая, выделившая его в качестве специфического явления словообразования, при котором затруднено линейное членение слова и затемнено его морфологическое строение. В качестве важного признака формальной стороны контаминанта Н. А. Янко-Триницкая отметила компрессию языковых единиц, от которых он образован, достигаемую за счёт того, что при контаминации происходит «проникновение компонентов одной единицы языка в другую... с непременным вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [14, с. 258].

В конце XX – начале XXI века словообразовательная контаминация и контаминационные единицы, «ввиду их смелой структуры, загадочного значения и

экспрессивной функции в языке» [12, с. 404], стали предметом внимания многих отечественных исследователей. Среди них: В. П. Григорьев, К. Л. Егорова, Л. Г. фанова, А. Ф. Журавлёв, Е. А. Земская, В. П. Изотов, Н. А. Лаврова, М. С. Малеева, Н. А. Николина, В. В. Панюшкин, В. З. Санников, И. С. Торопцев, Н. Д. Цыганова, О. В. Шашкова и другие учёные.

В современном русском языкознании существуют разногласия в понимании сущности данного лингвистического явления, и, как следствие, контаминация получила различные наименования: «словослияние», «вставочное словообразование», «вставочное словослияние», «телескопическое словообразование», «скорнение», «блендинг» (в англоязычной терминологии) и, наконец, «контаминация». Последний термин наиболее широко распространён.

Пестрота наименований исследуемого явления отражает его различные интерпретации в системе способов словопроизводства. Контаминацию чаще относят к аббревиации (Н. С. Валгина, Т. А. Гридина, Е. А. Дюжикова, Е. С. Кубрякова), отождествляют со словосложением (К. Сунден, Е. И. Чаадаевская, Н. М. Шанский) или выделяют как самостоятельный способ словообразования (М. У. Калниязов, Н. А. Лаврова, М. С. Малеева, Н. А. Николина, Н. А. Янко-Триницкая).

Ряд лингвистов (Е. А. Земская, М. У. Калниязов, Н. А. Янко-Триницкая), выделяя контаминацию как самостоятельный способ словообразования, разграничивают и противопоставляют междусловное наложение и собственно контаминацию. Приём междусловного наложения состоит в том, что «слова накладываются, наезжают друг на друга, конец одного является началом другого» [3, с. 191]. Ср.: *каламбурильщики* (каламбур + бурильщики), *треплика* (трёп (трепаться) + реплика). При собственно контаминации часть одного слова не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма [Там же]. Например: *профанакторий* (профанация + профилакторий).

По замечанию Н. А. Николиной, междусловное наложение целесообразно рассматривать как частную разновидность контаминации, связанную с таким морфонологическим явлением, как аппликация [7, с. 350]. Мы также придерживаемся широкого понимания словообразовательной контаминации как процесса,

включающего в себя междусловное наложение и собственно контаминацию на том основании, что и в первом, и во втором случаях происходит соединение не только каких-либо фрагментов разных слов, но и слияние их значений (см. такое же понимание термина: А. Ф. Журавлёв, В. З. Санников, В. П. Изотов, В. В. Панюшкин).

Теоретической разработанностью отличаются структурные типы контаминационных образований (см. работы В. В. Изотова, Н. А. Николиной, И. В. Пекарской, О. А. Шишкарёвой и др.). Явление контаминации на примере современного английского и немецкого языков стало предметом научных изысканий XXI века (см. работы А. А. Де Болт, А. Н. Жуковой, Н. А. Лавровой, Л. А. Митрофановой, О. А. Надькиной, О. А. Хрущёвой).

Существенным положением следует признать утверждение о том, что образцы некоторых контаминированных образований закрепляются в современном русском языке как словообразовательные модели. Например, *рейганомика*, *гайдарономика*, *путиномика*; *Кремльгейт*, *ЮАРгейт*, *Дискогейт* и т.д. На базе рядов этих производных слов формируются новые форманты. Это позволяет трактовать контаминацию как способ номинации [7, с. 352–354].

В теоретических изысканиях широко представлен аспект употребления контаминантов в различных типах дискурса, что иллюстрирует сферу функционирования данных единиц. Так, предметом анализа становится употребление контаминированных образований в художественной речи (Б. Н. Гаджимурадова, Н. А. Николина, Л. И. Плотникова), в публицистическом стиле (Л. И. Плотникова, О. А. Шишкарёва, Е. Я. Шмелёва), в интернет-коммуникации (Н. Д. Цыганова, Е. Я. Шмелёва), в рекламных текстах, занимающих первое место по использованию гибридных слов (Е. О. Матвеева, Р. З. Мурясов, Д. Д. Каштанова). Широкое употребление контаминированных слов в медиадискурсе XXI века и активный исследовательский интерес к ним обуславливается «доминированием свободы выбора лингвистического репертуара и индивидуализацией речи с их направленностью на деформацию семантических и словообразовательных норм» [11, с. 128–129]. Значительно реже контаминация анализируется в разговорной речи (Н. Д. Цыганова, О. В. Шашкова).

Особенности функционирования контаминантов в текстах разных стилей в последнее десятилетие исследуются не только с позиций традиционного, словообразовательного, но и, всё активнее, в русле ономаσιологического и коммуникативно-когнитивного подходов. Появление нового слова рассматривается как результат сложного взаимодействия механизмов категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний (см. работы Л. С. Абросимовой, Н. А. Лавровой, Л. И. Плотниковой, Н. Д. Цыгановой, Н. А. Шток).

Таким образом, в конце XX – начале XXI века контаминация как способ словообразования получила существенную теоретическую базу, что свидетельствует о растущем интересе современной лингвистики к контаминированным производным.

В качестве ведущего тезиса для исследования мы принимаем утверждение о том, что сегодня контаминация из периферийного приёма создания окказионализмов постепенно превращается в активно действующий способ компрессивного словообразования, отражающий номинативную деятельность человека [7, с. 353–354].

Цель исследования – выявить специфику контаминированных лексем с точки зрения их тематической отнесённости, структурной организации, частеречной принадлежности и синтаксической природы в разговорном типе устной речи жителей Крыма последних двух лет (2016–2017 гг.).

Фактологическим материалом послужила картотека кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии Крымского федерального университета – услышанные и зафиксированные коллегами и студентами высказывания и реплики диалогов крымчан в спонтанном речевом общении. В этот корпус вошла речь носителей языка разного образовательного, интеллектуального и социального статуса, но «образующих в своём единстве то сообщество, для которого характерны близость “языкового микроклимата” и общее отношение к литературному языку (стандарту)» [Цит. по: 8, с. 47]. Основу корпуса составили

разговорные единицы жителей культурных центров Крыма – Симферополя, Севастополя, Евпатории.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В настоящей статье мы исследуем творческое начало жителей Крыма, прежде всего неосознанное словотворчество, проявляющееся в разговорном дискурсе, поскольку в той или иной степени оно свойственно каждому носителю языка. При этом нас интересуют неофициальная коммуникация как спонтанный, непреднамеренный, сиюминутный акт общения, когда процессы порождения и восприятия речи практически одномоментны, а также условия употребления контаминированной единицы в речи, т. е. её прагматические характеристики. В речевой ситуации актуализируются «языковые формы и значения, используемые для выражения конкретных мыслей, волеизъявлений и чувств в соответствии с целями и условиями общения, темой и содержанием беседы, дискуссии и любой иной формы диалога» [2, с. 329]. Условия функционирования живой речи, её спонтанность и нефиксированность, разнообразие социальных контактов в городской среде создают свободное пространство для языкового эксперимента в городском речевом обиходе [10, с. 103].

Мы проанализировали более 100 единиц, которые исследуются с точки зрения: а) тематической отнесённости; б) структурной организации; в) частеречной принадлежности; г) синтаксической природы.

Словотворчество на уровне словообразовательной контаминации отражает и интерпретирует воспринимаемый мир посредством экспликации наиболее значимых для человека смыслов. Эти смыслы выявляются через тематическую классификацию исследуемых единиц. Контаминанты нашего языкового материала пополняют следующие тематические группы: «наименования лица»: *вракула* (врать + Дракула), *хихидна* (хихикать + ехидна), *бомжуан* (бомж + донжуан); «внешность человека»: *бровикюр* (брови + маникюр), *рукти* (руки + ногти), *космополитен* (космы + «Космополитен» («Cosmopolitan»); «свойства, качества человека»: *шарминка* (шарм + изюминка); «природный мир»: *мальвинник* (мальва + малинник), *грибарий* (грибы

+ гербарий), *бультозавр* (бультерьер + динозавр); «топонимы Крыма»: *Мадагаскрым* (Мадагаскар + Крым), *Аджипариж* (Аджимушкой + Париж), *Троллица* (Троллейбусная + улица); «предметы одежды, быта»: *шапенгаген* (шапка + Копенгаген), *мультизор* (мультфильмы + телевизор), *аймобила* (айфон + мобила); «особенности быта»: *штрудень* (штрудель + день); *убирайничать* (убирать + хозяйничать); «интеллектуальное и психическое состояние, отношение»: *мозгаика* (мозг + мозаика), *сейчасье* (сейчас + счастье), *прекрасноятие* (прекрасное + восприятие); «этикет»: *селямствуйте* (селям + здравствуйте); «городские реалии»: *грязовик* (грязь + грузовик), *бурситет* (бурса + университет), *сэкондхолка* (сэконд-хэнд + барахолка); «продукты питания»: *шаурмяу* (шаурма + мяу), *свёклунда* (свёкла + ерунда), *хлебобулочный* (хлебобулочный + бублики), *запиханка* (запеканка + запихивать); «физическое положение человека»: *облокереться* (облокотиться + опереться); «воздействие на человека»: *побудействовать* (побуждать + действовать).

Тематическая палитра исследуемых композитов свидетельствует о том, что любое явление действительности, воспринятое через призму индивидуального мировоззрения, может стать источником словотворчества. Самые многочисленные группы – «наименования лица», «природный мир», что свидетельствует об их коммуникативной значимости для носителей языка – крымчан. В речевом общении в контаминированных наименованиях лица закрепляются такие характеристики, как имя лица, занятие, внешность, профессия, увлечение человека и т. д., а также оценочное и/или эмоциональное отношение к нему. Например, *любиляр* (любимый юбиляр + тёплое, родственное отношение к нему) – преподаватель вуза, торопясь домой, в разговоре с коллегами так назвал жену-юбиляра, чей день рождения отмечался накануне. Ср. также *бледнасть* (бледная Настя + сочувствие), *тупеец* (тупой путеец + негативное отношение). В контаминированных производных, называющих природный мир, закрепляются его внешние проявления, вызывающие положительные эмоции, например *лунарь* (яркая, как фонарь, красивая луна), или, наоборот, отрицательные эмоции, неприятные ощущения, впечатления (от холода и льда: *холёдно* (холодно + лёд); от тумана и темноты: *тумань* (туман + темень) и т. д.).

Анализируемые дериваты представляют различные структурные группы:

1. Контаминанты, в которых сочетаются основа первого слова и усечённая часть второго: *шарминка* (шарм + изюминка), *крысавица* (крыса + красавица), *книголичница* (книга + единоличница).

2. Контаминанты, в которых сочетаются усечённая часть первого слова и целое второе слово: *аймобила* (айфон + мобила), *любияр* (любимая + юбиляр), *Мадагаскрым* (Мадагаскар + Крым).

3. Контаминанты, в которых объединяются усечённые части обоих слов: *челикобактер* (человек + хеликобактер), *мокрышель* (мокрый + кашель), *кроссотка* (кроссовер + красотка) и др.

4. Контаминанты, в которых основа одного слова вклинивается в середину другого слова: *прилапновение* (основа существительного *лапы* вставляется в существительное *прикосновение*), *замечтательно* (основа глагола *мечтать* – в наречие *замечательно*); *холёдно* (основа существительного *лёд* – в наречие *холодно*).

5. Контаминанты, в которых сочетаются заимствованное слово и усечённое русское слово. Например (обращение мужчины-татарина в магазине): «*Селямствуйте, мне молока и пол-литра кефира*» (*селямствуйте*: *селям* + усечённое *здравствуйте*). Такое новообразование – региональная специфика многонационального Крыма.

В качестве компонентов сложных слов, образованных путём контаминации, могут выступать:

а) два отдельных слова: *шаурмяу* (шаурма + мяу), *стыдевательство* (стыд + издевательство), *своббота* (свободная + суббота);

б) три отдельных слова: *мозгистрессура* (мозги + стресс + магистратура);

в) словосочетание + слово: *вязайнер* (вязаная одежда + дизайнер);

г) слово + устойчивое словосочетание: *горстиница* (гостиница + грести горстями) – в словообразовательной структуре этого контаминанта второй компонент словосочетания *грести горстями* формально не выражен, но включается в лексическое значение деривата; *глюконат* (глюк + глюконат кальция) – второй компонент мотивирующего словосочетания ни формально, ни лексически не представлен в деривате.

По частеречной принадлежности мотивирующих компонентов исследуемые контаминанты представляют следующие структурные модели: существительное + существительное (*будняжка* = будни + бедняжка); существительное + субстантивированное прилагательное (*выгодной* = выгода + выходной); прилагательное + существительное (*коврожка* = ковровая + дорожка); глагол + глагол (*облокереться* = облокотиться + опереться); глагол + существительное (*хихидна* = хихикать + ехидна); причастие + существительное (*засыпанда* = засыпающая + панда); наречие + существительное (*сейчасье* = сейчас + счастье); местоименное наречие + существительное (*гдеьги* = где + деньги); глагол + наречие (*замечательно* = мечтать + замечательно); существительное + звукоподражание (*шаурмя* = шаурма + мяу); звукоподражание + существительное (*хрювня* = хрю + гривня). Этот ряд свидетельствует о сложности появления контаминированной лексемы в языке, представляющей собой «результат сложного взаимодействия механизмов категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний» [13, с. 1]. Доминируют в устной речи крымчан гибридные слова, образованные по моделям, включающим имя существительное, т. е. в качестве мотивирующего смысла преобладает языковой смысл «предметность». В качестве производных преобладают субстантивные новообразования. Реже образуются имена прилагательные (*хлебобулочные* изделия, *стремнадцатое* число), глаголы (*побудействовать*, *звключить*), наречия (*замечательно*, *замурчательно*).

Интерес представляет синтаксическая природа контаминантов, поскольку отношения между компонентами сложных слов, по замечанию М. Д. Степановой, «в значительной мере напоминают отношения между членами того или иного синтаксического соединения» [9, с. 307].

Анализ контаминационной базы обнаружил, что появление значительной части композитов обусловлено:

1. Свёртыванием синтагм различного типа:

а) словосочетаний: *бродака* – бродячая собака, *тёпльшко* – тёплое солнышко, *крясавчик* – кричающий красавчик и др. Мотивационной базой для подобных контаминантов выступают двусловные атрибутивные наименования, в которых

определяемый член выражен именем существительным, а определяющий – именем прилагательным или причастием. Тип подчинительной связи – согласование. Это продуктивный структурный тип мотивационной базы. Менее продуктивны типы, организованные по синтаксической модели управления и примыкания: *прекрасноятие* – восприятие прекрасного; *звключить* – выключить звук; *сейчасье* – счастье сейчас и др.;

б) простого утвердительного предложения: *уродственники*: *Родственники* – *уроды*; *своббота*: *Суббота* – это *свобода*; *свёклунда*: *Свёкла* – *ерунда*;

в) сравнительных конструкций, которые могут включать добавочные смысловые компоненты, «идиоматизирующие» семантику деривата: *картюфель* – картофель вкусный, как трюфель, *грибарий* – высохшие группы грибов, похожие на гербарий; *котопотам* – кот большой и толстый, как гиппопотам;

г) придаточных предложений, которые, как правило, содержат смысловые приращения, «идиоматизирующие» семантику деривата: *штрудень* – штрудель, который готовится в определённый день каждого месяца; *ночер* – самый поздний вечер, который предшествует ночи (полночи); *хаптека* – аптека, где хапают деньги (за счёт неоправданно завышенных цен);

д) свёртыванием смыслового единства в форме одного развёрнутого предложения или короткой ситуации, т. е. микротекста. Например, *Лондонльцо* (Лондон + Москольцо) – сленговое собственное наименование площади Москольцо в Симферополе, так как дом, расположенный рядом с этой площадью, имеет подъезд, выкрашенный в цвета английского флага; *выгодной* (выгода + выходной) – выходной день на рынке, когда торговцы устанавливают цены выше, чем в будние дни, и получают большую выгоду; *Джанпариж* (шутл.-ирон.) – Джанкой как Париж. Это название горожане стали употреблять после того, как в одном из районов Джанкоя был установлен четырёхметровый макет Эйфелевой башни.

Лексемы *Лондонльцо*, *выгодной*, *Джанпариж* характеризуются значительной степенью идиоматичности семантики и наряду с дериватами двух предыдущих

подгрупп выявляют тенденцию к усилению семантической ёмкости и многомерности контаминированных производных.

2. Композит создаётся на базе двух, редко трёх, слов, не представляющих собой синтагму. Ср.: *челикобактер* (человек + хеликобактер), *мозгаика* (мозги + мозаика), *вракула* (врать + Дракула).

3. Композит создаётся на базе двух слов с отношениями взаимосогласования. Мотивационной базой выступают двусловные субстантивные наименования «существительное + существительное, примыкающее к первому компоненту в качестве приложения»: *фломастер* (флорист-мастер), *папавлик* (папа Павлик).

Таким образом, контаминация как словообразовательная модель является эффективным способом компрессии информации в рамках одной лексемы. Компрессии могут подвергаться разные по информационному объёму высказывания – от двусловных до микротекста.

Отдельные композиты, образованные путём контаминации, получают дальнейшее развитие в языке и служат моделью для создания новых слов. При этом одна усечённая основа модифицирует значение другой основы и может использоваться в качестве аффиксоида, приближаясь по функции к суффиксу или префиксу (происходит «стабилизация осколочного элемента», по П.М. Берману). Например, подросток, собираясь на улицу, спрашивает маму: *Сегодня холодно? Мне шапенгаген надевать?* (*Шапенгаген* = шапка + Копенгаген.) Говорящий для экспрессии удлиняет слово «шапка» отрезком от топонима *Копенгаген*. Мы наблюдаем стабилизацию осколочного элемента *-енгаген* и намеренное удлинение им слова как способ усиления экспрессии. (Ср. известную разговорную фразу: *В этом вопросе я вам не копенгаген*, где соединяются в наложении *компетентный* и *Копенгаген*).

Девушка, внимательно рассматривая в зеркале свои подведённые брови, обращается к сестре: *Посмотри, какой у меня бровикюр.* (*Бровикюр* = брови + маникюр.) К словообразовательному по функции суффиксу приближается стабилизирующийся осколочный иноязычный элемент *-кюр* со значением «уход, забота».

Роль аффиксоида может выполнять не осколочный элемент, а всё мотивирующее слово. Например, неофициальные шуточные наименования крымских городов с онимом *Париж* во второй части: *Бахчипариж* (Бахчисарай + Париж), *Джанпариж* (Джанкой + Париж), *Аджипариж* (Аджимушкой + Париж), где название столицы Франции, семантизируясь в производном как объект сравнения, придаёт ему шуточно-ироническую окраску.

Наш материал позволил выделить однокоренные контаминанты, представленные алломорфами: 1) *хворижки* (хворый + коврижки), *хворобышек* (хворый + воробышек); 2) *котопотам* (кот + гиппопотам), *кошарики* (коты + шарики); 3) *крясавчик* (крякающий + красавчик), *крякутка* (крякающая + утка); 4) *красотумница* (красотка + умница), *остроумница* (остроумная + умница); 5) *мозгаика* (мозги + мозаика), *мозгистрессура* (мозги + стресс + магистратура). Эти ряды, а также вышеприведённые *Аджипариж*, *Бахчипариж*, *Джанпариж* иллюстрируют наметившуюся стабилизацию компонентов: *хвор*, *кот*, *кря*, *умница*, *мозг*, *Париж*. На базе рядов таких производных слов могут появляться новые форманты.

В ходе исследования выявлены контаминанты, которые вступают в омонимичные отношения с простыми по структуре дериватами. Их специфика заключается в том, что словообразовательная структура композита выявляется только с опорой на контекст, под которым понимается как непосредственное вербальное окружение контаминанта, так и совокупность фоновых знаний адресата. Например, в переполненную маршрутку заходит девушка с распущенными длинными волосами; через несколько остановок мужчина-пассажир, не выдержав, возмущённо произносит: «*Девушка, уберите свой космополитен!*», вероятно, намекая ей на неуместное подражание образам одноимённого издания. Название женского глянцевого журнала здесь вступает в омонимичные отношения со словообразовательным контаминантом, который образован посредством полного наложения первой мотивирующей основы на второе мотивирующее слово: *космы* + *Cosmopolitan*.

Молодой человек хотел показать родственникам новые фотографии, но компьютер завис: «*Всё, приехали. Глюконат железа, теперь фотографии в лучшем случае завтра посмотрим*». В омонимичные отношения вступают название лекарственного препарата *глюконат кальция* и словообразовательный контаминант *глюконат* (железа). Последний образован посредством полного наложения первого мотивирующего слова *глюк* («комп. жарг. Сбой в программе») на второе мотивирующее *глюконат*, вычлененное из составного лекарственного наименования. В результате наблюдаем и эффект удлинения композита как способ усиления его экспрессивности.

ВЫВОДЫ

Речетворческий потенциал жителей Крыма проявляется в их способности и потребности создавать слова, в частности контаминированные лексемы, выражающие новый смысл уникальной, морфемно непредсказуемой словесной формой и отличающиеся экспрессивностью, эмоциональностью, оценочностью. Специфика образования контаминированных дериватов выявляет подсознательную потребность говорящего в компрессии мотивирующих единиц в процессе спонтанного устного словотворчества.

В акте словообразования компрессии могут подвергаться разные по информационному объёму мотивирующие высказывания – от двухсловных до микротекста, что выявляет тенденцию к усилению семантической ёмкости и многомерности контаминированного слова.

Выделенные ряды контаминантов с повторяющимися корневыми морфемами свидетельствуют о возможном стирании различий между корнями и аффиксами и подтверждают тезис о продуктивности контаминации как самостоятельного способа словообразования и средства номинации.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 608 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 488 с.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
4. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 332 с.
5. Лаврова Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 48 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Николина Н. А. Контаминированные образования в современной речи: структура, семантика, функционирование // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26–28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – С. 349–354.
8. Петров А. В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан // Современная картина мира: крымский контекст : коллективная монография. Кн. 1. – Симферополь, 2017. – С. 45–67.
9. Степанова М. Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения (на материале современного немецкого языка) // Ученые записки МГПИИЯ. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1959. – Т. 19. – С. 305–341.
10. Тимофеева Н. Ю. Аспекты исследования креатива городской речи // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 33 (1). – С. 102–106.
11. Цыганова Н. Д. Полиаспектное описание неолексем: по материалам словотворческих интернет-сайтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Абакан, 2015. – 20 с.

12. Шашкова О. В. Словообразовательная контаминация в текстах публицистического стиля // Пушкинские чтения. – 2011. – Вып. 16. – С. 402–408.
13. Шток Н. А. Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 210 с.
14. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 254–258.

CONTAMINATED DERIVATIVES IN SPONTANEOUS SPEECH OF CRIMEAN RESIDENTS

Chepurina I. V.

Summary. The article analyzes contaminated new lexical formations, taken from colloquial, mostly urban speech of Crimean residents of the last two years (2016-2017). The task is to investigate a contaminated word as a result of lingual creativity, namely a subconscious, non-purposeful speech act.

Thematic, part of speech, structural and semantic classification of contaminants was carried out, their syntactic nature was revealed, functional purpose was determined. It has been established that syntagmatic basis of composites can be syntagmas of various types; combinations of several words that do not constitute a syntagma; combinations of two words with the relations of unilateral matching. Among the derivatives of the syntagmatic nature, lexemes are distinguished, which have a significant degree of idiomaticity, which reveals a tendency to strengthen their semantic capacity. This allows us to consider contamination as an effective way of compressing cognitive information within a single lexeme. It is shown that statements of different information capacity - from two-word to microtext can be subjected to compression.

Rows of single-root and single-structural contaminated lexemes are selected, on the basis of which new formants can be created.

The author comes to the conclusion that in the spontaneous colloquial speech of Crimean residents, contaminated derivatives perform primarily a nominative function, less often expressive-emotional and expressive-evaluative functions.

Autonomy of contamination as a way of word formation, which the Crimean residents have command of and actively use in everyday communication was demonstrated.

Keywords: contamination, contaminant, way of word formation, word-making, spontaneous speech of Crimean residents.

References

1. Akhmanova O. S. *Slovar' Lingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1969. 608 p.
2. Zhrebilo T. V. *Slovar' Lingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran': Piligrim Publ., 2010. 488 p.
3. Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak Deyatel'nost'* [Word formation as Activity]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 221 p.
4. Iriskhanova O. K. *Lingvokreativnye Osnovaniya Teorii Nominalizatsii: Dis. ... Dokt. Filol. Nauk.* [Linguistic Foundations of the Theory of Nominalization]. Moscow, 2004. 332 p.
5. Lavrova N. A. *Kontaminatsiya kak Slovtvorcheskaya Model': Struktura, Semantika, Stilistika, Pragmatika (Na Materiale Sovremennogo Angliiskogo Yazyka): Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Contamination as Word Creativity Model: Structure, Semantics, Stylistics, Pragmatics (On Modern English Language Material). Abstract of Thesis]. Moscow, 2013.
6. *Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. 685 p.
7. Nikolina N. A. *Kontaminirovannyye Obrazovaniya v Sovremennoi Rechi: Struktura, Semantika, Funktsionirovanie* [Contaminated Formations in Modern Speech: Structure, Semantics, Functioning]. *Yazykovyye Kategorii i Edinitsy: Sintagmaticheskii Aspekt. Materialy XII Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii (Vladimir, 26–28 Sentyabrya 2017 Goda), Posvyashchennoi 65-Letiyu Kafedry Russkogo Yazyka.* Vladimir: Tranzit-IKS Publ., 2017, pp. 349–354.
8. Petrov A. V. *Realizatsiya Tvorcheskogo Potentsiala v Rechi Krymchan* [Realization of Creativity in Crimean People Speech]. *Sovremennaya Kartina Mira: Krymskii Kontekst: Kollektivnaya Monografiya.* Vol. 1. Simferopol', 2017, pp. 45–67.
9. Stepanova M. D. *K Voprosu o Sintaksicheskoi Prirode Slovoslozheniya (na Materiale Sovremennogo Nemetskogo Yazyka)* [About Syntactic Nature of Word Formation (Based on the Material of Modern German Language)]. *Uchenye Zapiski MGPIIYa.* Moscow: Izdatelstvo MGPIIYa, 1959, vol. 19, pp. 305–341.

10. Timofeeva N. Yu. *Aspekty Issledovaniya Kreativa Gorodskoi Rechi* [Aspects of Research of Creative City Speech]. *Vestnik Kalmytskogo Universiteta*, 2017, no 33 (1), pp. 102–106.
11. Tsyganova N. D. *Poliaspektnoe Opisanie Neoleksem: Po Materialam Slovtvorcheskikh Internet-Saitov: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Poliaspect Description of Neolexemes. Abstract of Thesis]. Abakan, 2015. 20 p.
12. Shashkova O. V. *Slovoobrazovatel'naya Kontaminatsiya v Tekstakh Publitsisticheskogo Stilya* [Derivational Contamination In Journalistic Texts]. *Pushkinskie Chteniya*. 2011, no 16, pp. 402–408.
13. Shtok N. A. *Kognitivnye Mekhanizmy Formirovaniya Novykh Slozhnykh Sushchestvitel'nykh v Sovremennom Angliiskom Yazyke: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Cognitive Mechanisms of Forming New Complex Nouns in Modern English. Abstract of Thesis]. Moscow, 2008. 210 p.
14. Yanko-Trinitetskaya N. A. *Mezhduslovnnoe Nalozhenie* [Word Interlacing]. *Razvitie Sovremennogo Russkogo Yazyka. Slovoobrazovanie. Chlenimost' Slova*. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 254–258.

АВТОРЫ

Бембеев Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Калмыцкого научного центра Российской академии наук», г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Вавулина Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного для учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Галиуллина Гульшат Раисовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Гусейнова Руслана Низамиевна – старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Кадирова Энзе Ханафиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Курейко Вячеслав Владимирович – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Николенко Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного для учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Новикова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Полякова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

Романова Татьяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

Рубцова Евгения Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Соловьева Кристина Константиновна – обучающаяся кафедры немецкой филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Хадиева Гульфия Камиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Чепурина Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Эмирсале Эльвира Якубовна – преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Бембеев Е. В.

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА
«ДЖАНГАР».....3

Богданович Г. Ю., Новикова Т. Ю.

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КРЫМСКИЙ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ.....19

Галиуллина Г. Р., Хадиева Г. К., Кадирова Э. Х.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ
РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ.....43

Гусейнова Р. Н.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РОДНОЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В КРЫМУ).....57

Петренко Д. А., Соловьева К. К.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ
ВОДИТЕЛЕЙ-ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ В ГЕРМАНИИ.....67

Эмирсале Э. Я.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ XVI – XVIII ВВ.....80

2. ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Курейко В. В.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «РЕФЕРЕНДУМА В КРЫМУ» В КОММЕНТАРИЯХ
НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ.....92

Сегал Н. А.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ.....108

Чепурина И. В.

КОНТАМИНИРОВАННЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ
КРЫМА.....118

АВТОРЫ.....135